

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 5(31)*

Горловка
2017

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (гл. редактор), д. филол. н., доц. И. В. Александрова, д. филол. н., проф. Л. М. Борисова, к. филол. н., доц. С. В. Бревнова, д. филол. н., проф. А. А. Ворожбитова, д. филол. н., проф. И. А. Герасименко, д. филол. н., проф. Л. В. Дербенёва, д. филол. н., проф. И. И. Дяговец, д. филол. н., доц. Н. П. Иванова, д. филол. н., проф. В. М. Калинин, д. филол. н., проф. А. А. Кораблёв, д. филол. н., доц. С. О. Курьянов, д. филол. н., проф. Л. Н. Синельникова, д. филол. н., проф. В. И. Теркулов, д. филол. н., проф. В. В. Фёдоров, к. филол. н., доц. С. П. Волосевич, к. филол. н., доц. Н. А. Жихарева, к. филол. н., доц. В. В. Фёфелова, к. филол. н., доц. Н. В. Волкова

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 5 от 27.12.2017)*

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ОО ВПО В76 «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 5(31). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. – 148 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017

УДК 81'367

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛОГАНЫ
СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА**

Когнитивно-дискурсивное пространство современного Донбасса охватывает разные виды телесных практик региона, куда входят компоненты архитектурного абриса, социально-бытовой инфраструктуры, публичных и частных пространств, легитимных и маргинальных текстов региональной жизни. К перечисленным компонентам относится и комплекс слоганов наружной рекламы. Малые жанры политической коммуникации, к которым принадлежат слоганы, являются предметом рассмотрения многих ученых (см. работы А. П. Чудинова, Г. Лассвелл, Х. Валтера, С. Г. Шулежковой, Е. В. Дзюбы и др.). Однако специфика общественно-политических текстов малых жанров современного Донбасса не являлась предметом научного рассмотрения. Ввиду этого целью данной статьи выступает описание их семантики и прагматики.

Отражённая в политическом тексте языковая картина политического мира направлена на передачу деятельности не только политиков и политических движений (партий), но и, как пишет А. П. Чудинов, «общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов» [5, с. 28]. Более того, общие для этих текстов дискурсивные признаки (к которым относятся замысел, концепция, цель, фонд знаний коммуникантов, субъект речи, адресат), а также типологическое своеобразие поверхностно-речевой стороны этих текстов (т.е. стиля), требуют конкретизации названия. Поэтому мы именуем такой текст общественно-политическим. Соответственно, и язык общественно-политический (кстати, относительно общественно-политической разновидности диалога писал в одной из работ ещё М. М. Бахтин [1, с. 165–166]).

Общественно-политический текст современного Донбасса, включённый в единое семиотическое пространство общественно-политического дискурса новых республик, представлен жанровыми разновидностями. Заметную роль играют тексты малых речевых жанров (так называемые микротексты), в числе которых его агональные, содержащие девизы и призывы к борьбе, типы. Традиционно к ним относят лозунги, слоганы, речовки, девизы, призывы.

Учёные пытаются дифференцировать эти понятия, результатом которых становится взаимозаменяемость и нечёткость жанровых характеристик указанных видов текстов. Так, к принципиальным отличиям слогана от девиза Е. И. Шейгал относит обращённость (призывность) слогана и «директивность (выражение руководящей идеи) и побудительность» девиза [6, с. 214]. При этом автор указывает, что «интенция девиза [...] – выразить руководящую идею, вдохновить, направить деятельность на достижение цели-идеала», в то время, как «директивность (выражение руководящей идеи) и побудительность являются основными дифференциальными признаками лозунга» [6, с. 213]. Нечёткость формулировок отображена и в лексикографических источниках. Ср. дефиниции анализируемых лексем: *слоган* [англ. *slogan* <to slog 'сильно ударять'] – «рекламная формула в виде афористичной, легко запоминающейся короткой фразы» [3, с. 658]; *девиз* [фр. *devise*] – «краткое изречение, обычно выражающее руководящую идею поведения или деятельности» [3, с. 219]. Имеют место и обусловленные степенью сформированности понятийного аппарата малых жанров политической лингвистики затруднения относительно разграничения слогана и лозунга. Например, уже ставший признанным подход А. П. Чудинова основан на учёте принадлежности этих текстов к определённой политической идеологии, которой они «служат». «Дифференциация слогана и лозунга может быть ориентирована на разграничение коммунистической и либеральной пропаганды», – пишет учёный [5, с. 32]. Фактически, автор не видит существенных отличий в содержательной стороне слогана и лозунга. Более того, признаёт, что «слово «слоган» часто используется как общее наименование для любой яркой, запоминающейся фразы (или её компонента), в том числе такой, которая не является собственно лозунгом, то есть не передаёт основную идею, а просто привлекает внимание к лозунгу или закрепляет его в сознании» [5, с. 32]. И с этим трудно не согласиться. Действительно, англоязычный термин *slogan* (и его русский аналог *лозунг*) целесообразно считать гиперонимом по отношению к *девизу*, *призыву*, *речовке*. Эти тексты как малые жанры политической рекламы являются краткими, сжатыми выражениями, отображающими политические и идеологические принципы, выдвигаемые определённой политической силой, общественной организацией или государственной структурой в качестве основы их деятельности в некий период времени. Причём *девиз* выступает фразой, выражающей ключевую идею (концепцию) политической силы, общественной организации или государственной структуры. Ср.: *Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано* (как популярная строка

из стихотворения П. Беспощадного – советского шахтёра и поэта). *Призыв* является обращением или требованием этих сил, организаций и структур (*Воспитаем достойное поколение!*), а *речовка* как ритмически организованный текст патристического содержания исполняется в такт общественно-политическому действию для выражения определённой эмоции или мысли: *Русские за русских!* Данные тексты общественно-политического профиля объединены общими жанровыми признаками (директивность, побудительность, шаблонность, клишированность, лаконичность, ясность формулировок), являются по своим характеристикам близкими, но не идентичными структурами и относятся к разновидностям слоганов (лозунгов) как единиц малых жанров.

Рассмотрим эти малые жанры политической коммуникации современного Донбасса.

Основной задачей общественно-политических текстов донецкого региона является формирование поведенческих моделей и политических предпочтений, влияние на гражданскую позицию и на восприятие современной общественно-политической реальности, на определение будущего республики, а также на мнения людей относительно кандидатов ожидаемых выборов, действующих политиков и политических движений, новых государственных структур и общественно-политических организаций. Поэтому такие тексты, имея свою специфику и отличаясь чёткостью формулировок, инкорпорируются в современный общественно-политический процесс. Ср. краткость и сжатость слоганов *ЛНР с народом! Строим будущее республики вместе; Фашизм не пройдёт! Мы вместе гордимся победителями! Донбасс фашистов задавит!*

В анализируемых текстах просматривается возвращение к высокому гражданским идеалам – патриотизму, свободе, единству, активной гражданской позиции. Этой цели особенно подчинены общественно-политические слоганы, содержащие следующие лексемы: *родина* (*Выбери малой **родине** большую судьбу*), *независимость* (*Донбасс выбирает **независимость***), *сплочённость* (***Сплочённость** горловчан – залог восстановления и развития города*), *свободный* (*Донбасс был и будет **свободным**; за **свободный** Донбасс*), *народный* (*ДНР – республика **народной** экономики без олигархии и коррупции*).

Идея совместности действия и единения достигается благодаря использованию местоимений *мы*, *мой* и наречия *вместе* (***Мы вместе** создаём будущее; **Вместе** восстановим экономику города; **Мой** выбор – служба в армии ДНР; ЛНР: **мы** возвращаемся домой*). Посредством таких языковых интеракций рождается

социально-политическая действительность, транслируются идеи силы духа и мужества.

Общественно-политические слоганы современного Донбасса, обладая информационным ядром в сочетании с эмоциональными и суггестивными компонентами, строятся с использованием разных стилистических фигур. Так, последовательно применяется основанная на взаимодействии повтора и расположения элементов лексическая анафора; ср.: *Сильный народ выбирает сильных лидеров; Наша сила в братстве. Наша сила – в независимости*. Используются парцелированные конструкции, изобразительная функция которых направлена на экспрессию и конкретизацию изображаемого; например: *Я – донецкий! И я горжусь этим!* Активно задействована аллюзия; ср.: *ДНР: все только начинается! ДНР: мы только начинаем!* как тексты-отсылки к известным для носителей русской лингвокультуры словам *В сорок лет жизнь только начинается, это уж я теперь точно знаю*.

С опорой на прецедентные тексты созданы и слоганы *Мы говорим, пишем и показываем правду* (это трансформированное высказывание-отсылка к названию советской еженедельной газеты и фразе диктора Ю. Левитана). Стремясь к максимальному воздействию, стилистика такого текста формирует яркий образ, основанный на конкретном историческом опыте и учитывающий этнокультурное пространство региона. Ср.: *Поклонимся мёртвым и живым, всем тем, кого забыть нельзя* (известные строки из стихотворения Михаила Львова, положенные на музыку А. Пахмутовой *Поклонимся великим тем годам, / Тем славным командирам и бойцам, / И маршалам страны, и рядовым, / Поклонимся и мёртвым, и живым, – Всем тем, которых забывать нельзя*). Другой пример – слоганы в тексте гимна ДНР: *Славься, Республика наша народная! / Славься, любимый шахтерский Донбасс! / Славься, держава, духом свободная, / Дружбой народов связавшая нас!* Текст гимна содержит отдельные речевые обороты из гимна СССР: *Славься, Отечество наше свободное, / Дружбы народов надёжный оплот! / Знамя советское, знамя народное / Пусть от победы к победе ведёт!*

Данная прецедентность непосредственно связана с цитатами из ранее созданных текстов, использование которых отвечает «суггестивности» сообщения, направленности на эмоциональную сферу целевой аудитории – обращение к чувствам гордости, справедливости и патриотизма.

Лингвистический портрет слоганов современного Донбасса, опираясь на языковые особенности современного общественно-политического текста, имеет также следующие черты:

1) обращение к максимально упрощённым синтаксическим конструкциям. Слоган как малоформатный текст, сочетающий информативный и экспрессивный компоненты, состоит, как правило, из одного предложения (*Донбасс с Россией; Донецк в надёжные руки! Я признаю независимые и свободные республики*);

2) активная замена глагольных форм именами существительными (*Свободные выборы – свободному народу! Битва за Донецкую Русь!*);

3) эмоциональность, призывность, ритмичность (*Донбасс был и будет свободным! Донбасс, мы с тобой!*). Рифмовка относится к классическим художественным приёмам, помогающим запомнить слоган (ср.: *На страже закона – на службе народа; Нам завещана от бога Русская дорога*);

4) адресность как прямое обозначение «своего» адресата – народа республики (*Мужики! Все на защиту родной земли! Молодёжь республики выбирает спорт. Донецкий народ решает: строить будущее! Донецкий народ решает: наши дети будут счастливыми! Донецкий народ решает: медицина будет бесплатной; Донецкий народ решает: урожай будет!*);

5) употребление идеологем как текстообразующей категории, в которой заложена стилистика адресата (об этом см.: [2, с. 68]). Так, лексемы *мир, родина / малая родина, свобода, сплочённость*, составляя ядро общественно-политической лексики современного Донбасса, обладают интенцией убеждения. Ср.: *Родной земле мир и процветание! Большая страна начитается с малой родины* (феномен малой родины, обладая сакральным значением и транслируя идею идентичности, неоднократно используется в текстах слоганов нашего Донбасса).

Слоганы общественно-политического профиля как «ёмкие фразы, позволяющие кратко, в запоминающейся форме выразить главную идею (идеи) убеждающей коммуникации» [4, с. 187] «опредмечены» в плакатах, листовках, на билбордах, баннерах, постерах и транспарантах. **Наглядность этих текстов**, выполняя воздействующую функцию, создаёт эффект присутствия изображённого политика, обозначенного политического движения, общественной организации или государственной структуры, служит напоминанием об их существовании, а сопровождающий слоган позволяет ёмко сформулировать главное направление их деятельности. Такие черты реализованы, например, в следующих текстах: *Голосуй за команду ДНР; Мы вместе защитим Донбасс. Общественное движение «Донецкая республика»; На страже закона. МВД ЛНР; Вместе мы победим. Штаб ЛНР*. При этом для политических движений, общественных

организаций и государственных структур идентифицирующим знаком является их название и символика.

Итак, слоганы общественно-политического профиля, обладая повышенной речевой ответственностью, фиксируют дискурсивную деятельность официального языка республиканской власти. Благодаря этим и другим текстам воздействующей коммуникации формируется массовое сознание, возрождаются идеалы патриотизма и сплочённости, а также установки на процветание и любовь к малой родине, что, безусловно, требует дальнейшего лингвистического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста / М. М. Бахтин // М. М. Бахтин. Собр. соч.: В 5 т. – Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996. – С. 159–206.
2. Клушина Н. И. Коммуникативная стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина // Мир русского слова. – 2008. – № 4. – С. 68–70.
3. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
4. Пушкарёва Г. В. Политический менеджмент / Г. В. Пушкарёва. – М. : Дело, 2002. – 399 с.
5. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация / А. П. Чудинов: учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 292 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.19 / Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2000. – 400 с.

АННОТАЦИЯ

Герасименко И.А. Общественно-политические слоганы современного Донбасса

Статья посвящена исследованию общественно-политических текстов современного Донбасса, включённых в единое семиотическое пространство. В работе рассмотрены дискурсивные признаки и типологическое своеобразие малых жанров общественно-политических текстов. В ходе анализа был сделан вывод, что слоганы общественно-политического профиля, обладая повышенной речевой ответственностью, фиксируют дискурсивную деятельность официального языка республиканской власти.

Ключевые слова: слоган, общественно-политический, коммуникация, дискурс.

SUMMARY

Gerasimenko I.A. The Donbass slogans of socio-political pattern

The article deals with the research based on the study of the socio-political texts of Donbass which are included in the integrated semiotic field. The discursive markers and the typological originality of minor genres of the socio-political texts are studied in this work. The thorough analysis made it possible to come to the conclusion that the slogans of the socio-political pattern possessing the enhanced speech responsibility register the discursive activity of the official language of the republican governance.

Key words: slogan, socio-political, communication, discourse.

*Н.В. Волкова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.611–613.811.111

АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'СМЕЛОСТЬ' В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс адаптации заимствованных единиц к нормам принимающего языка в лингвистике называют ассимиляцией, т.е. их приспособлением на разных уровнях: фонетическом, графическом, семантическом, грамматическом и др.

Целью данного исследования является анализ ассимиляции заимствованных субстантивов со значением 'смелость' в английском языке.

Для достижения цели нами обозначены следующие задачи: создание базы существительных английского языка, составляющих синонимическую группу единиц со значением 'смелость', изучение этимологических характеристик анализируемых субстантивов, рассмотрение графической, семантической, грамматической, словообразовательной, фразеологической ассимиляции заимствований.

При обсуждении проблем иностранных слов в английском языке ученые уделяют внимание как общим характеристикам адаптации единиц (Антрушина Г. Б., Арбекова Т. И., Арнольд И. В., Ефремов Л. П., Павленко Г. В., Секирин В. П., Смирницкий А. И. и др.), так и ее отдельным аспектам (Англицкас В. Л., Багинская И. Н., Беляева С. А., Галуцких И. А., Зацний Ю. А., Тамерьян Т. Ю. и др.). Актуальность нашего исследования обозначена тем, что анализ данных единиц в научных исследованиях носит фрагментарный характер, а вопрос их ассимиляции нуждается в системном изучении.

Синонимическую группу субстантивов английского языка со значением ‘смелость’ составляют 18 единиц: исконные (*boldness*, *fearlessness*, *hardihood*, *pluck*) и заимствованные, в которые входят как собственно заимствования (*courage*, *enterprise*, *fortitude*, *mettle*, *valour*), так и существительные, которые были образованы на базе адаптированных в английском языке слов при помощи исконных и заимствованных суффиксов (*audacity*, *audaciousness*, *bravery*, *dauntlessness*, *determination*, *firmness*, *gallantry*, *heroism*, *intrepidity*). Отличаясь дополнительными характеристиками понятия, которое они передают, эти синонимы являются идеографическими.

Синонимической доминантой является слово *courage*, так как является словом с общим значением ‘the quality of being brave when you are in danger, in pain, in a difficult situation etc.’ (‘смелость, храбрость, отвага, мужество, твердость духа, готовность бесстрашно встречать опасность’).

Значения других единиц в словарях [1-5] представлены следующим образом:

audaciousness – ‘courage, bravery’ (‘смелость’, ‘наглость’ разг.);

audacity – ‘courage, bravery’ (‘смелость’, ‘наглость’ разг.);

boldness – ‘the trait of being willing to undertake things that involve risk or danger’ (‘смелость, которая побеждает страх’);

bravery – ‘actions, behaviour, or an attitude that shows courage and confidence’ (‘храбрость, мужество, отвага, часто с вызовом’);

dauntlessness – ‘resolute courage’ (‘гордая, высокая, величественная смелость’ литер.);

determination – ‘the quality of trying to do something even when it is difficult’, ‘the act of deciding something officially’ formal, ‘the act of finding the exact level, amount, or cause of something’ formal (‘качество предпринимать попытки что-либо делать даже, если это очень трудно’, ‘акт принятия чего-либо официально’ форм., ‘акт установления точного уровня, количества или причин чего-либо’ форм.);

enterprise – ‘a company, organization, or business’, ‘the activity of starting and running businesses’, ‘a large and complicated project, especially one that is done with a group of other people’, ‘the ability to think of new activities or ideas and make them work’ (‘компания, организация или бизнес’, ‘деятельность по началу и руководству бизнесом’, ‘большой и сложный проект, особенно тот, который выполняется группой людей’, ‘способность придумывать новую деятельность или идеи и реализовывать их’);

fearlessness – ‘the trait of feeling no fear’ (‘бесстрашие, неустрашимость, мужество’);

firmness – ‘the trait of being resolute’ (‘твердость, решимость’);
fortitude – ‘courage shown when you are in great pain or experiencing a lot of trouble’ formal (‘сила духа, стойкость’ форм.);

gallantry – ‘courage, especially in a battle’ formal, ‘polite attention given by men to women’, ‘love affair’ (‘энергичная и завязанная смелость, храбрость, отвага’ литер., ‘галантность, изысканная любезность’, ‘любовная интрига, ухаживание’);

hardihood – ‘the trait of being willing to undertake things that involve risk or danger’ (‘смелость, дерзость, наглость’);

heroism – ‘very great courage’ (‘героизм, геройство, доблесть, презрение к опасности, связанное с благородной отдачей делу или с достижением какой-то великой цели’);

intrepidity – ‘resolute courage’ (‘хладнокровная смелость, отвага’);

mettle – ‘courage and determination to do something even when it is very difficult’, ‘good temperament and character’ (‘пыл, ретивость’, ‘характер, темперамент’);

pluck – ‘courage and determination’ old fashioned (‘смелость, отвага, мужество’ разгов., ‘дерганье’, ‘ливер, потроха’, ‘провал на экзамене’ разгов.);

valour – ‘great courage, especially in war’ literary (‘личная отвага, доблесть, особенно в бою’ ритор.).

Степень графической адаптации собственно заимствованных анализируемых субстантивов наблюдаем при сопоставлении их с написанием единиц в языке, из которого они были заимствованы, а именно, *courage* (англ.) – *courage* (фр.), *enterprise* (англ.) – *enterprise* (фр.), *mettle* или его другое написание *metal* (англ.) – *metal* (фр.), графическая форма которых совпадает в языке-реципиенте и в языке, из которого слова были заимствованы, а также существительные, формы которых отличаются незначительно *fortitude* (англ.) – *fortitude* (лат.), *valour* (англ.) – *valor*, *valur*, *valeur* (фр.). Последнее существительное в английском языке имеет два варианта написания *valour* (британский английский) и *valor* (американский английский). Другие заимствования образованы на базе иностранных слов, которые уже были ассимилированы в английском языке: *audacity* < *audacious* < *audacieux* (фр.), *audaciousness* < *audacious* < *audacieux* (фр.), *bravery* < *brave* < *brave* (фр.), *dauntlessness* < *dauntless* < *daunt* < *danter* (фр.), *determination* < *determine* < *determiner* (фр.), *firmness* < *firm* < *ferme* (фр.), *gallantry* < *gallant* < *gallant* (фр.), *heroism* < *hero* < *heroie* (фр.), *intrepidity* < *intrepid* < *in-trepidus* (лат.).

Под грамматической адаптацией существительных понимают способность единиц образовывать множественное число при помощи типичной для английского языка флексии

-(e)s. Отметим, что анализируемые заимствования передают абстрактное понятие и считаются неисчисляемыми в английском языке, за исключением тех случаев, когда полисемантическое слово в одном из своих значений становится исчисляемым. Так, существительное *determination* является исчисляемым в двух формальных значениях ‘акт принятия чего-либо официально’ и ‘акт установления точного уровня, количества или причин чего-либо’, субстантив *enterprise* исчисляемое в значениях ‘компания, организация или бизнес’ и ‘большой и сложный проект, особенно тот, который выполняется группой людей’. Однако, учитывая факт коммуникативной значимости использования множественной формы слова, в данном случае потребности, например, классифицировать виды понятий со значением ‘смелость’, структурные ограничения могут быть преодолены и со временем образование множественной формы исследуемых существительных может стать нормой английского языка. В Интернет-источниках уже сейчас используются слова *fortitudes, audacities, audaciousnesses, braveries, courages, dauntlessnesses, firmnesses, gallantries, intrepidities, mettles, valours*.

Семантическое развитие иностранных единиц представляет собой сложный процесс, так как первичное значение слова может частично меняться как при непосредственном заимствовании, так и с течением времени. Сопоставим значения заимствованных слов в английском языке, которые рассматривались выше, и в языке, в котором они являются исконными: *audacity, audaciousness* < *audacious* < *audacieux* (фр.) < *audere* (лат.) ‘to dare’ (‘сметь, отважиться’); *bravery* < *brave* < *brave* (фр.) ‘brave, gay, fine, proud, braggard, valiant’ (‘смелый, веселый, хороший’); *courage* < *courage* (фр.) < *cor* ‘heart’ (фр.) (‘сердце’) + *-age* (лат.) < *-aticum*; *dauntlessness* < *dauntless* < *daunt* < *daunter* (фр.) < *domitare* (лат.) ‘to tame, subdue’ (‘приручать, покорять’); *determination* < *determine* < *determiner* (фр.) < *determinare* (лат.) ‘to bound, to end’ (‘ограничивать, сдерживать, оканчивать’); *enterprise* < *enterprise* (фр.) ‘an enterprise’ (‘смелое предприятие’) < *interpretare* (лат.) < *inter* ‘among’ (‘среди’) + *prendere* ‘to lay hold of’ (‘схватить, ухватиться за что-то, овладеть чем-то’); *firmness* < *firm* < *ferme* (фр.) < *firmus* (лат.) ‘steadfast’ (‘твердый, прочный’); *fortitude* < *fortitudo* (лат.) ‘strength’ (‘сила’); *gallantry* < *gallant* < *gallant* (фр.) < *galer* ‘to rejoice’ (‘радоваться, веселиться, праздновать’); *heroism* < *hero* < *heroe* (фр.) < *heroem* (лат.) < *heros* (гр.) ‘hero, demi-god’ (‘герой, полубог’); *intrepidity* < *intrepid* < *in-trepidus* (лат.) ‘fearless, not alarmed’ (‘бесстрашие’); *mettle* < *metal* < *metal* (фр.) < *metallum* (лат.) ‘mine, metal’ (‘рудник, металл’) < *mettallon*

(гр.) ‘cave, mine, mineral, metal’ (‘пещера, рудник, минерал, металл’); *valour* < *valor, valur, valeur* (фр.) ‘value, worthiness’ (‘ценность’) < *ualorem* (лат.) ‘worth’ (‘ценность’) < *ualere* (лат.) ‘to be strong, to be worth’ (‘быть крепким, быть ценным’).

Обратим внимание на тот факт, что показателем лексической адаптации иностранной лексики является ее многозначность. В исследуемой группе единицы в равной степени делятся на полисемичные (*enterprise* – 4 значения; *gallantry* и *determination* – по 3 значения; *audaciousness, audacity, courage, mettle* – по 2 значения) и моносемичные (*bravery, dauntlessness, firmness, fortitude, heroism, intrepidity, valour*).

Одним из важных признаков ассимиляции заимствований в языке-реципиенте является его словообразовательная активность – способность слова образовывать новые единицы. Наибольшей словообразовательной продуктивностью на данный момент развития языка характеризуется субстантив *courage*, у которого 12 дериватов (*encourage, encouraged, encouragement, encouraging, encouragingly, courageous, courageously, discouraging, discouraged, discouragement, discouraging, discouragingly*). Незначительная словообразовательная продуктивность у существительных *enterprise* (3 производных слова: *enterprise culture, enterprising, enterprisingly*) и *mettle* (дериват *mettlesome*). От остальных заимствованных субстантивов производные слова на данный период развития языка не зафиксированы словарями.

Нереализованные словообразовательные способности могут быть объяснены несколькими факторами. Во-первых, тем, что большая часть данных заимствований является дериватами других единиц: *audacity, audaciousness* < *audacious, bravery* < *brave, dauntlessness* < *dauntless, determination* < *determine, firmness* < *firm, gallantry* < *gallant, heroism* < *hero, intrepidity* < *intrepid*). Во-вторых, исследуемые единицы характеризуются незначительной частотностью употребления. Из всей группы заимствований, только 3 единицы входят в группу трех тысяч наиболее частотных слов: *enterprise* – во вторую тысячу в письменной речи, *determination* – в третью тысячу в письменной речи и *courage* – в третью тысячу в устной речи. Более того, дериват последнего субстантива *encourage* входит в первую тысячу частотных слов в письменной речи, во вторую группу – в устной речи и имеет 4 производных слова (*encouraged, encouragement, encouraging, encouragingly*).

Среди исконных субстантивов синонимической группы только у существительного *pluck* 2 производных слова (*to pluck* и *plucky*). От существительных *boldness, fearlessness, hardihood* производные не зафиксированы словарями. Как и большинству

заимствованных единиц синонимической группы, им присуща высокая частотность употребления и производная структура.

Помимо словообразовательной активности, ассимилированные лексемы характеризуются фразеологической активностью – способностью единицы входить во фразеологическую систему языка. Нами зафиксированы следующие фразеологизмы, в которые включены исследуемые субстантивы:

courage – *Dutch courage* ‘bring one’s courage to the sticking point’ (‘безрассудная храбрость, вызванная большим количеством выпитого алкоголя, смелость во хмелю’), *to summon (pluck up) the courage to do something* ‘to try to make yourself to be brave enough to do something’ (‘собраться с духом сделать что-либо’), *to have the courage of one’s convictions* ‘to be brave enough to act according to your beliefs, to continue to say or do what you think is right even when other people may not agree or approve’ (‘иметь мужество поступать согласно своим убеждениям’), *to screw up one’s courage* ‘to force yourself to be brave’ (‘набраться храбрости, отважиться, собраться с духом, призвать всю свою храбрость’);

mettle – *to be on your mettle* (британский английский) ‘to be ready to try as hard as possible because your abilities are being tested’ (‘рваться в бой, проявлять пыл, ретивость’), *to prove one’s mettle* ‘to prove that one has endurance and strength of character, or the necessary skills, abilities, or traits to succeed in something’ (‘доказать свое мужество, смелость’); *to put (set) somebody on his mettle* ‘to try one’s endurance and strength of character’ (‘испытать чье-либо мужество, заставить кого-либо сделать все, что в его силах, воодушевить’);

valor – *Discretion is the better part of valor* (a proverb) ‘when you are in danger or trouble, good sense helps more than foolish risks; it is better to be careful than to be foolishly brave’ (Без осторожности нет и доблести (поговорка), ‘не следует подвергать себя ненужному риску’).

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что заимствованные существительные со значением ‘смелость’ в разной степени являются полностью или частично ассимилированными на графическом, семантическом, грамматическом, словообразовательном или фразеологическом уровнях английского языка.

Перспективным считаем сопоставительное исследование ассимиляции заимствований со значением ‘смелость’ и их антонимов, таких как *fear*, *cowardice*, *dastardliness*, *poltroonery*, *timidity*, *pusillanimity*, *weakness*, *diffidence*, *faint-heartedness*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девлин Дж. Словарь синонимов и антонимов английского языка / Девлин Дж. – М. : Центрполиграф, 2005. – 559 с.
2. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. – 5-е изд. – М. : Рус. яз., 1998. – 881 с.
3. Словник синонімів англійської мови : [посіб. для студ. фак. і від. англ. мови] / укл. К. Т. Баранцев. – К. : Рад. шк., 1964. – 516 с.
4. Longman Dictionary of Contemporary English / dir. D. Summers. – Oxford : Pearson Education Limited, 2006. – 1951 p.
5. Skeat W. W. The Concise Dictionary of English Etymology / W. W. Skeat. – London : Wordsworth Editions Limited, 2007. – 643 p.

АННОТАЦИЯ

Волкова Н.В. Ассимиляция заимствований со значением ‘смелость’ в английском языке

В статье рассматривается вопрос ассимиляции заимствованных единиц со значением ‘смелость’ в английском языке. Автор анализирует адаптацию данных субстантивов на графическом, семантическом, грамматическом, словообразовательном и фразеологическом уровнях.

Ключевые слова: ассимиляция, субстантив, заимствованная единица, исконная единица, значение, смелость.

SUMMARY

Volkova N.V. The assimilation of borrowings meaning ‘courage’ in English

The article deals with the problem of the assimilation of borrowings meaning ‘courage’ in English. The author studies the adaptation of these substantives on graphic, semantic, grammatical, word-forming and phraseological levels.

Key words: assimilation, substantive, borrowed unit, native unit, meaning, courage.

Ю.Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ VS ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

Образ является предметом научного интереса филологов, философов, психологов, культурологов. Его рассматривают как неотъемлемый элемент процессов познания и мышления (Аристотель, Ф. Бэкон, Гегель, Т. Гоббс, Р. Декарт, И. Кант, Г. Лейбниц, Платон и др.), как компонент семантической структуры слова (Н. А. Илюхина, М. Я. Розенфельд, Е. А. Юрина и др.), как составную часть концепта (Н. Ф. Алефиренко, С. Г. Воркачёв, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). В литературоведении образ понимается как категория художественного творчества, связанная с представлениями об отношении искусства и воссоздаваемых в его рамках моделях онтологического мира к действительности, а также с проблемой восприятия художественного произведения. Именно широта функционирования понятия «образ» в различных отраслях гуманитарного знания обусловила цель статьи – рассмотрение соотношения художественного и языкового образов.

В современной лингвистике языковой образ интерпретируется при помощи двух дефиниционных моделей: «языковой образ=категория языкового сознания» и «языковой образ=реакция на языковое воплощение предметов». Данные модели реализуются в концепциях Н. Ф. Алефиренко, Б. М. Гаспарова, Ю. Н. Караулова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, М. В. Пименовой, Н. А. Илюхиной, Е. А. Юриной и др.

Рассматривая образ как вербальную категорию, лингвисты выделяют три уровня формирования его смыслового содержания: сенсорно-перцептивное отражение, уровень представлений и уровень понятийного мышления.

На первом этапе формируется перцептивный, или чувственный образ. Он является отражением предмета при непосредственном взаимодействии индивидуума с ним. Описание этого образа тесно связано с психологическими концепциями, поскольку исследователи апеллируют к понятиям «ощущение» и «восприятие». На этапе сенсорно-перцептивного отражения фиксируется внешний облик предмета, тактильные, звуковые, вкусовые и другие ощущения. Как правило, чувственный образ – это образ конкретного предмета, который объективируется языковыми средствами и может быть зафиксирован в словарной дефиниции соответствующего

языкового знака. Ср.: «Верба – дерево или кустарник из рода ивы, с гибкими ветвями буро-красного цвета» [14, с. 149]; «Верба – родовое название деревьев, множества видов, Salix; ива, ветла, лоза, бредина, раkitник, молюкитник» [4]; «Верба – дерево или кустарник семейства ивовых с гибкими ветвями и пушистыми почками» [2, с. 118]. В приведённых словарных статьях закреплёны как внешние признаки (цвет и форма (гибкость) ветвей и почек денотата), так и положение в пространстве (произрастание у воды). Эти представления находят отражение и в языке русской поэзии. У С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина с помощью сочетаний *серёжки вербы*, *пух пушистой вербы*, *ветку вербы на узду*, *приютились к вербам избы*, *вербы у плетня* объективировано описание образа вербы через экспликацию визуальных и пространственных признаков. Ср.: *Свесила вербы серёжки мохнатые / Мёда душистее, белее холста* (Н. Клюев); *У кормы я прикрепил / Вешний пух пушистой вербы* (М. Кузмин); *Не жалей весны желанной, / Не гонись за пухом верб* (М. Кузмин); *Дай ты мне зарю на оловни, / Ветку вербы на узду* (С. Есенин); *В том краю, где жёлтая крапива / И сухой плетень, / Приютились к вербам сиротливо / Избы деревень* (С. Есенин); *Седые вербы у плетня / Нежнее головы наклонят* (С. Есенин).

На уровне представлений образ возникает при отсутствии предмета. Рассматриваемый феномен выделяется из фона и осмысливается без непосредственного воздействия на органы чувств человека. Такой образ интерпретируется лингвистами как целостная картинка, поскольку позволяет смоделировать объект познания при помощи вербальных средств. Кроме того, образы-представления чаще всего эксплицируют предметные имена существительные (*верба*, *ива*, *раkitа*, *ветла* и т.д.), качественные имена прилагательные, обозначающие физические свойства (*белый*, *зелёный*, *пушистый* и т.п.), а также глаголы конкретного физического действия (*ветвиться*, *расцветать*, *встретить*, *стоять* и др.) [18, с. 14]. Наш материал исследования показывает, что к этому ряду целесообразно добавить относительные имена прилагательные с семантикой указания на время, состояние, место произрастания и т.д. (*осенний*, *плакучий*, *олонецкий* и др.), которые позволяют конкретизировать чувственный языковой образ, соотнести его с определённой территорией, временем, состоянием. Ср.: *Сутулятся волжские вербы / Над скорбью бурлацких могил* (Н. Клюев); *Чтоб белей цветов весенней ветлы / Стала жизнь на поприще людском!* (Н. Клюев); *Схожа я с мишистой, заплаканной ивою, / Мне ли крутиться в янтарь-бахрому?* (Н. Клюев).

На уровне понятийного мышления происходит рационализация образа, проявляющаяся в избирательности его содержания (совершается отбор только доминантных признаков объектов онтологического мира, позволяющих соотносить данный объект с рядом тождественных, а также дифференцировать его в этом ряду). Ср.: *По дорогам усохшие вербы / И тележная песня колёс* (С. Есенин); *Как сидит под ольхою дорога* (С. Есенин); *Посмотри, какие тени / На дорожку стелют вязы!* (Н. Клюев); *Каждый оставил / Дом / С ивами над прудом...* (С. Есенин); *А вербы над речкой как ангелы белы* (Н. Клюев); *Где бледная под ивой урна, / Куда мой лёгкий прах сложить?* (М. Кузмин); *Ты печальна, как ивы родного кладбища* (Н. Клюев). В приведённых примерах с помощью лексем *дорога, пруд, река, урна, кладбище* актуализирован локационный параметр листовых деревьев: все они произрастают в обжитых человеком местах и выполняют определённую функцию (часто её истоки лежат в плоскости культуры). Кроме того, на этом уровне формирование образа связано с процессами переосмысления свойств реалий онтологического мира. Чувственные образы становятся основой для структурно более сложных образов-воображения, создающихся посредством когнитивной метафоры.

Итак, языковой образ как категория языкового сознания позволяет представить феномены национальной культуры в совокупности их признаков, релевантных для коммуникативно-прагматической деятельности человека. Являясь отражением объектов онтологического мира в языковом сознании индивидуума, языковой образ рассматривается исследователями как совокупность вербальных средств, «которые обозначают один и тот же денотат» [1, с. 116].

Трактование образа как неотъемлемой черты языковой деятельности, необходимой для успеха коммуникации, является одним из основных положений лингвистики языкового существования Б. М. Гаспарова. Учёный отмечает, что языковые образы – это, прежде всего, отклик на языковой материал. Языковые образы определяются исследователем как «перцептивная реакция не на предметы как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» [3, с. 255]. Лингвист выделяет такие свойства языкового образа, как одномоментность, непосредственность и целостность. Это обусловлено тем, что образная реакция возникает на определённый языковой материал, с которым субъект уже взаимодействовал и который является частью его языкового опыта.

Б. М. Гаспаров отмечает принципиальные различия между языковым образом и образом, относимым исследователями к довербальным категориям сознания. Языковой образ «стоит у истоков процесса осмысливания» [3, с. 261], т.е. является своего рода стимулом или импульсом для интерпретации языкового материала, определения вхождения последнего в языковой опыт говорящего. Отличается языковой образ и от значения, поскольку, согласно концепции Б. М. Гаспарова, является продуктом духовной деятельности человека, которому присущи открытость и незавершённость. Кроме того, языковой образ всегда отображает не столько реальный предмет, сколько «историю употребления» соотносимого с ним языкового выражения.

Однако исследователь отмечает, что языковой образ, хотя и тесно связан с языковыми выражениями, может отображаться в сознании и как схематический облик предмета или намёк на него (иероглифический образ), и как зрительный, связанный с идеей движения образ (кинестетический образ), и как перцептивное отображение предметов реального мира, и как представление собственно языкового материала, зафиксированного на письме (метаязыковой образ).

В число базовых признаков языкового образа лингвист включает следующие:

1. Превалирование зрительного восприятия при формировании языкового образа. Ср. актуализацию этого признака в произведениях С. Есенина и М. Кузмина: *Тёмным елям снится / Гомон косарей* (С. Есенин); *В тёмной роще на зелёных елях* (С. Есенин); *Из-за ёлки бы высокой / Подсмотрел я на кругу* (С. Есенин); *Раставя лапы в небо, ель / Картонно ветра ждёт, но даром!* (М. Кузмин). Здесь образ ели эксплицирован вербальными знаками **тёмный, зелёный, высокий**, которые передают зрительные признаки формы дерева и цвета кроны. Б. М. Гаспаров отмечает, что даже если языковой материал содержит отсылку к звуковому или тактильному восприятию, он воспринимается человеком через посредство зрительного образа. Так, тактильное восприятие в тексте М. Кузмина *Иглы мелкой ели колки* достигается благодаря использованию лексем *игла* и *колкий*, актуализирующих, соответственно, значения «предмет, заострённый с одного конца, колющий» [12, с. 204] и «причиняющий укол» [12, с. 244]. В примерах *Он восседает под елью, как море гремячей* (Н. Клюев); *На мху, как в зыбке, задремать, / Под баю-бай осиплой ёлки* (Н. Клюев); *Ель на полдень шумит – к звероловным вестям* (Н. Клюев) звуковое восприятие объективируется языковыми единицами *гремучий, осиплый, шуметь* как “производить звук разной интенсивности”.

2. Воспроизводимость. За определённым языковым материалом закреплёны тождественные языковые образы. Например, при употреблении слова *ель* в языковом сознании субъекта актуализируются признаки «вечнозелёное дерево», «с хвоей», «с длинными чешуйчатыми шишками», «с кроной конусообразной формы», зафиксированные в лексикографических источниках (например, [14, с. 465]) и формирующие воспроизводимый языковой образ.

3. Множественность. Каждому языковому выражению соответствует целый ряд образных альтернатив, формирующих целостный языковой образ. Сравним такие признаки образа ели, как «вечнозелёное дерево», «наличие хвои», «с кроной конусообразной формы», с их образными альтернативами, зафиксированными в поэтических текстах носителей русской лингвокультуры – С. Есенина и Н. Клюева. В примере *На просини елей кресты, / Узорно литьё и чеканка* (Н. Клюев) признак «вечнозелёное дерево», актуализируется лексемой *просинь* со значением «примесь синего цвета, синий оттенок, синие просветы в окраске чего-либо» [15, с. 520], свойственного кроне дерева. Признак «с хвоей» в текстах *Май всё хорошеет, / Ели всё игольчатей* (С. Есенин); *Ель мне подала лапу* (Н. Клюев) эксплицируется словами *игольчатый* и *лапа*, указывающими на форму ветвей и вид листка растения. В примерах *Ели, словно копыя, / Уперлися в небо* (С. Есенин); *Роща грозитя еловыми пиками* (С. Есенин); *Прячут изморозь седин / Под кокошниками ели* (Н. Клюев) признак «с кроной конусообразной формы» объективируется соотношением с предметами тождественной формы, выраженными словами *копыё, пика, кокошник*.

4. Пластичность языкового образа. Данный параметр Б. М. Гаспаров связывает с возможностью языковых образов формировать композиции, или образные ландшафты. Лингвист отмечает, что ни один предмет не воспринимается человеком изолированно и не воспроизводится в памяти отдельно от так называемого фона. Языковые образы включаются в «виде отдельного “кубика”, занимающего своё место в общем построении, но растворяясь в более широком – и притом всё время изменяющемся, непрерывно развёртывающемся – образном ландшафте, сливаясь с другими аксессуарами этого ландшафта» [3, с. 268]. Данный тезис подтверждается примерами из текстов С. Есенина и Н. Клюева, которые используют, например, лексику *ель* как вербальный знак более сложного и многогранного образа Родины: *В России теперь апрель. / И синюю заволокой / Покрывает береза и ель* (С. Есенин); *Есть на свете край обширный, / Где растут сосна и ель, / Неисследный и пустынный, – /*

Русской скорби колыбель (Н. Клюев). Напротив, в языке поэзии М. Кузмина слово *ель* функционирует как языковой репрезентант лингвокогнитивного образа Рождества, как примету, образный отклик на значимое для русской лингвокультуры событие. Ср.: *Любви домашней торжество, / Нам Рождество / Приносит прелесть детской ёлки* (М. Кузьмин).

Следовательно, в концепции Б. М. Гаспарова образ является откликом на языковой материал (слово, словосочетание, предложение и т.д.). Он характеризуется воспроизводимостью, множественностью, пластичностью, превалированием зрительного восприятия. Языковые образы, согласно подходу Б. М. Гаспарова, не занимают в языковой деятельности устойчивого положения, постоянно перетекая один в другой. Они быстро меняют друг друга на заднем плане речевого потока, стимулируя осмысление языковых данных. Их анализ позволяет сделать образ доступным лингвистическому исследованию.

Рассмотрение образа как структуры, принадлежащей сознанию, характерно и для литературоведения, в рамках которого образ (называемый художественным) исследуется в широком и узком значениях. В широком смысле образ трактуется как форма бытования произведения, «взятого со стороны его выразительности, впечатляющей энергии и значимости» [11, с. 670]. В узком смысле это одно из средств воссоздания (моделирования) среды, т.е. природы и культуры, в которых проходят процессы жизнедеятельности этноса, а также форма отражения авторских чувств, мыслей, стремлений, ценностей и т.д.

Отметим, что художественный образ, как и языковой, определяется как категория познания, сквозь которую преломляются не только знания автора об окружающем мире, но и культурные установки, традиции, обычаи. Его познавательную (а), коммуникативную (б), эстетическую (в) и воспитательную (г) функции относят к числу основных [13, с. 241].

Познавательная функция образа (а) заключается в том, что автор познаёт мир, отображает его в художественной картине мира, формируемой в произведении. Однако такое представление (воссоздание) никогда не бывает абсолютно эквивалентным реальному миру, поскольку формирование образа предусматривает «высвечивание», экспликацию идеального, скорее утопического, устройства мира этноса и сравнение этого эталона с реальностью. Кроме того, художественный образ служит средством познания и для читателя, раскрывая культуру определённой эпохи, позволяя сравнивать культурные нормы и ценности народа, задавая модели поведения.

Суть коммуникативной функции образа (б) сводится к тому, что художественному произведению присущ диалог между автором и читателем: передача идеалов культуры и времени, художественных переживаний автора и т.д.

В основе эстетической функции образа (в) лежит представление о том, что он помогает раскрыть самобытную сущность фактов искусства, поскольку противопоставляется продуктам абстрактного мышления (силлогизму, умозаключению, суждению, доказательству, формуле). В современной теории литературы образ рассматривают как факт идеального бытия, поскольку его нельзя полностью отождествить с отображаемым им объектом реального мира. Он трактуется как допущение, которое ориентирует воспринимающего индивидуума в художественном пространстве и формирует определённую стереотипность восприятия. Например, при создании образа берёзы колоратив *белый* и лексемы с семой «белый» участвуют в объективации признака, сосредотачивающего внимание на доминирующей модальности восприятия: *Белая берёза / Под моим окном / Принакрылась снегом, / Точно серебром* (С. Есенин). Ср.: «Белый – цвета снега, молока, мела» [14, с. 78]; «Берёза – лиственное дерево с *белой* корой (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.)» [14, с. 80]; «Снег – твёрдые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде *белых* звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов» [16, с. 164]; «Серебро – химический элемент, благородный металл серовато-*белого* цвета с блеском (употребляется для выделки ювелирных изделий, посуды, для чеканки монеты, в фотографии и т. п.)» [16, с. 81]. Словосочетание *белая берёза* воплощает стереотипное отображение денотата образа берёзы в художественном тексте, которое усиливается использованием при описании дерева вербальных знаков, указывающих на конкретный цвет спектра и эксплицирующих визуальную модальность восприятия. Отождествление веществ, номинируемых лексемами *снег* и *серебро*, позволяет представить берёзу в поэтическом тексте как ювелирное изделие, т.е. факт материальной культуры.

Воспитательная функция образа (г) связана с внушающей силой художественного творчества, которое в образе задаёт определённую надличную систему художественных ценностей.

Следовательно, выполняемые художественным образом функции указывают на формирование данным образом «застывшего» пространства художественного произведения, которое может быть интерпретировано читателем / слушателем, но не подвергается изменениям, дополнениям, расширениям. Оно

входит в языковое сознание индивидуума как целостная закрытая структура, обладающая высокой степенью автономности. Художественный образ, в отличие от языкового, мыслится как целостный фрагмент действительности, т.е. объективно, однако в качестве гипотезы проявляет свою субъективность. Данный образ является одновременно категорией художественного творчества и шире – пространства. Ему присущи такие характеристики, как наглядность, эталонность, выразительность, целостность, относительная автономность и пр.

Итак, исследование образа как объекта филологического рассмотрения предполагает изучение воплощающих его языковых единиц, которые эксплицируют интегральные и дифференциальные признаки предмета, закреплённые за ним оценки или культурные смыслы и представления. Базовыми для интерпретации языкового образа считаются следующие признаки: 1) способность выступать связующим звеном слова и объекта номинации; 2) превалирование при формировании образа зрительного восприятия; 3) воспроизводимость и множественность; 4) пластичность; 5) переменная сфокусированность. Эти признаки позволяют дифференцировать языковой образ как открытую категорию языкового сознания и художественный образ как целостный фрагмент художественного пространства. В качестве гипотезы нами выдвигается тезис о вхождении художественного образа в языковой как части в целое. Подтверждение или опровержение выдвинутого положения составит перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.] [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Режим доступа к словарю : <http://v-dal.ru/>
5. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 1 : Стихотворения / С. А. Есенин ; Подготовка текста и коммент. А. А. Козловского. – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.
6. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 2 : Стихотворения (маленькие поэмы) / С. А. Есенин ; Подготовка текста и коммент. С. И. Субботина. – 1997. – 464 с.

7. Ключев Н. А. Сочинения : в 2-х томах. Т. 1 / Н. А. Ключев ; Под общ. ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. – Б.м. : А. Neimanis, 1969. – Режим доступа к тому : http://www.booksite.ru/klyuev/2_1.html
8. Кузмин М. А. Стихотворения : в 12-ти книгах. Кн. 2 : Осенние озёра / М. А. Кузмин. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 2000. – Режим доступа к книге : http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_2.shtml
9. Кузмин М. А. Стихотворения : в 12-ти книгах. Кн. 3 : Глиняные голубки / М. А. Кузмин. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 2000. – Режим доступа к книге : http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_3.shtml
10. Кузмин М. А. Стихотворения : в 12-ти книгах. Кн. 8 : Нездешние вечера / М. А. Кузмин. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 2000. – Режим доступа к книге : http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_8.shtml
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с. – (Институт научн. информации по общественным наукам РАН).
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – [18-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
13. Словарь литературоведческих терминов/ Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
14. Словарь русского языка : [в 4-х т.]. Т. 1 ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985. – 696 с.
15. Словарь русского языка : [в 4-х т.]. Т. 3 ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1987. – 752 с.
16. Словарь русского языка : [в 4-х т.]. Т. 4 ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1988. – 800 с.
17. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 571 с.
18. Юрина Е. Ю. Образный строй языка / Е. Ю. Юрина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 156 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю.Л. Языковой образ vs художественный образ

В статье изложены основания для дифференциации языкового и художественного образов. Автором выделены две основные

модели интерпретации языкового образа в современной лингвистике, а также описаны этапы формирования языкового образа на примере образа дерева, объективированного в произведениях С. Есенина, Н. Ключева и М. Кузмина. Также в работе дано определение художественного образа, описаны его основные функции и характеристики, сформулированы перспективы дальнейшего исследования художественного и языкового образов.

Ключевые слова: художественный образ, языковой образ, дефиниционная модель, категория языкового сознания, восприятие, интерпретация.

SUMMARY

Dmutrieva J.L. Language image vs artistic image

The article contains the grounds for differentiation of linguistic and artistic images. The author identifies two main models of the interpretation of the linguistic image in modern linguistics, and describes the stages of the formation of the linguistic image by the example of the tree image objectified in the works of S. Yesenin, N. Klyuev and M. Kuzmin. Also, the work defines the artistic image, describes its main functions and characteristics, and articulates the prospects for further research of artistic and linguistic images.

Key words: artistic image, language image, definition model, category of linguistic consciousness, perception, interpretation.

*Н.А. Жихарева,
А.Р. Емельяненко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367. 32

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОСВЕННЫХ ДИРЕКТИВОВ В ДИАЛОГЕ-КОНФЛИКТЕ

Основанная в 40-х годах прошлого века Джоном Остином, британским философом, теория речевых актов, на сегодняшний день, представляет собой широкое поле для исследований.

Одной из особенностей данной теории является то, что «речевой акт» рассматривается ею и как объект теории, и как минимальная единица общения.

За определением понятия речевого акта обратимся к «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под редакцией В. Н. Ярцевой:

«Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [3, с. 412].

Внутри структуры самого речевого акта выделяют три следующих уровня:

1. Локуция.

Под данным понятием подразумевают сам процесс произнесения речевого акта; процесс передачи информации от адресанта к адресату посредством языка.

2. Иллокуция.

Данное понятие тесно связано со смысловым значением, вкладываемым адресантом в речевой акт. То есть, иллокуция – это то, что непосредственно хочет донести до слушающего говорящий. Внутри данного понятия можно выделить следующие подтипы:

- прямая иллокуция – в данном случае, иллокуция прямо отображается в локуции и адресату не требуется наличие метакоммуникативных средств для ее интерпретации. То есть, говоря простым языком, что говорю, то и подразумеваю.

- косвенная иллокуция.

В случае с косвенной иллокуцией, для ее распознавания и правильной интерпретации адресатом, требуется наличие одного или нескольких факторов, таких, как контекст, ситуация общения (коммуникативная ситуация), определенная степень образованности, осведомленности в какой-либо ситуации, наличие познаний в определенной сфере или отрасли и т.д. Для успешной реализации косвенного речевого акта, адресант должен учитывать личность адресата, наличие у него необходимого объема знаний и способность ими оперировать. Таким образом, косвенная иллокуция не отображается в локутивном акте прямо, но скрыта внутри него. Отсюда следует, что то, что было произнесено, не совпадает с тем, что подразумевалось адресантом, с тем, что являлось истинным смыслом, вкладываемым в речевой акт говорящим (см. рис. 1):

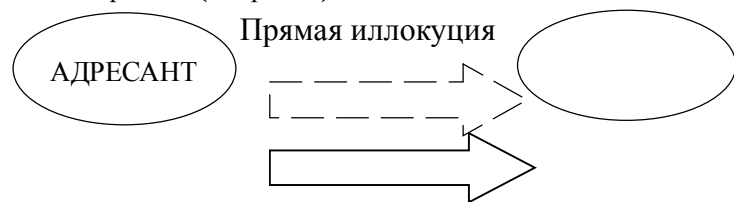

Рис. 1

3. Перлокуция.

Данное понятие связано с оказываемым на адресата влиянием путем реализации речевого акта. Перлокуция непосредственно связана с целью речевого акта, которая заключается в том, чтобы повлиять на адресата с помощью речи. Соответственно, речевой акт и реализуется ради перлокутивного воздействия одного коммуниканта на другого. Успешная реализация речевого акта на данном уровне может проявляться в изменении поведения адресата, перемене в его эмоциональном состоянии, ходе мыслей, системе ценностей и т.д. Так, например, просьба бабушки сходить в магазин за хлебом будет являться причиной отрыва ее внука от игры и походом в магазин, что и будет обозначено как перлокутивное влияние ее речевого акта. Или сообщение подруге о смерти ее любимого героя в сериале может вызвать ухудшение ее настроения или даже слезы, что тоже будет определено как перлокуция.

Самым распространенным способом реализации речевого акта является диалог. Селиванова дает следующее определение данного понятия:

«Диалог (от гр. dialogos – разговор, беседа) – форма речи; ситуативно обусловленное общение двух или нескольких (полилог) лиц, коммуникативные роли которых инверсируются (говорящий становится адресатом, а адресат превращается в говорящего, адресат становится говорящим, адресатом которого является первый говорящий), при условии признания участниками общения общей цели и направления коммуникации» [7, с. 134].

Одной из разновидностей диалога является диалог-конфликт.

С. И. Ожегов трактует понятие «конфликта» как «столкновение, серьезное разногласие, спор» [5, с. 447].

Из этого следует, что диалог-конфликт – это «ситуативно обусловленное общение двух лиц» [7, с. 134] с поочередным изменением их коммуникативных ролей, основанное на столкновении интересов коммуникантов, разногласии на почве различий во взглядах, споре относительно какого-либо предмета и т.п.

Данный вид диалога может быть подразделен на следующие типы, в зависимости от степени выраженности конфликта:

- открытый – когда коммуниканты прямо, возможно даже агрессивно, выражают свою позицию и столкновение участников диалога явное;

- скрытый – когда конфликт существует между участниками коммуникации, однако, умело ими маскируется. У такого диалога нет внешних явных признаков конфликтного общения. И именно в данном случае коммуниканты будут прибегать к более активному и широкому использованию косвенных речевых актов.

Стоит также акцентировать внимание на том факте, что диалог при живом общении и диалог на страницах художественного произведения имеют некоторые различия. Если в первом случае ход диалога обуславливается только личностями коммуникантов и не может быть предсказан с полной уверенностью, то во втором случае на построение диалога сильное воздействие имеет личность автора произведения, а также его соответствие решению поставленной задачи на пути к формированию общей идеи произведения. На фоне этого, стоит также обратить внимание, что все художественное произведение будет являться косвенным речевым актом, где в роли адресанта будет выступать автор, а в роли адресата – читатель. Идея же произведения будет рассматриваться как косвенный речевой акт.

Одним из наиболее распространенных типов речевого акта является директив. А. Р. Габидулина определяет «директивы» как «речевые акты, используемые говорящим для побуждения слушающего к некоторому действию; сюда относятся такие подтипы, как распоряжения, приказы, требования, просьбы, мольбы, приглашения, советы, рекомендации, инструкции-вопросы» [1, с. 24]. То есть, в основу директива заложено побуждение адресата к действию, из чего следует его сильная перлокутивная направленность.

Исходя из этого, мы можем говорить о том, что «реагирующий собеседник рассматривает свою позицию в качестве «центральной», совмещенной по его представлению с «фокусом диалогического общения» [6, с. 4].

Выбирая использование в своей речи косвенных директивов, адресант таким образом преследует цель склонить адресата к выполнению какого-либо действия без явного принуждения, что, в свою очередь, служит поддержанию более доброжелательной и дружеской атмосферы внутри коммуникативной ситуации и, при необходимости, возможности продолжать развивать диалог дальше. Данная тенденция имеет место благодаря значимости фигуры адресата при диалогическом общении. Однако, стоит отметить, что при использовании в речи косвенных речевых актов, возможны два типа адресации:

- прямая, когда косвенная иллокуция речевого акта предназначается тому же лицу, которому предназначается и прямая, и, таким образом, тому, на кого направлен локутивный акт (см. рис. 1);

- косвенная, когда прямая иллокуция, а вместе с ней и локутивный акт, направлены на одного адресата, а косвенный речевой акт – на другого адресата. При этом косвенный речевой акт распознается и интерпретируется только вторым

адресатом и остается не распознанным и не понятным для первого (см. рис. 2):

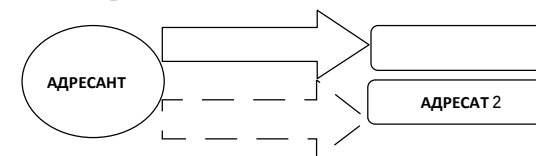

Рис. 2

Таким образом, личность адресата играет ключевую роль в построении косвенного речевого акта. При реализации в диалоге косвенных директивов, возможны два способа построения данных речевых актов:

1. Использование модальных глаголов, которые ослабят сильно выраженное перлокутивное воздействие на адресата путем ослабления категоричности высказывания. Таким образом, в данном случае, мы говорим о полуимплицитности косвенных речевых актов.

Например, просьба одолжить немного денег может звучать как «*Lend me some money*». В этом случае используется прямой директив, который может быть расценен как требования в силу своей категоричности. Но та же просьба может быть выражена и с помощью использования в ее структуре модальных глаголов и звучать как «*You could lend me some money*». При этом наблюдается смягчение категоричности директива и прослеживается отсутствие прямого указания к действию.

2. Подмена формы речевого акта.

Каждый косвенный речевой акт может быть заключен в такую форму прямого речевого акта, с которой, казалось бы, не имеет ничего общего, однако данный процесс тоже подчинен определенным правилам, согласно которым за каждым типом косвенного речевого акта закреплены определенные виды прямых речевых актов, в структуре которых он может быть реализован. И таким образом, в данном случае, мы говорим об имплицитности косвенных речевых актов.

Если говорить о косвенных директивах, то они могут принимать форму таких прямых речевых актов, как констативы и квеситивы. Что касается констативов, то они направлены на описание дел, констатацию фактов, уведомление о чем-либо. В то время как квеситив предусматривает реализацию речевого акта в виде вопроса.

В качестве примера рассмотрим описанную выше ситуацию с выражением просьбы одолжить денег, но в этот раз реализованную в форме вопроса: «*Would you be so kind to lend me some money?*»

В данном случае перед нами очень вежливая форма вопроса, которая, несмотря на свою форму, не подразумевает какого-либо вопроса или построения дальнейшего диалога, но еще больше, по сравнению с предыдущими случаями, смягчает категоричность речевого акта, придавая ему вежливый тон.

Помимо всех положительных сторон данного явления, существуют, также, и недостатки, а именно то, что вместе с категоричностью высказывания снижается и его перлокутивная эффективность. Для компенсирования этого недостатка, спровоцированная понижением категоричности речевого акта, используется его аргументация, позволяющая добиться желаемого перлокутивного эффекта.

Таким образом, косвенный речевой акт является отличным способом донести до адресата необходимую информацию скрыто, либо снизив его категоричность. При построении косвенного речевого акта стоит учитывать личность слушающего, на которого он направлен, и строить его, опираясь на способность адресата распознать и интерпретировать косвенный речевой акт. В силу особой категоричности директивов при употреблении их в диалогах не лишним будет использование косвенных директивов вместо прямых, так как такой формат общения, как диалог, может пострадать от чрезмерной категоричности, а использование косвенных директивов отчасти решает проблему возможного возникновения конфликта. Однако стоит отметить, что выбор в пользу прямого или косвенного директива в диалогах-конфликтах может быть также сделан исходя из его характера и степени выраженности в нем элемента конфликта. Так, при открытом конфликте может быть уместным использование прямых директивов, в то время как характер скрытого конфликта предполагает использование косвенных директивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габидуллина А. Р., Андриенко Т. П., Кузема Н. В. Основы теории речевой коммуникации : учебное пособие [Электронный ресурс] / А. Р. Габидуллина, Т. П. Андриенко, Н. В. Кузема. – Донецк : КП «Регион», 2000. – 196 с. – Режим доступа : <http://zavantag.com/docs/634/index-58959469.html>
2. Кенжебалина Г. Н. Лингвопрагматика : учебное пособие для студентов и магистрантов филологических специальностей [Электронный ресурс] / Г. Н. Кенжебалина. – Павлодар : Кереку, 2012. – 121 с. – Режим доступа : <http://uchebnik-online.net/book/235-lingvopragmatika-uchebnoe-posobie-kanzhebalina-gn.html>

3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – 424 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М. : ООО «Издательство «Мир и образование» : ООО «Издательство «ОНИКС-ЛИТ», 2012. – 1376 с.
6. Чухно А. А. Косвенные директивы и реакции на них. Фактор адресата : автореферат [Электронный ресурс] / А. А. Чухно. – Ростов-на-Дону, ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – 19 с. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/v/197970/a/#?page=18>
7. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля – К, 2010. – 844 с.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н.А., Емельяненко А.Р. Особенности функционирования косвенных директивов в диалогах-конflikтах

Статья посвящена раскрытию понятия косвенных директивов как одного из видов косвенного речевого акта, рассмотрению особенностей его функционирования в составе диалога-конflikта.

Ключевые слова: теория речевых актов, речевой акт, косвенный речевой акт, косвенный директив, диалог-конflikт.

SUMMARY

Zhikhareva N.A., Emelianenko A.R. Functional peculiarities of indirect directives in conflict dialogues

The article is devoted to the definition of the notion of indirect directives as a type of indirect speech acts; special regard is given to their functional peculiarities in conflict dialogues.

Key words: speech acts theory, speech act, indirect speech act, indirect directive, conflict dialogue.

Н.А. Жихарева,
В.Э. Рязанова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.161.1

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА-ЭПИТАФИИ

Эпитафия – изречение (зачастую в стихотворной форме), которое сочиняют по случаю чьей-либо смерти и используют в дальнейшем как надгробную надпись. В. Веселова утверждает, что эпитафия – формульный жанр. Основные образцы, которым следуют авторы при написании эпитафии, сформировались еще в культурах Древней Греции и Рима. Итак, речь в эпитафии «идет не от лица автора ... или «лирического героя», как это могло бы быть в литературном произведении, но – от имени реального человека, от лица умершего. Причем это, как правило, не цитирование сказанных когда-то, при жизни, слов, а сами слова, как они могли бы звучать из-под надгробного камня, из уст самого покойного, уже после смерти. Но – написанные другим человеком, автором. По сути, тот самый «голос из-под земли», сочиненный как долг памяти другу или родственнику или – на заказ. (Иногда, довольно, впрочем, редко, – и действительно, самим погребенным, заранее, на собственную смерть – автоэпитафия)» [1, с. 134-135]. Для эпитафий характерно обращение к людям, продолжающим жить после смерти автора.

Нами были проанализированы тексты 10 надгробных надписей и выявлены их стилистические особенности.

Эпитафия «Do not stand at my grave and weep» была написана Мэри Элизабет Фрай в 1932 году. Безусловно, это самая известная и часто используемая эпитафия в Англии. Она состоит из шести рифмованных куплетов и написана четырехстопным ямбом. Весь текст эпитафии заключен в рамку из слов «Do not stand at my grave and weep, I am not here, I do not sleep... Do not stand at my grave and cry, I am not there. I did not die». В этой рамке мы можем заметить элементы градации: *weep-cry, here-there, sleep-die*. Данная эпитафия полна метафор (*I am the gentle autumn's rain, I am the stars that shine at night, the diamonds glints on the snow, etc*), что позволяет автору утверждать, что после смерти она продолжает жить в природе. Автор заменяет слово умереть на слово *sleep*.

«Do not stand at my grave and weep –
I am not here, I do not sleep.
I am a thousand winds that blow,

*I am the diamonds glints on the snow,
I am the sunlight on ripened grain.
I am the gentle autumn's rain.
When you awaken in the morning hush,
I am the swift uplifting rush
Of quiet birds in circled flight.
I am the stars that shine at night.
Do not stand at my grave and cry,
I am not there. I did not die...»*

Надгробная надпись шотландца Роберта Льюиса Стивенсона взята из его произведения «Реквием» 1887 года. Автор обращается к живым (*dig the grave, let me die*), к тем, кто любил его при жизни. В эпитафии мы видим аллитерации (звук *d* в первом куплете, звуки *h* и *s* в последнем). Она также интересна тем, что в ней можно найти следы трёх стихий – воды (*home from the sea*), земли (*dig the grave*) и воздуха (*the wide and starry sky*).

«Under the wide and starry sky
Dig the grave and let me lie.
Glad did I live and gladly die,
And I laid me down with a will.
This be the verse you grave for me:
Here he lies where he longed to be;
Home is the sailor, home from the sea
And the hunter from the hill».

Могилу дочери Марка Твена Оливии Сьюзан Клеменс украшает небольшое четверостишие, написанное самим Твеном. В нем мы можем увидеть аллитерации (*w, s* и *g*). В этом четверостишие можно наблюдать синестезию, автор делает акцент на тактильных и визуальных ощущениях читателя (*shine kindly, blow softly*). *Lie light, lie light* и *good-night, good-night* – последовательные повторы – позволяют сфокусировать внимание на ассоциативной связи между жизнью и смертью как между светом и тьмой.

«Warm summer sun, shine kindly here;
Warm southern wind, blow softly here;
Green sod above, lie light, lie light –
Good-night, dear heart, good-night, good-night».

Эпитафия американца Генри Пейджа обращена к людям, продолжающим жить после его смерти (*all you Good People*). Он использует антитезу, чтобы сравнить себя с живыми (*as you are now so once was I*) и приготовить их к тому, что в скором времени они последуют за ним (*prepare to Follow me*).

«All you Good People
that here pass by
as you are now so

*once was I, as I am
now so Shall you be
therefore Prepare
to Follow me».*

Эпитафия на могиле автора песен к известным мультфильмам Говарда Эшмана – сплошная метафора. В ней мы можем увидеть аллитерацию звуков *s*, *h* и *o*.

«O, That he had one more song to sing».

Надгробная надпись, написанная леди Кэтрин Дайер для своего мужа Уильяма, представляет собой обращение к мертвому. Она полна нежности, которую автор выражает, используя эпитеты (*dearest, hasty, drowsy, weary*, etc). В своей эпитафии леди Кэтрин использует оксюморон – *widow bride*.

*«My dearest dust, could not thy hasty day
Afford thy drowsy patience leave to stay
One hour longer: so that we might either
Sit up or go to bed together?
But since thy finished labour hath possessed
Thy weary limbs with early rest,
Enjoy it sweetly: and thy widow bride
Shall soon repose her by thy slumbering side.
Whose business, now, is only to prepare
My nightly dress and call to prayer:
Mine eyes wax heavy and the day grows cold.
Draw, draw the closed curtains: and make room:
My dear, my dearest dust; I come, I come».*

Эпитафией на могиле Мартина Лютера Кинга стали его собственные слова. Можно увидеть, что слова *free at last* являются рамочным повтором.

*«Free at Last, Free at Last
Thank God Almighty
I'm Free at Last».*

В эпитафии Бенджамина Франклина, составленной им самим, мы можем увидеть его оптимизм и надежду на светлое будущее. Используя сравнение (*the body... like the cover of old book*) он говорит о том, что, несмотря на то, что его тело лежит здесь и кормит червей, это еще не конец, так как еще появится новое издание, дополненное и отредактированное самим Автором. В эпитафии Франклина мы можем увидеть черты, характерные для всех эпитафий – слова *death, corpse* не употребляются, их заменяют перифразами, как, например, *food for worms*.

*«Like the cover of an old book
its contents torn out,
and stripped of its lettering and gilding,*

*lies here, food for worms.
But the work shall not be wholly lost,
for it will, as he believed, appear once more,
in a new and more perfect edition,
corrected and amended
by the Author».*

Могилу шотландского философа Дэвида Юма украшает скромное четверостишие. В нем тоже можно найти метонимический эвфемизм – *tomb* вместо слова *death*.

*«Within this circular idea
Called vulgarly a tomb,
The ideas and impressions lie
That constituted Hume».*

Эпитафия на могиле Джона Донна очень поэтична. В строчке *for could the grave his soul comprise* мы видим не только метафору, но и инверсию. Вмestослова *buried – lies below*.

*«Reader, I am to let thee know,
Donne's body only lies below;
For could the grave his soul comprise,
Earth would be richer than the skies».*

Итак, чтобы выявить стилистические особенности текста-эпитафии, нами были проанализированы 10 надгробных надписей. В ходе проведенного анализа мы увидели, что эпитафия – действительно формульный жанр. Практически для всех проанализированных эпитафий было характерно обращение к кому-то, зачастую – к людям, продолжающим жить после смерти автора. Для всех эпитафий характерно широкое использование эпитетов и метафор, которые помогают поэтично перевести жизнь в смерть. Конечно, все авторы в своих произведениях используют эвфемизмы, чтобы смягчить понятие смерти, которое по-прежнему считается табу. Для большей поэтичности используются аллитерации и повторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселова В. Эпитафия – формульный жанр / В. Веселова // Вопросы литературы: Журнал критики и литературоведения. – 2006. – №2. – С. 133-145.
2. Русская стихотворная эпитафия / Сост. С. И. Николаев, Т. С. Царькова. – СПб. : Академический проект, 1998. – 720 с.
3. Царькова Т. С. Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика / Т. С. Царькова. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 200 с.

4. Famous Literary and Historical Epitaphs [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://web.cn.edu/kwheeler/epitaphs.html>
5. Puckle Bertram. Funeral Customs. Chapter XIV. Memorials, Epitaphs, Rings And Mourning Cards, 1926 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sacred-texts.com/etc/fcod/fcod17.htm>
6. Williams C. B. Manuscript, Monument, Memory: the Circulation of Epitaphs in the 17th Century / Claire Bryony Williams // Literature Compass. – № 11/8 (2014). – P. 573-582 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lic3.12169>
7. Guthke K. S. Epitaph Culture in the West / Karl S. Guthke. – Edwin Mellen Press, 2003. – 416 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н.А., Рязанова В.Э. Стилистические особенности текста-эпитафии

Данная статья посвящена стилистическим особенностям текста-эпитафии. В статье проанализированы 10 текстов надгробных надписей. Рассматривается связь между стилистическими фигурами и переходом понятия «жизнь» в понятие «смерть».

Ключевые слова: эпитафия, формульный жанр, стилистическая фигура.

SUMMARY

Zhikhareva N.A., Riazanova V.E. Stylistic peculiarities of the epitaph text

This article deals with the stylistic peculiarities of the epitaph text. 10 epitaphs are analyzed in the article. The analysis is centred round the connection between figures of speech and the transition from the notion of «life» to the notion of «death».

Key words: epitaph, formula-genre, figure of speech.

Н.А. Иванова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'255.4

МОДУЛЯЦИЯ КАК ТИП ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗАМЕНЫ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ ОРИГИНАЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Главной целью перевода является достижение адекватности и эквивалентности на лексико-грамматическом, стилистическом и прагматическом уровнях, то есть выполнение перевода на необходимом и достаточном уровне для передачи неизменного плана содержания при соблюдении соответствующего плана выражения. При этом основная задача переводчика заключается в умении использовать различные переводческие приемы и трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию текста оригинала, при соблюдении соответствующих норм языка перевода.

Изучением лексико-семантических трансформаций, в частности трансформации модуляции или, как еще ее называют, смыслового развития, ее роли в достижении эквивалентности занимались такие лингвисты-переводоведы, как В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов, Л. Е. Латышев, О. В. Борисова и другие. Однако единого мнения в отношении определения понятия «трансформация» и классификации лексико-семантических замен не существует. Многие определения раскрывают не всю полноту концепта, а некоторые исследователи вообще не дают четкого описания указанной единицы перевода, ссылаясь на нее только в интуитивной форме.

По утверждению В. В. Сдобникова, «прием перевода можно определить как переводческую операцию, направленную на разрешение какой-то проблемы и предполагающую типизированную однотипность осуществляемых переводчиком действий» [7, с. 65]. В то же время, Л. Е. Латышев определяет лексические трансформации как «отклонение от словарных соответствий» [2, с. 25].

Существует еще несколько версий определения переводческой трансформации. Например, В. Немченко описывает трансформацию как «образование производных слов, омонимичных их производящим, т.е. образование слов лексико-семантическим и морфолого-синтаксическим способами словообразования» [5, с. 267]. И. Торопцев дает наиболее абстрактное определение трансформации, говоря,

что это «использование готовых звуковых оболочек в процессе лексической объективации» [9, с. 29].

Лексико-семантические трансформации, с одной стороны, относятся к смешанному типу трансформаций. Однако, с другой стороны, большинство лингвистов в какой-то мере обобщают это понятие и причисляют его к списку лексических трансформаций. Необходимо заметить, что классификация переводческих трансформаций является довольно условной. Абсолютно все лингвисты сходятся только в том, какие именно лексические трансформации существуют, однако, что касается их классификации, то здесь каждый лингвист придерживается своей точки зрения. Так, например, В. Н. Комиссаров также относит лексико-семантические трансформации к лексическим, однако делит все лексические трансформации на формальные (транскрипция, транслитерация, калькирование) и собственно семантические замены. Причем среди семантических замен он выделяет только три: генерализацию, конкретизацию и модуляцию.

Р. К. Миньяр-Белоручев добавляет к этому списку еще описательный и антонимический перевод. Я. И. Рецкер, в свою очередь, относит к лексико-семантическим трансформациям целых семь приемов. Помимо всех вышеперечисленных, этот список включает также дифференциацию значений, целостное преобразование и компенсацию потерь в процессе перевода.

Причины использования лексико-семантических трансформаций могут быть разными. К примеру, Т. Левицкая и А. Фитерман в своей книге «Проблемы перевода» выделяют четыре повода для применения лексических трансформаций:

1. Различное видение предметов объективной действительности, основанное на выделении в соответствующих словах двух разных языков двух различных признаков.

2. Разница в семантической структуре слова, т.е. в его смысловом объеме.

3. Различие в сочетаемости.

4. Традиционное для каждого языка употребление слова или слов [3, с. 43].

То есть лексико-семантические трансформации часто используются, когда текст оригинала содержит нестандартную лексическую единицу, отсутствующую в языке перевода. Такие лексические единицы в основном не зависят от контекста и «придают переводному тексту различную направленность, в зависимости от выбора переводчика» [8].

Таким образом, несмотря на неоднородность мнений относительно переводческих трансформаций, недостаточное

изучение в пределах современного переводоведения особенностей использования модуляции при передаче содержания англоязычных текстов публицистического стиля на русский язык вызывает необходимость обобщения сведений и формулирование четких указаний, которые облегчат процесс перевода. Поэтому **актуальность** нашего исследования определяется значимостью проблемы использования трансформации модуляции и адаптации текста перевода к определенному рецептору.

Целью исследования является выявление специфических характеристик лексических систем английского и русского языков, черт их сходства и различия, а также особенности употребления переводческого приема смыслового развития при переводе публицистических текстов с английского языка на русский.

Объектом нашего исследования является лексико-семантическая трансформация модуляции, используемая в переводах англоязычных интервью на русский язык. **Предметом** исследования являются особенности лексико-семантической структуры английского и русского языков, которые приводят к необходимости употребления приема смыслового развития при переводе.

Модуляция (смысловое развитие) используется, когда структурные и концептуальные элементы исходного языка не могут быть переведены на целевой без изменения смысла и нарушения грамматических и стилистических элементов языка [4]. Данная переводческая трансформация также не всегда рассматривается как лексическая. Все дело в том, что при ее использовании зачастую меняется и грамматический, и синтаксический строй предложения. Например, в предложении *he climbed into the gig behind a tall horse* переводчику не избежать использования логического развития, так как перевод *он сел в телегу за лошадью* создает впечатление, что лошадь тоже сидела в телеге, а не тащила ее. Соответственно, разумнее в данном случае перевести это как *он сел в телегу, запряженную крупной лошадью*. Использование модуляции очевидно, но в данном случае такой переводческий прием привел к изменению грамматической структуры предложения, в частности, введению определительного придаточного предложения в русском переводе.

Модуляция или замена, основанная на причинно-следственных отношениях – это «замена слова или словосочетания языка оригинала единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы» [6]. Ко всему прочему, модуляция предполагает

воспроизведение в переводе информации текста оригинала в соответствии с современными нормами языка перевода.

При анализе перевода с данной трансформацией нетрудно заметить, что между предложением на языке оригинала и предложением на языке перевода устанавливается логическая связь (в основном, причинно-следственная). Однако эта связь имеет несколько разновидностей. Согласно Л. С. Бархударову, существует шесть вариантов смыслового развития: 1) замена процесса его причиной; 2) замена процесса его следствием; 3) замена причины процессом; 4) замена причины следствием; 5) замена следствия причиной; 6) замена следствия процессом [1, с. 97].

Вопреки общепринятому в переводческих кругах мнению о нечастотном использовании модуляции в переводе, мы в своем исследовании доказываем, что при переводе публицистики данная трансформация употребляется чаще других лексико-семантических замен.

Приводимые далее в качестве примеров англоязычные высказывания и их русскоязычный перевод являются отрывками интервью с экс-министром финансов США Ларри Саммерсом экономисту и журналистке Хизер Боуши, а также бывшего президента США Барака Обамы тележурналисту Ларри Кингу для американского телеканала CNN. Довольно большое количество примеров использования модуляции в большей степени обусловлено тем, что в интервью использовано большое количество терминов и профессионализмов, которые хоть и имеют прямые эквиваленты в языке перевода, но все же создают необходимость адаптации отдельных фраз для лучшего их восприятия читателем. Соответственно, так как одной из целей приема смыслового развития является достижение адекватности, он и был использован чаще. Рассмотрим следующие примеры:

<i>To open up this interview, can you briefly sketch out what secular stagnation is?</i>	<i>Чтобы начать интервью, не могли бы вы рассказать, что такое вековая стагнация?</i>

В данном случае английский глагол *open up* переводится *начать*. Если переводить данный английский глагол без учета контекста и экстралингвистических факторов, то перевод будет звучать несколько иначе, а именно *раскрывать, обнаруживать*. Совершенно ясно, что глаголы *раскрывать* и *начинать* имеют абсолютно разное значение. Тем не менее, в русском языке не используется выражение *раскрывать интервью*. Поэтому переводчик был вынужден пройти через цепочку логических размышлений. Если разбить глагол *open up* на части, то слово

open имеет значение *открывать*. *Открывать интервью* означает, что интервью только начинается, а значит, что вместо слова *открывать* можно свободно использовать *начинать*, что делает выражение более привычным для русскоязычных читателей.

<i>Secular stagnation, as I use the term, refers to a situation in which there's a chronic excess of savings, desired savings, relative to investment.</i>	<i>Вековая стагнация, как я понимаю этот термин, относится к ситуации, в которой существует хронический избыток экономии в отношении инвестиций.</i>

В оригинале этого предложения используется глагол *to use*, имеющий основное значение *использовать*. Однако в переводе эта лексическая единица заменяется глаголом *понимать*. И снова, путем логических размышлений, переводчик приходит к выводу, что если человек использует тот или иной термин, значит, он его понимает. Соответственно, использование глагола *понимать* вместо *использовать* является результатом применения модуляции.

<i>So what do you think are the key problems that this creates for policymakers?</i>	<i>Какие основные проблемы это создает для политиков?</i>

Если посмотреть на значение слова *policymakers*, то оно означает *те, кто разрабатывает направления политики*. Данный перевод является описательным и предполагает использование слишком большого количества слов. В данном случае, переводчику было необходимо использовать свои фоновые знания и вспомнить, что людьми, разрабатывающими направления политики любого государства, являются сами политики. Это означает, что вместо описательного перевода здесь более разумным будет использовать прием смыслового развития, что и было сделано переводчиком.

<i>Look at the industrialized world today.</i>	<i>Посмотрите на современный индустриализированный мир.</i>

Здесь существует несколько вариантов перевода, в том числе и дословный, то есть возможно перевести это предложение следующим образом: *Посмотрите на индустриализированный мир сегодня*. Этот вариант перевода является вполне допустимым, как и тот, которому отдал предпочтение переводчик. В данном переводе к одному слову применяется сразу две трансформации: лексико-семантическая и грамматическая, так как наречие *today* заменяется словом, относящимся к другой части речи. Логическая

цепочка, с помощью которой переводчик пришел к выводу, что вместо слова *сегодня* можно использовать прилагательное *современный*, довольно проста: мир сегодня означает «положение дел в мире на данный момент», а современный – это «относящийся к данному моменту, к нынешнему времени».

<i>That's a market judgment – and it's a judgment that markets have had for quite some time now – that economic performance is going to disappoint substantially in the industrial world.</i>	Выводом в отношении рынка является то, что экономические показатели в индустриальном мире, скорее всего, существенно разочаруют, и этот вывод бытует уже довольно длительное время.

В оригинале данного отрывка используется существительное *judgment*, которое можно перевести как *суждение*, *приговор* или же *мнение*. Однако вследствие того, что ни один из вышеприведенных вариантов не подходит к данному контексту, переводчик использует слово *вывод*, что является еще одним примером использования переводческого приема модуляции. Если взять одно из основных значений слова *judgment*, а именно *мнение*, то получается, что аналитики пришли к определенному мнению по обсуждаемому вопросу, а значит, что они сделали определенные выводы. С учетом того, что существительное *выводы* наиболее подходит по контексту, переводчик принял решение использовать модуляцию. В этом же предложении встречается еще один случай применения модуляции. Фраза *economic performance* была переведена как *экономические показатели*. Само существительное *performance* означает *производительность*, *эффективность*, *исполнение*, *характеристика*. Именно последнее значение подводит переводчика к тому, что характеристика в данной ситуации означает результаты, а результатами экономики являются экономические показатели.

<i>And the key to it is that there's a lack of demand.</i>	А причина – недостаток спроса.

В данном случае снова применена модуляция. Английское слово *key* имеет основное значение «ключ». Впрочем, если перевести его с помощью прилагательного, то среди вариантов перевода есть *ключевой*, *основной*. Если из прилагательного основной образовать существительное, то выходит основа. Таким образом, получается *Основа этому – недостаток спроса*. Существительные *основа* и *причина* являются синонимичными. Вследствие этого, переводчик счел более целесообразным

использование именно слова *причина*, так как оно наиболее близко по значению к своему оригиналу.

Далее приведем примеры использования смыслового развития на материале отрывка из интервью бывшего президента США Барака Обамы тележурналисту Ларри Кингу.

<i>But there's a question that a lot of us are pondering.</i>	Но вот вопрос, который гложет многих.

Английский глагол *to ponder* обозначает *размышлять*, *обдумывать*. Если посмотреть на определение русского слова *глотать*, то в данном контексте оно имеет значение «мучить, терзать». Соответственно, если человек о чем-то постоянно думает, это означает, что данная проблема или вопрос его терзает. Выходит, что при переводе этого предложения был использован прием смыслового развития, другими словами, модуляция.

<i>Have we thought about what we're going to do?</i>	Мы решили, что мы будем делать?

В данном случае в тексте оригинала использован английский глагол *to think*, который переводится как *думать*, гораздо реже встречается вариант *придумывать*. Однако переводчик принял решение перевести данный глагол немного другим способом, а именно *решить*. В тексте оригинала подразумевается, что люди думали по поводу какого-либо вопроса с целью принятия решения, соответственно, вполне допустимым является применение модуляции.

<i>We haven't seen anything like this before.</i>	Мы еще не сталкивались ни с чем подобным.

Вышеприведенное предложение является еще одним примером модуляции. В оригинале мы имеем глагол *to see*, что переводится как *видеть*. Однако в переводе использован глагол *сталкиваться*. Выбранный переводчиком вариант является результатом смыслового развития, так как если человек, в данном случае политик, видит какую-либо проблему в общественной или политической жизни своего государства, то он автоматически с ней сталкивается. Таким образом, переводчик просто продолжил очевидную логическую цепочку, что и является главным принципом модуляции.

Таким образом, в ходе нашего исследования было выявлено, что такой переводческий прием, как модуляция или смысловое развитие, встречается гораздо чаще, чем это предполагают ведущие переводоведы. Большей частью, это обусловлено различиями в стилистических и даже грамматических нормах языка оригинала и языка перевода. Довольно часто переводчику

приходилось прибегать к данному виду лексико-семантических трансформаций для того, чтобы адаптировать перевод под рецептора и, вместе с тем, полностью передать эмоциональную наполненность лексической единицы в тексте перевода. Помимо этого, модуляция часто применялась на основе не только контекста, но и фоновых знаний переводчика.

Следовательно, необходимо отметить, что в силу своей неоднозначности и разносторонности, лексико-семантические трансформации могут составлять проблему для переводчика, что является основной причиной для их дальнейшего исследования, поскольку язык находится в непрерывном процессе развития, постоянно пополняется и обогащается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Латышев Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – М. : ACADEMIA, 2005. – 278 с.
3. Левицкая Т. Р. Проблемы перевода / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М. : Междунар. отношения, 1976. – 208 с.
4. Методы перевода [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://termin56.ru/articles/tehnika_perevoda/
5. Немченко В. Н. Введение в языкознание / В. Н. Немченко. – М. : Дрофа, 2008. – 703 с.
6. Основные переводческие трансформации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://studopedia.ru/6_11809_osnovnie-perevodcheskie-transformatsii.html
7. Петрова О. В. Введение в теорию и практику перевода (на материале английского языка): Учебное пособие / О. В. Петрова. – Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. – 84 с.
8. Сравнительный анализ перевода [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://xreferat.com/31/4047-1-sravnitel-nyiy-analiz-perevoda-na-primere-skazki-o-uaiyl-da-soloveiy-i-roza.html>
9. Торощев И. С. Словопроизводственная модель / И. С. Торощев. – Воронеж : ИПЦ Воронежского государственного университета, 1990. – 148 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н.А. Модуляция как тип функциональной замены при передаче значения лексической единицы оригинала (на материале публицистических текстов)

Статья посвящена проблеме использования приема модуляции при переводе англоязычных публицистических текстов на русский язык. В исследовании проанализированы основные причины употребления данной трансформации при передаче значений лексических единиц. Особое внимание уделяется роли смыслового развития в сохранении эмоциональной наполненности лексической единицы, а также роли фоновых знаний переводчика в достижении эквивалентности на лексическом и семантическом уровнях.

Ключевые слова: лексико-семантические трансформации, модуляция, причинно-следственные отношения, фоновые знания.

SUMMARY

Ivanova N.A. Modulation as a type of functional substitutions while rendering the meaning of lexical units of the original (as exemplified in publicistic texts)

The article deals with the problem of using modulation when translating English publicistic texts into Russian. We have analyzed the main reasons for using this transformation while rendering the meaning of lexical units. Special attention is paid to the role of semantic development in preserving the emotional colouring of the lexical unit as well as the role of background knowledge in achieving equivalence at the lexical and semantic levels.

Key words: lexical-semantic transformations, modulation, cause-effect relations, background knowledge.

*Ю.Ю. Наливайко
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'367.333

СИНКРЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОБЪЕКТНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО ТИПА В СИСТЕМЕ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Формирование и становление языковой категории атрибутивности в современном русском литературном языке неразрывно связаны с развитием мышления человека в процессе когнитивной деятельности, со способностью выделять характерные признаки предметов, явлений объективной действительности на основе разнообразных логических связей и отношений. В связи с осознанием возможности воспринимать реальные

языковые категории неоднозначно, а их многокомпонентность и эклектичность понимать не как признаки примитивности, а наоборот – сложной организации, исследователи склоняются к мысли, что на синтаксическом уровне синкретизм представляют не только маргинальные функции разных членов предложения (например, определительного дополнения и т. п.), а двойственные (тройственные и т. д.) синтаксические связи.

Общепризнанным является положение о трехчленности инвариантной структуры предложения, которая состоит из таких обязательных конституционных элементов, создающих единство содержания и плана выражения: грамматический субъект, последовательно выражаемый подлежащим, грамматический предикат, представляемый глагольным сказуемым, и грамматический атрибут, выражаемый приглагольным второстепенным членом – обстоятельством или дополнением. Предикативность пронизывает все предложение, исключение составляет лишь один его компонент – определение, входящее в структуру предложения опосредованно как элемент словосочетания. Определение является неконституционным для инвариантной структуры предложения членом.

Цель статьи состоит в исследовании особенностей реализации объектно-определятельного и объектно-определятельно-обстоятельственного синкретизма, представленного в основном несогласованными разновидностями атрибутивных форм. В качестве иллюстративного материала использовались медиатексты современных онлайн изданий. Достижение поставленной цели представляется возможным путем решения таких задач: 1) выделить конструктивные характеристики, отличающие определение, представленное непрямыми падежами имени существительного, от дополнения; 2) определить типы наложения разных семантик в атрибутивном компоненте простого предложения; 3) классифицировать объектно-определятельно-обстоятельственные и объектно-определятельные конструкции по структурно-семантическим признакам; 4) выяснить частоту использования синкретических конструкций анализируемого типа в медиатекстах публицистического стиля.

Всестороннее исследование явления синкретизма, разноаспектный анализ определенных типов синкретизма атрибутивных компонентов предложения с учетом богатства подходов к раскрытию их специфики является обязательным элементом процесса углубления знаний о внутренних законах языка, а также свидетельствует об актуальности исследуемой проблемы и широких перспективах дальнейшей работы. Научная новизна статьи состоит в попытке системного

анализа особенностей реализации синкретизма атрибутивных компонентов и специфики выражения синкретической семантики предложно-субстантивным комплексом с обязательной атрибутивной составляющей.

Определению статуса атрибутивных отношений с учетом формально-грамматических, функционально-семантических, логических, структурных, функционально-коммуникативных, функционально-когнитивных характеристик посвящены работы В.В. Бабайцевой, И.Р. Выхованца [1-3], Е.Г. Городенской, А.А. Загнитко [5-7], В.И. Фурашова [8] и др.

Несогласованные субстантивные и обстоятельственные определения синкретического типа представлены непрямыми падежами имени существительного. Семантика конструкций, структура которых представлена схемой «предлог + имя существительное в непрямом падеже», является таким материалом, который представляет живой и постоянно обновляемый способ выражения признака с семантическими наложениями. Большое количество значений предлогов (которые реализуются в контексте предложения) обуславливает широкую градацию и разнообразие в оттенках характеристик, передаваемых такими конструкциями. Если принимать во внимание, что согласованному определению как члену предложения присущи такие грамматические признаки, как выражение атрибутивного значения, морфологическая выраженность при помощи имени прилагательного, типичная контактная препозиция, то очевидным становится факт: при морфологическом выражении определения именем существительным (или объединением имени существительного с зависимыми словами) такая позиция невозможна, так как несогласованное определение находится в постпозиции к определяемому слову. Такое расположение определений, объединяющих несколько смысловых оттенков, является сильным для несогласованного определения.

По наличию предлога в синкретических объектно-определятельно-обстоятельственных и объектно-определятельных конструкциях весь анализируемый материал можно разделить на две группы. К первой группе относятся образования, в составе которых отсутствует предлог, а вторая группа представлена конструкциями с предлогами.

Синкретические конструкции I группы в свою очередь делятся на подтипы по смысловому наполнению, а именно:

1. Синкретическая конструкция с семантикой принадлежности «определяемое слово (субстантив) + имя существительное в родительном падеже» является наиболее распространенной разновидностью объектно-определятельного синкретизма: Для

Лондона важно оттянуть шотландский референдум до того времени, когда недовольство шотландцев Брекзитом начнет уменьшаться (<https://vz.ru/world/2017/4/18/866791.html>).

Такие конструкции выражают признак определяемого предмета по отношению (принадлежности) и по семантическому наполнению, а также соотносимы с согласованными определениями, однако в сравнении с ними наделены большей конкретизацией признака, поскольку могут сочетаться с характеризующим определением: *Прекрасный ход, и согласен: актерское мастерство труппы Александринки имеет мало себе равных в России* (http://www.trud.ru/article/20-04-2017/1349350_defitsit_zolotyx_masok_krepchal.html).

2. Объектно-определятельные конструкции синкретического типа «определяемое слово (субстантив) + родительный падеж имени существительного (носителя признака)» могут выражать также признак по его носителю: *В здание Бахметьевского гаража – творение зодчего Мельникова – привезли коллекцию картин и рисунков из 17 музеев глубинки* (http://www.trud.ru/article/21-04-2017/1349367_rasstreljannye_titsiany.html).

3. Объектно-определятельные конструкции, которые образуются по схеме «определяемое слово (субстантив) + имя существительное в родительном падеже с обобщенным значением (родительный субъекта)», могут выражать признак, конкретизирующий содержание понятия: *В спектакле «По ту сторону занавеса» Александринского театра режиссер Андрей Жолдак спорит с самим законом гравитации* (http://www.trud.ru/article/20-04-2017/1349350_defitsit_zolotyx_masok_krepchal.html).

Анализируемый синкретический второстепенный член предложения находится в постпозиции относительно определяемого слова. Такие конструкции часто соотносимы с согласованным определением, выраженным относительными или количественными элементами, и допускают синонимическую трансформацию без изменения семантики: *приезд отца – отцовский приезд; цена человека – человеческая цена; гений людей – людской гений*.

4. Объектно-определятельные конструкции, представленные схемой «определяемое слово (субстантив) + имя существительное в родительном падеже», со значением отношения к коллективу, заведению: *Здесь повествование словно зачинается, но вскоре вновь набирает темп: драматичны и судьбы многих ровесников Древина, уцелевших в эпоху тирании, а в экспозиции оказавшихся его соседями, как Роберт Фальк* (http://www.trud.ru/article/21-04-2017/1349367_rasstreljannye_titsiany.html).

Как свидетельствует иллюстративный материал, второстепенный член предложения объектно-определятельной семантики, представленный непрямым падежом имени существительного в единственном или множественном числе без предлога, является постпозитивным и этим отличается от несогласованных определений, выраженных родительным падежом субстантива.

5. Малочисленную группу (31,7 % от общего количества проанализированных беспредложных конструкций объектно-определятельно-обстоятельственного типа) составляют синкретические конструкции, в которых преобладает определятельная и обстоятельственная семантики, представлены схемой «определяемое слово (предикатив) + имя существительное в творительном падеже без предлога». Такие образования выражают признак, устанавливаемый путем сравнения с предметом, названным определяемым словом. Часто встречающейся среди таких конструкций стала семантика признака по уподоблению и по характеру действия. Такие элементы относятся к синкретическим членам предложения, выраженным именем существительным, соотносимым с обстоятельством образа действия при определенных глаголах: *Шпалерная развеска, когда картины размещены почти сплошным ковром, применена и теперь, как год назад* (http://www.trud.ru/article/21-04-2017/1349367_rasstreljannye_titsiany.html).

6. Конструкции синкретической объектно-определятельной семантики могут быть представлены субстантивным стойким словосочетанием, для которых характерным является объединение синтаксических функций: *С главным юбилеем-2017 совпала выставка «До востребования» – показ русского авангарда в Еврейском музее и центре толерантности; Открыла встречу Ирина Царева, вдова поэта, рассказавшая о литературном благотворительном фонде имени Игоря Царева «Пятая стихия»* (http://www.trud.ru/article/21-04-2017/1349367_rasstreljannye_titsiany.html).

В роли определения, выраженного синтаксически нечленимым словосочетанием, чаще всего выступают:

1) объединение имени существительного с именем прилагательным в творительном падеже: *Принц Строчиц оказался приятным и не очень молодым человеком с породисто-аристократическим лицом* (<http://lgz.ru/article/-15-6594-19-04-2017/florentsiya-vid-s-kholma-15-2017/>);

2) словосочетания, образованные объединением имени прилагательного и имени существительного в родительном падеже, в которых невозможно отделить имя прилагательное

из-за грамматической несочетаемости родительного падежа субстантива с определяемым словом: *Если бы взгляд мог убить, то несчастная из рода Фрискобальди немедленно упала бы замертво* (<http://lgz.ru/article/-15-6594-19-04-2017/florentsiya-vid-s-kholma-15-2017/>);

3) конструкции, образованные объединением имени существительного с определяемым словом (иногда словами вместе с предлогом), которое выражено субстантивом и помогает конкретизировать характеристику определяемого слова: *Меня представили немолодой маркизе, даме в собольей накидке со следами былой привлекательности на лице и обилием золота-бриллиантов на шее, в ушах и на старческих ручках* (<http://lgz.ru/article/-15-6594-19-04-2017/florentsiya-vid-s-kholma-15-2017/>). Такие конструкции встречаются значительно реже, чем другие два типа нечленимых конструкций синкретического объектно-определятельного типа.

К синкретическим конструкциям II группы, которые в своем составе содержат предлоги (обобщенную схему можно представить в виде «определяемое слово (субстантив) + предлог + имя существительное»), принадлежат конструкции, часто объединяющие характеризующий признак предмета и сопровождающее обстоятельственное значение места, времени, причины, цели. Эта возможность передавать более разнообразные оттенки синкретического объектно-определятельного-обстоятельного значения отличает их от определений, выраженных именем существительным без предлогов. Распространенными среди синкретических образований второго типа являются конструкции: «определяемое слово + предлог с (со) + имя существительное в родительном падеже», «определяемое слово (субстантив) + предлог для + родительный падеж имени существительного». Конструкции определительно-обстоятельного типа, отвечающие схеме «определяемое слово (субстантив) + предлог с (из, от, около, возле, напротив) + имя существительное в родительном падеже», определяют признак предмета (или субъекта) в пространственном отношении и являются часто используемыми конструкциями (73 % от общего количества проанализированных предложных конструкций синкретического объектно-определятельного-обстоятельного типа): *Например, в номинации «режиссер драмы» выстроился ряд из десятка с лишним претендентов* (http://www.trud.ru/article/20-04-2017/1349350_defitsit_zoloty_masok_krepchal.html); *Зависимость от гуманитарной помощи тоже была, но это осталось в прошлом* (<https://snob.ru/selected/entry/123496>).

Как свидетельствует проведенный анализ фактического материала и лексико-семантическая классификация конструкций синкретического типа, исследуемые конструкции объектно-определятельной и объектно-определятельно-обстоятельной семантики представлены в основном субстантивами в непрямых падежах с предлогами или без предлогов. Если синкретическая конструкция выражена словосочетанием, то, как правило, кроме имени существительного в непрямом падеже она содержит имя прилагательное, реже – местоимение или имя числительное. Основным репрезентантом синкретических второстепенных членов предложения в этом случае выступает имя существительное в различных падежах. Наиболее продуктивной формой выражения синкретической объектно-определятельной и определительно-обстоятельной семантики является родительный падеж субстантива.

Недостаточность изученности инновационных языковых явлений, а также существование большого количества разнообразных, часто противоположных концепций и подходов к выделению и классификации членов предложения учитываются нами при анализе явления синкретизма как актуальной проблемы, поскольку именно синкретические конструкции являются своеобразными структурами, исследование которых с позиций новых синтаксических тенденций дает возможность расширить знания об особенностях моносемантических компонентов предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 4-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1988. – 155 с.
3. Двинская В. Т. Явление синкретизма как выражение ассиметрии языковых единиц разных уровней // Значение и функции языковых единиц разных уровней в синхронии и диахронии. – Вологда: Изд-во Вологодского ун-та, 1989. – С. 19 – 28.
4. Дубовая Е. А. Принципы интерпретации второстепенных членов предложения с синкретичными определительно-обстоятельными свойствами // Мовознавство. – 1989. – № 6. – С. 64 – 69.
5. Холодилова Л.Е. О термине «синкретизм» в языке и речи // Вопросы терминологии. – Нижний Новгород, 1993. – С. 127 – 133.

6. Чернова Л.А. Обстоятельство или определение? Основные типы синкретических членов предложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206018568&archive=1206184486> (дата обращения: 03.05.2017).
7. Чесноков П.В. Синкретизм статистический и динамический // Сб. ст. научно-методического семинара TEXTUS. – Ставрополь, 2005. – С. 27-30.
8. Cruse 2000: Cruse, D. A. Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics. – Oxford University Press, 2000. – 424 pp.

АННОТАЦИЯ

Наливайко Ю.Ю. Синкретические формы объектно-определяющего типа в системе второстепенных членов предложения (на материале публицистического дискурса)

Статья продолжает ряд публикаций, посвященных особенностям реализации тенденций синкретизма в системе второстепенных членов предложения современного русского литературного языка. Исследуются особенности проявления объектно-определяющего и объектно-определяюще-обстоятельного синкретизма на уровне атрибутивных форм современного публицистического дискурса.

Ключевые слова: синкретические члены предложения, атрибутивная форма, объектно-определяющий синкретизм, объектно-определяюще-обстоятельный синкретизм.

SUMMARY

Nalyvaiko Yu.Yu. Syncretic forms of object-attributive type in the system of secondary members of the sentence (based on publicistic discourse)

The article continues publications devoted to the problem of Syncretism in the system of the secondary parts of the sentence. Features of Syncretism in the objective-attributive and objective-attributive-adverbial secondary parts of the sentence in the semantically non-elementary sentence are analysed. This research is based on the analysis of the syntactic constructions of the modern Ukrainian language. The author also investigated the main reasons for syncretic sentence members' appearance.

Key words: the attributive form, objective-attributive Syncretism, objective-attributive-adverbial Syncretism, syncretic members of speech, Categorical meaning, Syntactic meaning.

*Е.В. Рочняк,
А.А. Пономарева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.74:811.112.2

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ТОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ- ОЙКОНИМОМ

Фразеологическим единицам как репрезентантам национально-культурного своеобразия языковой картины мира посвящено значительное количество работ. Однако, несмотря на то, что данный вопрос уже проработан достаточно глубоко, интерес к исследованиям в этой области не уменьшается, ведь изучение фразеологических единиц позволяет глубже понять историю и психологию народа, особенности его мировосприятия.

Фразеологизмы, в состав которых входят географические наименования, однозначно обладают ярко выраженной этнокультурной спецификой. Они самым тесным образом связаны не только с географией, но и с историей страны, традициями, характерными для жителей отдельных областей. Топонимы конденсируют весь своеобразный комплекс культуры, психологию данного народа, неповторимый способ его образного мышления, обладают широким кругом ассоциаций. Значение фразеологических выражений формируется, естественно, на основе значений составляющих его слов, однако, в большинстве случаев, подвергается образному переосмыслению.

Среди топонимов выделяются различные классы, такие как: гидронимы (названия водных объектов), оронимы (названия поднятых форм рельефа – холмов, вершин, гор), спелеонимы (названия подземных природных образований), ойконимы (названия населённых мест), урбанонимы (названия внутригородских объектов), дромонимы (названия путей сообщения), микротопонимы (названия небольших географических объектов, известных лишь людям, проживающим в определённой местности), антропо-, фито- и зоотопонимы (названия географических объектов, образованных от имени или фамилии человека, названия растения или животного).

В данной статье мы сделаем попытку классифицировать на основе семантических признаков немецкие фразеологизмы с компонентом-ойконимом. Такой выбор предмета исследования обусловлен тем, что наименования населённых пунктов

представляют собой один из самых важных и распространенных разрядов наименований топонимического пространства. Ойконимы имеют высокий информационный потенциал, часто ассоциируются с историческими событиями, персоналиями, памятниками архитектуры и литературы, имеющими важное значение не только для конкретной страны, но и для всего мира в целом.

Акцент именно на семантической классификации немецких фразеологических единиц с компонентом-ойконимом объясняется требованиями практики изучения языка. Ведь, как уже указывалось выше, топонимы обладают множеством ассоциаций, известных на фоновом уровне любому носителю языка, но непонятных изучающему немецкий язык. Без семантизации культурного компонента значения топонима в составе фразеологизма останется невоспринятым обширный пласт историко-культурных и социально-экономических ассоциаций, произойдет практически полная потеря внутреннего содержания фразеологической единицы.

Анализ 72 немецких фразеологических единиц, способных выступать обозначением разного рода населенных пунктов, позволяет сделать вывод о том, что они могут быть систематизированы и представлены пятью основными группами.

1. Фразеологизмы с компонентом-ойконимом, возникновение которых связано с определенными историческими событиями. Например:

Wunder von Bern (Бернское чудо) – победа сборной ФРГ по футболу на мундиале в г. Берне (Швейцария, 1954 г.), имевшая большое моральное значение для послевоенной Германии. Событие произошло перед началом немецкого экономического чуда, поэтому в немецкой истории его иногда называют «фактическим рождением ФРГ». В 2003 г. снят одноименный фильм. Употребляется в значении «ожидаемая, но трудно достижимая перемена к лучшему».

Die Schlacht bei Leipzig (Лейпцигское сражение) – одно из главных сражений антинаполеоновских войн (16-19 октября 1813 г.). Поражение Наполеона под Лейпцигом от армии Шестой антифранцузской коалиции (Россия, Англия, Пруссия, Испания, Португалия, Швеция) заставило французскую армию освободить территории на восточном берегу Рейна и стало фактически началом конца. Меньше чем через полгода союзниками был взят Париж. В сражении принимали участие с обеих сторон более 500 тыс. человек, поэтому оно получило название «Битва народов» (*Völkerschlacht*). Употребляется в значении «борьба, битва за свободу».

2. Фразеологизмы с компонентом-ойконимом, возникновение которых связано с названиями памятников культуры и архитектуры. Например:

aussehen wie der Junge von Meissen – выглядеть как мальчик из Мейсена, в значении «выглядеть глупо, иметь глупый вид». Как известно, г. Мейсен с начала XVIII в. является центром фарфорового производства. Происхождение сравнения связано с возникновением в 1710 г. первой в Европе фарфоровой мануфактуры. До 1840 г. у входа в мейсенскую мануфактуру стояла большая фарфоровая фигура с глупым выражением лица, на которую обращали внимание все посетители.

Der Kölner Dom (Кёльнский собор) – собор святых Петра и Марии, самый большой немецкий собор в готическом стиле. Его строительство продолжалось более 600 лет, а ремонтные работы и реконструкции продолжаются до сих пор, что связано с легендой о конце света сразу после окончания строительства собора. В XIX веке Кёльнский собор стал символом объединения Германии.

3. Фразеологизмы с компонентом-ойконимом, возникновение которых связано с проведением различного рода ярмарок и празднеств на территории конкретного населенного пункта. Например:

Bayreuther Festspiele (Байройтский фестиваль) – ежегодный летний музыкальный фестиваль в баварском городе Байрот, посвященный творчеству Рихарда Вагнера. Символ светских скандалов и закулисных интриг.

Der Cannstatter Wase (Канштатский луг) – двухнедельный народный праздник пива в г. Бад-Канштат (сейчас один из районов Штутгарта). Второй по численности после «Октоберфеста» в Мюнхене. Впервые был проведен в 1816 г., чтобы отметить окончание природной катаклизмы – резкого и продолжительного похолодания из-за извержения индонезийского вулкана Тамбора, что привело к неурожаю и голоду. Широко известен выступлениями духовых оркестров и костюмированными шествиями, а также различными ярмарками сельхозпродуктов. Является символом аутентичного немецкого праздника по случаю сбора урожая и окончания сезонных полевых работ.

4. Фразеологизмы с компонентом-ойконимом, представляющие собой вторичную номинацию, иначе говоря, прозвища городов. Например:

Stadt der Rosen und Nachtigallen («город роз и соловьев») – г. Бад-Кройцнах. Так этот город воспевал еще римский поэт Авзоний.

Die rote Stadt («красный город») – г. Магдебург. К началу XX века город получил такое прозвище благодаря своему многочисленному революционно настроенному рабочему классу.

Stadt der blauen Schwerter («город голубых мечей») – г. Мейсен. Фарфор этой фабрики знаменит во всем мире. Два скрепленных голубых меча стали эмблемой изделий из мейсенского фарфора.

Следует отметить, что прозвища-топонимы очень распространены в Германии и часто употребляются вместо официальных названий. Практически каждый город имеет несколько образных ойконимических прозвищ, различающихся по стилю употребления и коннотациям.

5. Фразеологизмы, включающие в свой состав оттопонимические образования от названий городов. Например:

Berliner Kind (уроженец Берлина); *jmd. hat eine Berliner Schnauze* (кто-то дерзок на язык; кто-то типичный берлинец, за словом в карман не полезет); *die deftige Berliner Lippe* (грубоватое, полное юмора берлинское просторечие); *eine (echte) Berliner Pflanze* (настоящий берлинец). Происхождение данных фразеологизмов связано с уверенностью, что жители Берлина – жизнестойкие, энергичные, неунывающие по жизни, с особым чувством юмора.

Что же касается семантических отношений, в которые вступают немецкие фразеологические единицы с топонимическим компонентом-ойконимом, то они являются такими же, как и семантические отношения между лексическими единицами, а именно: отношения синонимии, полисемии / омонимии и антонимии. Рассмотрим каждое из них подробнее.

Существуют разные точки зрения на определение явления синонимии, что объясняется особенностями самого предмета рассмотрения, наличием различных типов семантических сходств и различий. В качестве основополагающих исследователи называют следующие критерии: общность выражаемого понятия, взаимозаменяемость, общая номинативная и денотативная соотнесенность, семантическая близость. Исходя из данных критериев, мы можем констатировать наличие значительного количества фразеологических единиц с компонентом-ойконимом, состоящих между собой в синонимических связях. Данный факт уже упоминался выше и объясняется немецкой национально-культурной спецификой. В качестве примера можно привести названия городов вторичной номинации.

Дрезден – «*die Stadt an der Elbe*» («город на Эльбе»), «*Elbflorenz*» («Флоренция на Эльбе»), «*deutsches Florenz*» («немецкая Флоренция»), «*Venedig des Nordens / des Ostens*» («Северная» или «Восточная Венеция»), «*Barocko-Perle*» («Жемчужина Барокко»).

Дюссельдорф – «*Tochter Europas*» («Дочь Европы»), «*klein Paris*» («Маленький Париж»), «*Stadt der Mode*» («Город моды»), «*Schreibtisch des Ruhrgebiets*» («письменный стол Рурской области») – из-за множества фирм офисов крупных концернов.

Лейпциг – «*Stadt des Buches*» («город книги»), «*Treffpunkt der Welt*» («место встречи целого мира»), «*die Welt in einer Nuss*» («целый мир в ореховой скорлупе»), «*die Stadt der Springbrunnen*» («город фонтанов»).

Явления полисемии и омонимии являются родственными, однако не тождественными. Согласно С. В. Гриневу [3], их общность заключается в том, что одна лексическая форма используется для названия нескольких разных понятий, однако в случае полисемии данная разница либо недостаточно ясно осознается, либо не осознается вообще.

Другой же российский филолог, Р. З. Гинзбург [2], утверждает, что при обращении к полисемантическим словам мы сталкиваемся не с отдельными значениями, как в случае с омонимами, а, в первую очередь, с проблемой взаимосвязей и взаимозависимости различных значений в рамках семантической структуры одного слова. Иначе говоря, автор понимает полисемию как процесс роста и развития или, выражаясь общими терминами, изменения семантической структуры данного слова. В то время как омонимичными являются слова, звуковые формы которых совпадают, а значения различны. Если придерживаться этой точки зрения, то можно увидеть, что среди немецких фразеологизмов с компонентом-ойконимом существует достаточное количество омонимов, в то время как примеров полисемантических отношений нам найти не удалось.

klein Paris – 1) Лейпциг (восходит к словам Гёте из трагедии «Фауст»: «*Mein Leipzig lob' ich mir! Es ist ein klein Paris und bildet seine Leute*»); 2) Дюссельдорф (город индустрии немецкой моды); 3) Хеддернхайм (в 1866 г. после аннексии Франкфурта Пруссией в городе были введены многочисленные ограничения общественной жизни, и у жителей Франкфурта появилась поговорка «*Geht doch nach Heddernheim, dort seid ihr so frei wie in Paris*», т. к. Хеддернхайм был расположен за пределами города); 4) Гюстро (в XVIII в. во дворце Гюстро царили весьма свободные нравы, так как представители правящего дома содержали здесь своих куртизанок); 5) *Кобленц* (в 1798-1815 гг., т. е. в период французского господства, Кобленц был центром Рейнско-Мозельского департамента).

Goethestadt – 1) Франкфурт-на-Майне (город, где родился поэт); 2) Ильменау (город, где он неоднократно бывал в качестве веймарского министра для расследования случаев коррупции

местных чиновников); 3) Веймар (город, где расположен немецкий национальный театр с памятником Гёте и Шиллеру).

Что же касается антонимических отношений, то они непосредственно связаны с переносным значением топонимов, которое репрезентуется во фразеологических единицах.

aus Schilda kommen (быть простофилей, простаком; делать глупости) / *aus Darmstadt kommen* (быть интеллигентом, работником умственного труда)

Данное противопоставление основано на следующих ассоциативных связях. Город Шильда (район Торгау) славился издавна тем, что его жители совершали глупые, нелепые поступки. Быть жителем города Шильды – значит совершать нелепые проделки, глупые шутки. В то время как Дармштадт считается «городом науки», ведь здесь находятся Европейский операционный центр космических исследований, Высшая техническая школа, Государственная строительная школа, Немецкая академия языка и литературы, Немецкий PEN-ЦЕНТР.

in Buxtehude (очень далеко); *aus Buxtehude* (из какого-то захолустья); *nach Buxtehude* (за тридевять земель) / *in Chicago am Mainsein* (быть в центре городской жизни); *in Bankfurt sein* (быть в центре банковской жизни, финансового успеха)

Buxtehude – маленький провинциальный городок в Нижней Саксонии. Название его уже давно ассоциировалось с представлением о провинциальности, захолустности, отдаленности от центральных районов страны. Его полной противоположностью является Франкфурт-на-Майне («Chicago am Main», «Bankfurt»), где находится самое большое количество небоскрёбов в Германии, наибольшее количество банков и бирж ценных бумаг.

Таким образом, анализ немецких фразеологизмов, в состав которых входит название населенного пункта, позволил систематизировать их и представить пятью основными группами, в основе выделения которых лежит семантический признак. Также было установлено, что из всех семантических отношений, в которые вступают такого рода фразеологизмы, наиболее распространенными являются отношения синонимии, что обусловлено национально-культурной спецификой.

Проведённая работа показала значительный потенциал для исследования данной проблематики, а также высокий уровень возможностей для творческой инициативы. Изучение фразеологических единиц с топонимическим компонентом-ойконимом открывает дополнительные перспективы для исследования сущностных характеристик менталитета представителей немецкой лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Германия: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц / Н. В. Муравлёва, Е. Н. Муравлёва, Т. Ю. Назарова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 991 с.
2. Гинзбург Р. З. Лексикология английского языка / Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, Г. Ю. Кязева. – М., 1979. – 269 с.
3. Гринев С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
4. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы: Пособие по немецкому языку / Д. Г. Мальцева. – М.: Высшая школа, 1991. – 173 с.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е.В., Пономарева А.А. Некоторые лексико-семантические особенности функционирования немецкоязычных фразеологизмов с топонимическим компонентом-ойконимом

Статья представляет собой обзорный аспект рассмотрения лексико-семантического поля немецких фразеологизмов с топонимическим компонентом-ойконимом. В работе представлена семантическая классификация данных фразеологизмов, установлен характер лексико-семантических отношений внутри исследуемого семантического поля.

Ключевые слова: фразеологизм, немецкий язык, национально-культурная специфика, топоним, лексико-семантические отношения.

SUMMARY

Rochnjak E.V., Ponomareva A.A. Some lexical-semantic features of German phraseological units functioning with toponymic component-oikonym

The article proposes an overview aspect of the consideration in the lexical-semantic field of German phraseological units with a toponymic component-oikonym. The work presents a semantic classification of these phraseological units, establishes the nature of lexical-semantic relationships within the semantic field under search.

Key words: phraseology, the German language, national and cultural specifics, toponym, lexical-semantic relations.

Е.В. Рочняк,
Д.Л. Рыжков
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373:811.112.2

КОЛОРАТИВЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В мире существует большое количество языков, которые используются для коммуникации и передачи информации не только внутри одной территории (города, земли, страны), но и между разными территориями. Глобализация влияет на людей так сильно, что изучение иностранных языков становится неотъемлемой частью для успешного развития и взаимодействия их дел, начиная от бизнеса, заканчивая наукой. Однако изучение языка – это больше, чем просто изучение лексики и грамматики. Изучение иностранного языка – это сознательное или бессознательное сопоставление родного языка с изучаемым. Одним из источников познания культуры иностранного языка являются колоративы.

Как отмечает Т. М. Гайдукова [1], колоративы – это одна из разновидностей лексических универсалий, достаточно четко очерченная в языке группа прилагательных, обозначающих цвета.

Семантика цветообозначения имеет две составляющие: информативную, отражающую реальные свойства денотата, и образную. Информативная составляющая реализуется при помощи слов, в значении которых есть семы цвета. К ним относятся, во-первых, первичные (*красный, желтый, голубой*) и вторичные (*соломенный, лазурный*) колоративы; во-вторых, субстантивы, образованные от колоративов (*чернота, желтизна, зелень*); в-третьих, субстантивы, от которых образованы вторичные колоративы (*коралл, малина, вишня*); в-четвертых, лексемы, не имеющие в структуре своего лексического значения семы цвета, но обозначающие такие предметы и явления, представление о которых в сознании человека ассоциируется только с одним цветом (*закат, снег, сирень, дыня, изумруд*).

Различия в реалиях, окружающих человека, закономерно отражаются в лексической семантике. Понятия существующей действительности имеют общечеловеческий характер, но они находят свою реализацию в культурно обусловленных словах. Иначе говоря, значения слов – это национальные категории, а понятия – вненациональные. Кроме того, любое понятие может акцентировать через различные признаки, которые легли

в основу названия как характерная черта предмета. Именно выбор этого признака и презентует национальное своеобразие значения слова.

В исследованиях известного английского лингвиста Дж. Лайонеза [6] акцентируется идея о том, что цветоименования (колоративы) определенного языка обладают выраженной национально-культурной спецификой и являются значимыми элементами для конструирования фрагмента национальной картины мира соответствующей лингвокультурной общности.

Так как на сегодняшний день нет единой классификации колоративов, можно привести несколько примеров классификаций, встречающихся в отечественной литературе. Так, например, О. И. Кулько [5] отмечает, что колоративы разделяются на две группы: собственно колоративы (*красный, вишневый, голубой* и т.д.) и дополнительные характеристики цвета (*светлый, темный, бледный, насыщенный* и др.). Группа собственно колоративов неоднородна: у одной части лексем – первичных колоративов – значение цвета является основным, прямым (*черный, бежевый*); у другой части лексем – вторичных колоративов – значение цвета является переносным (*васильковый, коралловый*), но, тем не менее, оно также закреплено в системе языка.

Другой отечественный исследователь, М. Ю. Закурдаева [3], разделяет колоративы на два структурных подмножества, в одно из которых входят простые колоративы, во второе – сложные. Простые колоративы – это одноосновные лексемы, как, например, *синий, зеленый, кофейный, бирюзовый, янтарный* и т. п. Сложными адъективными колоративами являются цветообозначения, состоящие из двух и более основ, пишущихся через дефис и включающих колоративный элемент (*бутыльно-зеленый, бело-красный, желтовато-серый, иссиня-черный, нежно-голубой, черный-пречерный, бело-сине-красный, белый-белый* и подобные).

В немецком языке путем объединения простых цветообозначений можно создать большое количество сложносоставных слов, принадлежащих к разным частям речи и выражающих тот или иной переходный цвет, или любой из его оттенков (*hochrot, dunkelblau, kühlgrau, blendendweiß, glührot, aschgrau, kirschrot, kastanienbraun, schamrot, angstschwarz*).

Колоративы относятся к редким прилагательным, которые обладают объективным денотатом – цветным эталоном, то есть относятся к конкретной лексике. Но одновременно они являются сложными информационными структурами, которые способны

выполнять не только номинативную функцию. Это означает, что они не только вызывают визуальное представление о своем денотате, но и несут в себе всю массу культурно-психологических ассоциаций, связанных с ним. Человек воспринимает информацию о цвете на основе своего опыта, культуры и образования в условиях жизни общности людей отдельной страны. Именно поэтому маленькие дети достаточно поздно начинают четко различать цвета, а тем более – их оттенки.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие функции цвета: 1) коммуникативная, определяющая связь между элементами и предметами природы; 2) символическая, указывающая на явление, предмет или сущность; 3) экспрессивная, передающая определенное чувство и вызывающая соответствующие эмоции.

Сравнивая происхождение тех или иных колоративов, можно отметить, что русские основные цветковые прилагательные характеризуются исконно русским происхождением (*красный, зеленый, синий*), оттеночные прилагательные в своем большинстве являются заимствованиями (*оранжевый, оливковый, фиштакковый, лиловый*). В немецком языке наблюдается подобное явление: основные колоративы германского происхождения (*rot, grün, braun*), за редким исключением, а оттеночные заимствования из других языков (*lila, orange, beige*).

Великий немецкий писатель И. В. фон Гёте [2] в своём труде «К учению о цвете» («*Farbenlehre*», 1809) установил шесть основных цветов с образованием двух цветковых треугольников. Его иерархией гармонических взаимосвязей в шестичетном круге до сих пор пользуются во всем мире.

В «Учении о цвете» поэт затрагивает и межкультурные различия в цветовой символике и в психологическом воздействии цвета. Любовь к ярким цветам он считает характерным признаком для «неразвитых» народов и детей. Представители высокообразованных народов, напротив, предпочитают приглушенные оттенки. Цвет одежд автор связывал как с характером нации в целом, так и с характером отдельного человека. Южане с их живым характером предпочитают насыщенные и яркие цвета. Умеренные народности отдают предпочтение соломенному и красно-желтому. Нации, стремящиеся показать свое достоинство, предпочитают красный. Молодые женщины выделяют светлые оттенки – розовый, нежно-голубой. Люди в возрасте отдают предпочтение лиловому и темно-зеленому. Гёте отмечает, что цвет является символом самого человека, его характера и мыслей.

Так, немецкое прилагательное *weiss* происходит от индогерманского корня *kuēi*, что означает «светить, мерцать» и ассоциируется с невинностью, чистотой, нежностью: (*k*) *eine (blühen) weiße Weste haben* – разг. иметь (не)запятнанную репутацию; *sich weiß waschen* – попробовать оправдать себя, иначе говоря, обелить себя, свою совесть, чтобы она стала чистой. Необходимо отметить, что белый цвет издавна вызывает чувство чистоты и обозначает девственность. С другой стороны, белый – это цвет траура – символ некрашеной одежды, как знак отказа от всех цветов, которые вместе символизируют жизнь во всем ее богатстве и красочности. Также этот цвет обозначает веру, истину и святость жизни, то есть является амбивалентной единицей.

То же самое касается и чёрного цвета, который является антиподом белому во всех языках. Например: *aus Schwarz Weiß machen* – называть черное белым; *das ist wie schwarz und weiß* – это как черное и белое. В обоих указанных случаях мы видим явное противопоставление. Следует отметить по черному цвету, что его единственным положительным значением является спокойствие и постоянство. Но прежде всего, он обозначает смерть, а в более общем варианте гибель всей вселенной и хаос; символизирует собой любой губительный конец. Черный цвет вызывает негативные эмоции, как, например, чувства потери, сожаления и подавленности: *die schwarze Liste* – черный список; *Schwarzmalerei* – пессимизм; *schwarzes Herz* – злое сердце, недобрый человек.

По мнению отечественного лингвиста Т. Б. Козак [4], по своему символическому значению красный цвет в немецком языке превышает все другие. Красный цвет – это жизнь, энергия, полнота проявлений чувств, любовь, эмоции. Примером может служить выражение «*heuterot, morgentot*» («сегодня в порфире, а завтра в могиле»). С другой стороны, с красным цветом ассоциируется ненависть, злость, боль, кровь: *es war ihm rot vor den Augen* – он был вне себя от злости; *wie das rote Tuch wirken* – действовать как красная тряпка.

Синий, по И. В. Гёте, самый печальный, серьезный, тоскливый; он действует успокаивающе, а в больших количествах – даже угнетающе. Для носителей немецкого языка синий цвет олицетворяет тоску, отсутствие четких перспектив, сомнения, например: *blaue reden* – обмануть; *ins Blaue schießen* – бесцельно проводить время; *j-m blauen Dunstvormachen* – разг. втирать очки кому-либо, пускать пыль в глаза, морочить, где синий цвет символизирует неопределенность. С другой стороны, он символизирует верность, доверие, бесконечность, романтику, мечту: *blaue Stunden* – приятные часы отдыха; *blaue*

Ferne – голубая даль; *blaue Blume* – голубой цветок как символ романтической философии.

Зелёный цвет – холодный. Тем не менее, он символизирует мир, спокойствие, надежду, плодородие, возрождение природы и жизни в целом: *die grüne Hochzeit* – день свадьбы (буквально «зелёная свадьба», от традиции одевать в день свадьбы невесте венок из зелени, чтобы она имела много детей); *auf einen grünen Zweig kommen* – добиться благополучия, финансового успеха (дословно – «пойти на зеленую ветвь»); *ich sehe grün* – у меня появилась надежда (дословно «я вижу зелень»). Молодая, свежая, полная сил, растущая и цветущая зелень – именно этот образ положен в основу данного колоратива.

А вот желтый цвет, при всей его «теплоте», в немецкоязычном ментальном поле несет в себе только отрицательные коннотации и символизирует измену, разлуку, ревность, раздражительность. Немцы связывают желтый цвет с ненавистью, завистью, фальшью. Примером этому могут служить выражения «*der gelbe Neid*» (желтая зависть) и «*gelb und grün im Gesicht werden*» (разозлиться от гнева, зависти).

Таким образом, рассмотрев символику цветов в немецкоязычной культуре можно, сделать вывод, что цветовой символизм в Германии характеризуется, с одной стороны, сохранением представления собственной картины мира, являясь средством выражения специфического менталитета, а с другой – схожестью и постепенной аналогизацией цветообозначений в других языках. С развитием технологий и глобализации можно предположить, что в будущем колоративы будут иметь схожее или одинаковое значение во всех наиболее распространенных языках мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдукова Т. М. Цветообразование человека и частей его тела (на материале современного немецкого языка) : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. М. Гайдукова. – Нижний Новгород, 2008. – 18 с.
2. Гете И. В. Учение о цвете / И. В. Гете. – М. : Либроком, 2012. – 109 с.
3. Закурдаева М. Ю. Некоторые проблемы цветообозначения в лингвистике / М. Ю. Закурдаева // Вестник Днепропетровского университета. Серия : Языкознание. – 2012. – Режим доступа : <http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2012/14.pdf>
4. Козак Т. Б. Лексико-семантична група слів, які позначають колір у німецькій мові (діахронічне дослідження) : автореф. дис. на пошукування вченого ступеня кандидата філол. наук :

- спец. 10.02.04. «Германські мови» / Т. Б. Козак. – Одеса, 2002. – 18 с.
5. Кулько О. И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе / О. И. Кулько // Русская // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 224-225.
6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонез. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
7. Танабаева А. М., Оразгалиева Ф. Ш. Лексика и фразеология как источник этнокультурной информации : учеб. пособие / А. М. Танабаева, Ф. Ш. Оразгалиева. – Караганда : Изд-во КарГУ, 2001. – 115 с.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е.В., Рыжков Д.Л. Колоративы в немецком языке как элемент национальной картины мира

В статье дается общее представление о понятии «колоратив», рассматриваются варианты классификаций цветообозначений, частично затрагивается вопрос психологического воздействия цвета. Особое внимание уделяется особенностям семантики основных немецкоязычных цветообозначений как элементов национальной картины мира.

Ключевые слова: цвет, колоратив, немецкий язык, национально-культурная специфика.

SUMMARY

Rochnyak E.V., Ryzhkov D.L. Colorative words in the German language as an element of the national picture of the world

The article gives a general idea of the concept «colours», it examines variants of colour classification, and partially touches upon the issue of psychological effect of colour. Particular attention is paid to the peculiarities of the semantics of the main German-language colours as elements of the national picture of the world.

Key words: colour, colorative word, German, national and cultural specificity.

Н.М. Стеценко
(г. Донецк, ДНР)

УДК 81.0

ТИПЫ ЛИДОВ НОВОСТНОГО МЕДИЙНОГО ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ ФАКТОРОВ НОВОСТНОЙ ЦЕННОСТИ

Постановка проблемы. Общим структурным свойством новостных медийных текстов является помещение наиболее важной информации в начало текста, поскольку новости как функционально-жанровый тип текста обладают так называемой структурой релевантности, которая указывает читателю, какая информация в тексте является наиболее значимой.

Первый абзац медийного текста, расположенный под заголовком, который выделяется шрифтовым варьированием или пробелом от основного текста, в масс-медийной сфере называют лидом (вводкой) [13]. Задачей лида является краткое раскрытие сути новостного медийного текста или уточнение заголовка.

Согласно требованиям новостных жанров стиля массовой коммуникации субъективно-оценочные элементы, отражающие позицию автора или редакции, должны быть полностью исключены из новостных публикаций, однако порядок подачи информации в лиде, вынесение определенной информации на первое место всегда определяется автором медийного текста, а потому отображает его предпочтение, субъективное отношение к материалу. Так, Т. ван Дейк в своих работах подчеркивает, что заголовок и лид (вводка) новостного медиатекста могут представлять авторский субъективный вариант макроструктуры медиатекста, не являющийся беспристрастным [5, с. 241].

В мире ежедневно происходит бесчисленное количество разнообразных событий, однако объектом внимания СМИ становятся только те из них, информационный повод которых актуален для потенциального потребителя медиаинформации, только в этом случае событие превращается в новость. По словам исследователей, «новость – это сообщение о каком-либо событии или явлении, имеющем значение для читательской аудитории...» [10, с. 12].

Отбор новостей для создания новостных медийных текстов происходит по нескольким критериям, самыми главными из которых являются значение события и наличие в нем элементов читательского интереса [8]. Недаром в журналистике говорят о двух определениях новостей: информация, необходимая людям для принятия жизненных решений, а также отклонения от естественного хода событий. В первом случае новостью

будет, к примеру, информация о повышении тарифов на оплату жилья, во втором – разнообразные необычные и курьезные происшествия. К этому случаю относится знаменитая поговорка: «Когда собака укусила человека, это не новость, а когда человек укусил собаку, это уже новость» [8]. Такие критерии формируют понятие новостной ценности. Новостная ценность – это комплекс различных факторов, которые превращают какое-либо событие в информационный повод и делают возможным включение его в новостной медиатекст [15, с. 116].

Полагаем, что факторы новостной ценности оказывают влияние и на формирование содержания лида новостного медиатекста, поскольку автор производит отбор содержательной информации для строки лида по тем же критериям, которые подчеркивают значение события и наличие в нем элементов читательского интереса.

Анализ публикаций. Различные аспекты исследования факторов новостной ценности медийных текстов содержат работы таких ученых, как Л.А. Васильева, Т.Г. Добросклонская, О.Р. Лащук, М. Монтгомери, Д.В. Туманов, Х. Фултон, Д. Хартли, Р. Харрис, С. Холл, Н.В. Чичерина, М.И. Шостак, Ю.В. Шемелина и др. Для настоящей работы большое значение имеют исследования языка масс-медиа, которые убедительно доказывают, что новостным медиатекстам воздействующий потенциал присущ в меньшей степени, чем прочим жанровым разновидностям медиатекстов (Т.С. Дроняева, М.А. Ковальчукова, Н.Н. Панченко, Т.А. Присяжнюк, А.А. Негрышев, А.Ш. Сафаргалина, С.И. Сметанина, О.О. Сподарец, Н.С. Цыбикова и др.). Необходимо отметить глубокие исследования структуры новостного сообщения, представленные в работах Т. ван Дейка. На современном русскоязычном материале структура новостного медийного текста рассмотрена в исследованиях М.В. Григорян, А.С. Жукова, А.В. Колесниченко и др. Следует подчеркнуть, что существующие исследования не уделяют должного внимания особенностям лидов новостного медийного текста, в связи с этим тема настоящей работы является в современной медиалингвистике актуальной.

Целью статьи является исследование лидов новостных медийных текстов с учетом факторов новостной ценности в прагматическом аспекте. *Объектом* нашего исследования стали новостные медийные тексты русскоязычных версий интернет-сайтов украинских информационных агентств, а также сетевых вариантов украинских газет за 2011-2017 гг. *Предметом исследования* являются различные типы лидов новостных

публикаций в зависимости от коммуникативного намерения автора в контексте факторов новостной ценности.

Изложение основного материала. Обобщив различные факторы новостной ценности, представленные в научных исследованиях, отметим, что наиболее важными из них являются: своевременность, масштаб; последствия для определённой аудитории; близость к аудитории в психологическом или географическом плане; конфликтность или негативный характер информации; участие знаменитостей; наличие героя; степень отклонения от общественных норм; сенсационность; связь с актуальными темами [11].

Осцилляция своевременности. Темой новостного сообщения становятся только недавно произошедшие события, поскольку медиапотребителям не будет интересна информация о несвоевременных фактах. По мнению С. Холла, новостью может стать только интересное, необычное и значимое событие, произошедшее за последние 24 часа [цит. по: 14]. Таким образом, ценность новости зависит от того, насколько тема близка для потребителя медиапродукции во времени (недавнее прошлое или недалекое будущее).

Масштаб события или значимость (украденная сумма, количество участников акции). Чем больше цифры в излагаемых фактах, тем быстрее такое событие станет новостным медиатекстом. Так, А.А. Колесниченко упоминает в своих работах правило отдела происшествий одного крупного периодического издания: если в автомобильной аварии погибли один-два человека, то писать об этом не стоит, а если больше пяти – написать необходимо [8].

Последствия события для массовой аудитории. Несомненно, читатели будут заинтересованы прежде всего теми событиями, которые оказывают непосредственное влияние на их жизнь. Примерами подобных новостей могут быть медиатексты *о возможных стихийных бедствиях, о распространении вирусов гриппа, о повышении цен на нефть и т.д.*

Близость к аудитории (географическая или психологическая). Например, для жителя г. Макеевки актуальной является новость об отмене городских санэпидемстанций («Санстанций в городе теперь не будет», «Вечерняя Макеевка», 11.01.2013). В то же время новость об аварии на шахте в г. Донецк будет близка шахтерам любых государств, а сообщение о смерти автора сериала о комиссаре Каттани «Умер автор сериала о комиссаре Каттани» (УНИАН, 08.03.2013) будет интересовать реципиента в любой точке мира по ассоциации с личными впечатлениями.

Конфликтность или негативный характер информации. Данные многочисленных исследований доказывают, что сообщения, которые содержат негативную информацию, вызывают гораздо больший интерес потребителей медиапродукции, чем «обычные» новости [2]. Это самая разнообразная информация со знаком минус, которая, как принято считать в западной журналистике, «быстрее продает газету» [9]. Следует отметить мнение Р. Харриса, который пишет, что на события, не содержащие элементов насилия, СМИ могут вовсе не обратить внимания [14]. Подчеркнем, что негативная информация становится объектом новостных медиатекстов независимо от масштаба события, поскольку именно драматизм ситуации становится главным фактором человеческого интереса. Например, несчастный случай в Винницкой области («Мужчину насмерть засыпало зерном»; УНИАН, 07.03.2013) и кончина Президента Венесуэлы («Чавес скончался от инфаркта, утверждает глава президентской охраны Венесуэлы»; «Интерфакс», 07.03.2013).

Участие знаменитостей. Огромное значение для новостного медиатекста имеет фактор известности: чем более известным человеком будет участник события, тем больший интерес оно будет вызывать. О.Р. Лашук отмечает, что наиболее значимыми для новостных медиатекстов являются «успехи или неудачи государственных, политических, деловых, общественных и иных организаций и их представителей, которые «делают новости», знаменитости разного уровня...» [9, с. 23].

Наличие главного героя [14]. Наличие такого персонажа позволяет зрительской аудитории идентифицироваться с ним, тем самым создавая возможность для более полного восприятия зачастую сложной и противоречивой информации. Примером такого события может быть награждение медсестры высшим знаком отличия («Медсестра из Енакиево награждена высшим международным знаком отличия», «Голос Украины», 13.07.2011).

Степень отклонения от общепринятых норм. При статистическом подходе наиболее отклоняющимся от нормы считается наиболее редкое событие. Нормативный подход рассматривает события с точки зрения степени нарушения общепринятых общественных и юридических норм со стороны участников. В качестве примера такого рода событий можно привести серию террористических актов в г. Днепропетровске (Украина) 27 апреля 2012 года, в результате которых от четырех взрывов в центре города пострадали 27 человек.

Сенсационность материала. Для события, которое станет новостью, подходят: непредсказуемость фактов; неожиданные или

непривычные ситуации разного рода; необычные обстоятельства из обычной жизни; эксцентричные или экстравагантные поступки, интересные странности и курьезы – все то, что так или иначе выходит за привычные рамки повседневной рутины и потому дает поводы для малых и больших сенсаций [9]. Американский исследователь Уолтер Липман в связи с этим критерием новостной ценности писал, что «новость – не отражение социальных условий, а отчет о том, что навязчиво лезет в глаза» [Цит. по: 6]. Примером нестандартной ситуации обычных политических будней может быть факт преподнесения цветов женщинам-депутатам, блокирующим трибуну Верховной Рады (*«Женщины-депутаты из «Батькивщины», блокирующие трибуну Рады, получили от коллег розы»*; «Интерфакс», 07.03.2013). Исследователи отмечают важность у новостного события какого-либо элемента, приковывающего внимание реципиента. Р. Харрис называет этот элемент «крючком», на который подвешивают информацию более абстрактного содержания. Отметим также, что во многих классификациях новостной ценности сенсационность занимает первое место, например, в исследовании Л.А. Васильевой выделяется следующий ряд критериев «новостийности»: сенсационность, броскость, оригинальность, прикольность, полезность, значимость, оглушительность [3].

Связь с актуальными темами, которые в данный момент уже активно разрабатываются средствами массовой информации. Проанализировав мнения исследователей о тематической привязанности новостных тем, полагаем, что для новостных (информационных) медиатекстов актуальными будут считаться прежде всего события, представляющие политический, социальный или экономический интерес для аудитории, поскольку изменения в данной сфере будут иметь последствия для широкой читательской аудитории, отличаются масштабом и конфликтностью. По словам Т.С. Дроняевой, информационный подстиль тематически ограничен несколькими критериями: социальной значимостью передаваемой информации и общественным интересом к передаваемой информации [7]. К этому же фактору новостной ценности относят темы из категории «вечных» для конкретного общества. Одной из «вечных» тем могут быть сюжеты об эффективности и неэффективности политики официальных лиц. Примером такой тематики могут быть *многочисленные попытки реформирования медицинской сферы, которые привели к фактическому развалу данной отрасли*.

По нашим наблюдениям, лиды в новостных русскоязычных медиатекстах украинских СМИ характеризуются преобладанием единиц фактуальной информации (цифровые данные, вкрапления

чужой речи, имена собственные). Такая детализация информации говорит о том, что автор медиатекста стремится к раскрытию полноты текстовой информации за счет присутствия в лиде различных фактических элементов.

Общим признаком лида для новостного медийного текста является стремление обобщить его содержание. В зависимости от степени обобщения информации выделяют *обобщающие* лиды, которые соответствуют классическим вопросам информационных жанров, и *модифицированные* лиды, соответствующие 2-3 аспектам новости [8].

Модифицированные лиды могут представлять собой продолжение информации, представленной в заголовке. Например, *«Попов назначил вместо Мазурчака бывшего зама Черновецкого»* (заголовок). *«Окончательно с кандидатурой своего помощника глава мэрии еще не решил»* (лид) («Аргументы и факты», 28.03.2013).

Полагаем, что в случае модифицированного варианта лида, на трансформацию информации оказывает влияние стремление автора сделать информацию в заголовочном комплексе более экспрессивной, в частности – повысить рекламность заголовка. Выбор первого компонента лида определяется коммуникативным намерением автора, его представлением о важности определенного элемента текстовой информации [12], а также соответствием выбранного элемента текста критериям новостной ценности.

С опорой на типы лидов, представленные в исследовании М.В. Григорян [4], выделим следующие типы лидов в новостных медиатекстах русскоязычных украинских СМИ:

1. *Лид-субъект действия*. В таком лиде информация вводной части новостной публикации начинается с ответа на вопрос «кто?», поскольку центр новости – участие известной личности в описываемом событии (фактор новостной ценности *наличие главного героя*). Такой лид в классификации В.В. Ворошилова называется лидом-немедленной идентификацией [1, с. 220]: *«Национальный банк Украины на пятницу, 24 ноября 2017 года, ослабил официальный курс гривни на 21 копейку – до 26,8614 грн за доллар против 26,6476 грн за доллар в четверг»* (Укринформ, 24.11.2017, 08:22). Иногда субъект действия отсутствует в первом элементе заголовка, но выносится автором в начало лида: *«Экономический рост Украины в следующем году превысит 3% – премьер* (заголовок). *По словам Гройсмана, ускоренный экономический рост позволит не только создать рабочие места и повысить доходы украинцев, но и в целом стабилизировать ситуацию в стране* (лид)» (УНИАН, 23.11.2017, 19.30).

Отметим, что иногда в начало лида автор медиатекста выносит название субъекта, который не является известным широкой аудитории, но становится таким в результате совершенных действий. В этом случае исследователи говорят о затагнутой идентификации субъекта вводной информации [1]: «Около тысячи пользователей онлайн-сервиса заказа такси Uber считают, что их аккаунты взломали российские хакеры» (Укринформ, 24.11.2017, 08:10).

Особый интерес представляют собой лиды, в которых содержится изменение субъекта действия по сравнению с заголовком: «*Китай предложил* Украине совместные научные проекты (заголовок). *Молодые ученые* из Украины смогут приобщиться к китайской программе поддержки талантливых молодых ученых (TYSP) (лид)» (Укринформ, 23.11.2017, 15:19).

2. *Лид-объект (что?)*. Этот лид используется в том случае, если событие определяется автором медиатекста более важным, чем персоналии (фактор новостной ценности *масштаб события* или *значимость*): «*Brent* подешевела до \$63,38 за баррель, WTI – подорожала до \$58,46 за баррель» (УНИАН, 24.11.17, 09:03); «*Программой визита* Президента Петра Порошенко в Брюссель для участия в саммите «Восточного партнерства» запланировано проведение около 20 двусторонних встреч с лидерами государств-членов ЕС...» (Укринформ, 04.11.2017, 02:59).

3. *Лид-время (когда?)*. В такой информации ключевым моментом для удержания внимания реципиента будут данные о сроках и времени описываемого факта (фактор новостной ценности *ощутимая своевременность*). Такой лид обычно подчеркивает срок или быстроту подачи новости, поскольку важным является именно время совершения действия, а не то, как она прошла или что было решено: «*В выходные* на Кипре официально открыли туристический сезон, который продлится до 30 ноября» («Укринформ», 25.03.2013); «*В прошлую пятницу* Соглашение об ассоциации с Украиной (почти 12 тыс. страниц) было переведено на 28 языков, за исключением хорватского. Об этом сообщил журналистам...» («День», 27.02.2013).

4. *Лид-место события (где?)*. В этом типе лида автор фокусирует наше внимание на месте события (факторы новостной ценности *близость к аудитории, последствия события для массовой аудитории*). Отметим, что указание на место события может быть подчеркнуто определениями при субъекте действия: «*В Индии* 24 ноября по меньшей мере 13 вагонов поезда сошли с рельсов» (Укринформ, 24.11.2017, 09:22); «*В Администрации президента* сообщили, что завтра ожидается примерно

12-14 встреч с лидерами стран-членов Евросоюза.» (УНИАН, 23.11.2017, 21:53).

5. *Лид-причина (почему?)* употребляется в том случае, если автор концентрирует внимание реципиента на мотивах события или причинах, по которым данное событие имело место (факторы новостной ценности *степень отклонения от общепринятых норм, связь с актуальными темами, сенсационность материала, конфликтность информации*): «*Для полноценной очистки дорог* Киева от снега власти приняли решение вернуть эвакуаторы» («Комсомольская правда», 25.03.2013); «*Из-за сложных погодных условий* обесточены более 300 населенных пунктов» («День», 16.03.2013); «*В связи со сложными погодными условиями* не работают аэропорты в Ивано-Франковске и Ужгороде» («Укринформ», 15.03.2013).

6. Лид-обстоятельства (как?) используется автором в том случае, если подчеркиваются прежде всего обстоятельства совершения определенного факта (факторы новостной ценности *степень отклонения от общепринятых норм, связь с актуальными темами, сенсационность материала*): «*Несмотря на 40 млн тонн снега*, впервые за сто лет выпавшего в столице за время циклона, ситуацию удалось полностью стабилизировать...» («Укринформ», 24.03.2013); «*За 9 месяцев текущего года* метпредприятия Украины увеличили относительно аналогичного периода 2011 г. импорт железорудного сырья (ЖРС) на 79% – до более 1,841 млн. тонн...» (УНИАН, 12.10.2012).

Таким образом, первый компонент информации в лиде новостного медийного текста указывает на более важный аспект публикуемой новости с точки зрения автора (субъект, объект, время, место, причины, обстоятельства), который обусловлен основными факторами новостной ценности (своевременность, масштаб; последствия для аудитории; близость к аудитории; конфликтность информации; участие знаменитостей; наличие героя; степень отклонения от общественных норм; сенсационность; связь с актуальными темами).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилов В.В. Журналистика / В.В. Ворошилов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2006. – 640 с.
2. Брайант Дж. Основы воздействия СМИ / Дж. Брайант, С. Томпсон; [пер. с англ. В. В. Кулеба, Я. А. Лебеденко]. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.
3. Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль речи: курс лекций по стилист. русск. яз. / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1982. – 197 с.

4. Григорян М.В. Пособие по журналистике / М.В. Григорян. – М.: Права человека, 2007. – 192 с.
5. Дейк ван Т. Структура новостей в прессе / Т. ван Дейк [пер. с англ. С. Ю. Медведевой] // Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ – 2000. – С. 228 – 267.
6. Деннис Э., Мерим Д. Беседы о масс-медиа / Э. Деннис, Д. Мерим. – М., 1997. – 204 с.
7. Дроняева Т. С. Информационный подстиль / Т.С. Дроняева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 290 – 317.
8. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: учебное пособие / А.В. Колесниченко. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 180 с.
9. Лащук О. Р. Редактирование информационных сообщений: учебное пособие / О.Р. Лащук. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 160 с.
10. Погорелый Ю.А. Информационное агентство: стиль оперативных сообщений / Ю.А. Погорелый. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 115 с.
11. Стеценко Н.М. Основные факторы новостной ценности и новостной медиатекст / Н.М. Стеценко // Мовна парадигма східнослов'янських мов: матеріали Міжнародної науково-практичної конф. – Луганськ: Вид-во ЛДУ імені Тараса Шевченка, 2016. – С. 151–155.
12. Стеценко Н.М. Лид новостного медийного тексту в аспекті речевого впливу / Н.М. Стеценко // Наука і мир в языковому просторі: збірник наукових праць ІІ Республіканської очно-заочної наукової конф. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 435–439.
13. Учебный словарь терминов рекламы и публичных рилейшенз // Под ред. Е.Е. Топильской. – Воронеж: ВФ МГЭИ, 2007. – 114 с.
14. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций / Ричард Харрис. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 281 с.
15. Чичерина Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов / Н.В. Чичерина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

АННОТАЦИЯ

Стеценко Н.М. Типы лидов новостного медийного текста в контексте факторов новостной ценности

На основе анализируемого материала сделан вывод об обусловленности первого компонента информации в лиде новостного медийного текста (субъект, объект, время, место, причины, обстоятельства) факторами новостной ценности

(своевременность, масштаб; последствия для аудитории; близость к аудитории; конфликтность информации; участие знаменитостей; наличие героя; степень отклонения от общественных норм; сенсационность; связь с актуальными темами).

Ключевые слова: новостной медиатекст, новостная ценность, лид медийного текста, коммуникативное намерение автора, речевое воздействие в СМИ.

SUMMARY

Stetsenko N.M. Types of news media leads in the context of news value factors

On the basis of the material analyzed it was concluded that the first component of information was conditioned by the news media factors (timeliness, scale, consequences for the audience, proximity to the audience, conflict of information, participation of celebrities, the presence of a hero, the degree of deviation from public norms, sensationalism, connection with current topics) in the news media lead (subject, object, time, place, reasons, circumstances).

Key words: news media text, news value, the lead of the media text, the communicative intention of the author, speech influence in the media.

*О.А. Сытенко,
М.В. Котлярова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.2

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНОЙ КОННОТАЦИИ В РОМАНЕ Д. СЕТТЕРФИЛД «ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА»

Как известно, литературный перевод является наиболее сложным аспектом в работе переводчика, поскольку для его выполнения необходима не только хорошая лингвистическая подготовка, но и определенные экстралингвистические знания, требующиеся как для передачи некоторых культурных аспектов произведения, так и для сохранения эмоциональной окраски.

Выполняя художественный перевод, переводчик должен удовлетворить ряд требований, а именно: сохранить смысл, дух и стиль произведения, при этом избегая дословности. Переводчик также должен владеть определенным лексическим запасом и умением передавать юмор, реалии, колорит, атмосферу с исходного языка на целевой.

В своих произведениях авторы нередко используют различные художественные средства языковой выразительности, чтобы придать повествованию эмоциональности или наделить персонажей особыми чертами, необходимыми в дальнейшем для динамичного развития сюжета. Эмоционально окрашенная лексика является одним из таких средств художественной выразительности.

Как известно, слова любого языка стилистически неравноценны. Стилистическая характеристика слова определяется его восприятием. Так, различные термины закреплены за научным стилем, клише и профессионализмы – за официально-деловым, слова с политической тематикой – за публицистическим. Для художественного стиля более характерна оценочная лексика, включающая в себя не только денотативный компонент, но и определенную коннотацию.

Оценочная лексика является неотъемлемой частью любого языка, поскольку для любого общества (соответственно, и языка) характерно разделение понятий на «хорошо» и «плохо». К тому же, оценочность – один из видов субъективной модальности, семантической категории, выражающей отношение говорящего к сообщаемому, что также характерно для любого естественного языка. Однако, несмотря на многообразие оценочной лексики, в лингвистике еще не существует её точной классификации, поскольку каждая из предложенных типологий основывается на разном подходе к изучаемому вопросу. Наиболее общей является классификация, предложенная Н.Д. Арутюновой, где оценочная лексика разделяется на «общеоценочную» и «частнооценочную» [1, с. 75]. В первую группу входят такие прилагательные, как «хороший» и «плохой» и их различные вариации, а вторая группа включает значения, «дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» [1, с. 75].

Оценочность и эмоциональность являются интегрированными понятиями, хотя это мнение разделяют не все ученые-лингвисты.

Так, Е.М. Вольф рассматривает оценочность и эмоциональность как часть и целое и выделяет два вида оценки – рациональную (выраженную оценочными суждениями, такими как: «я считаю, что это правильно», «думаю, это не плохо» и т.д.) и эмоциональную (реакцию на предмет, выраженную междометиями, аффективными словами, сниженной лексикой и т.п.) [3, с. 40].

Говоря о передаче оценочной коннотации, необходимо отметить, что поскольку оценочный компонент может передаваться любым словом, проблема его перевода имеет

лексический характер, а ее решением является использование специальных переводческих преобразований, т.н. трансформаций.

В своей теории переводческих трансформаций Л.С. Бархударов выделяет 4 вида трансформаций: перестановки, замены, добавления, опущения.

Рассмотрим каждую из трансформаций на примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка».

Под перестановкой Л.С. Бархударов понимает «изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника» [2, с. 190]. Зачастую перестановки используются вместе с различными лексическими и грамматическими заменами, реже – сами по себе. Необходимо отметить, что перестановка является обязательной в переводе как в паре языков английский-русский, так и в паре русский-английский. Эта необходимость прежде всего обусловлена различной структурой языков, в частности, разным порядком слов и расположением темы и ремы.

Так, оригинальное английское предложение “*No one has wanted his fat gray book for thirty years*” [6, с. 1] в переводе В. Дорогокупли на русский язык звучит как «*За тридцать лет ни один знаток не соблазнился его толстым трудом в переплете мышиного цвета*» [4, с. 9].

Здесь наряду с перестановкой мы можем наблюдать один из видов лексической замены – модуляцию, трансформацию, предполагающую замену причины следствием и наоборот.

Так, английское нейтральное прилагательное “*gray*”, имеющее значение “*colour that is a mixture of black and white, the colour of rain clouds*” [5], было переведено как «*мышиный цвет*», имеющее в русском языке отрицательную оценку.

Замены, по Л.С. Бархударову, могут быть грамматическими и лексическими.

К грамматическим он относит: а) замены форм слова: англ. “*Father had finished for the day, switched off the shop lights...*” [6, с. 1] – рус. «*Отец закончил с сегодняшними делами и погасил свет в магазине...*» [4, с. 9]. Так, английское существительное множественного числа «*lights*» было переведено на русский как «*свет*». Замена множественного числа единственным или наоборот наряду с заменами временной формы глагола являются самыми частыми примерами данной грамматической трансформации.

б) Замены частей речи с заменой членов предложения: англ. “*What succor, what consolation is there in truth, compared to a*

story?” [6, с. 1] – рус. «Разве кто-нибудь находил в ней поддержку и утешение, какие дарует нам вымысел?» [4, с. 12].

Замена частей речи часто бывает выражена заменой существительного местоимением, что мы можем наблюдать в первом случае: английское существительное “truth” было передано на русский язык местоимением, в свою очередь подлежащие в оригинальном английском предложении “succor” и “consolation” в переводе были переданы в качестве прямых дополнений.

К грамматическим трансформациям также относятся различные синтаксические замены в сложном предложении. Одним из видов этой трансформации является так называемая интеграция – объединение двух предложений в одно : англ. “What good is truth, at midnight, in the dark, when the wind is roaring like a bear in the chimney? When the lightning strikes shadows on the bedroom wall and the rain taps at the window with its long fingernails?” [6, с. 1] – рус. «Поможет ли вам правда в полночный час, в темноте, когда ветер голодным зверем завывает в дымоходе, молнии играют тенями на стенах вашей спальни, а длинные ногти дождя выбивают дробь на оконном стекле?» [4, с. 12]. Часто данную трансформацию используют во избежание повторения схожих конструкций при переводе, в случаях, когда это стилистически не обусловлено.

К лексическим заменам Л.С. Бархударов относит уже рассмотренную нами ранее модуляцию, а также генерализацию и конкретизацию.

«Конкретизацией называется замена слова или словосочетания исходного языка с более широким референциальным значением словом или словосочетанием переводящего языка с более узким значением» [2, с. 209].

Ярким примером конкретизации в «Тринадцатой сказке» может послужить перевод следующего предложения: англ. “They would do research, come along with a little piece of truth concealed in their pocket, draw it out at an opportune moment and hope to startle me into revealing more” [6, с. 1] – рус. «Раскопавшие толику правды журналисты являлись ко мне с намерением выложить этот **козырь** в удобный момент и, застав меня врасплох, узнать еще что-нибудь из этой серии» [4, с.12]. Здесь английское местоимение “it” с более широким значением было передано на русский язык существительным «**козырь**» с более узким значением.

Генерализация – трансформация, обратная конкретизации, при которой слово с более широким значением заменяет собой слово с более узким: англ. “They went away happy, clutching their

notebooks in their paws like children with sweets at the end of a birthday party” [6, с. 2] – рус. «Они уходили счастливыми и довольными, сжимая в руках свои блокноты, как детишки сжимают кулек со сласлями по завершении **праздничного вечера**» [4, с. 123].

Очень часто при переводе художественных произведений переводчиками используются антонимический перевод: англ. “But I knew none of this then” [6, с. 2] – рус. «Обо **всём** этом я узнала **впервые**» [4, с. 12], различные добавления: англ. “My genius is not so frail at hing that it cowers from the dirty fingers of the newspapermen” [6, с. 1] – рус. «Во **всяком** случае, мой талант не настолько нежная вещь, чтобы **вянуть** и **сжегиваться** от прикосновения **грязных пальцев бульварных писак**» [4, с. 12] и опущения: англ. “Some writers don’t like interviews of course. **They get cross about it.** “Same old questions,” – they complain” [6, с. 1] – рус. «Некоторые писатели не любят давать интервью. “**Вечно** одни и те же вопросы”, – жалуются они» [4, с. 12].

Последние являются наиболее используемыми при переводе оценочной лексики. Связано это прежде всего с расхождениями прагматических значений в разных языках. Сталкиваясь с такой проблемой, переводчик зачастую заменяет оценочную лексику нейтральной, в результате чего теряется часть значения.

Адекватный перевод художественного произведения с сохранением его формы, культурных особенностей и эмоционального посыла – нелегкая задача, требующая от переводчика определенных знаний и умений. Особую роль при переводе подобных произведений необходимо уделять деталям, создающим образную и эмоциональную составляющую повествования. Эмоционально окрашенная лексика представляет собой одну из этих неотъемлемых деталей произведения.

Таким образом, для перевода эмоциональной и оценочной лексики зачастую используются различные виды трансформаций, которые помогают не только раскрыть смысл, но и сохранить эмотивность и оценочность. Однако, очень часто переводчику приходится жертвовать прагматическим значением слова, поскольку существуют случаи расхождения последнего в английском и русском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. Сеттерфилд Д. Тринадцатая сказка : роман / Диана Сеттерфилд; [пер. с англ. В. Дорогокупли]. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 448 с.
5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/>.
6. Setterfield Diane. The Thirteenth Tale [Электронный ресурс] : D. Setterfield. – Режим доступа: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=41162>.

АННОТАЦИЯ

Сытенко О.А., Котлярова М.В. Способы передачи оценочной коннотации в романе Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка»

В статье исследуется оценочная и эмоциональная лексика. Изучение этого вопроса позволяет определить, что, поскольку оценочный компонент может передаваться любым словом, проблема его перевода имеет лексический характер. В статье также анализируются способы передачи эмоционально-оценочной лексики с английского языка на русский. Рассматриваются виды переводческих трансформаций на практическом примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка».

Ключевые слова: оценочная лексика, эмоциональная лексика, переводческие трансформации, литературный перевод, художественный текст.

SUMMARY

Sytenko O.A., Kotlyarova M.V. Methods of transferring the evaluative connotations in the novel by D. Setterfield «The thirteenth tale»

Evaluative and emotional vocabulary is described in the research. The study of this matter allows the author to determine that the problem of translation of evaluative component has lexical nature, thus, it can be translated by a word. The article investigates the methods of translation of emotional-evaluative vocabulary from English into Russian. Transformation types are viewed on a practical example of the novel by D. Setterfield «The thirteenth tale».

Key words: evaluative vocabulary, emotional vocabulary, translation transformations, literary translation, literary text.

**В.В. Фефелова,
Е.В. Гончарова
(г. Горловка, ДНР)**

УДК 81'36/81'42:811.133.1

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ РЕЧЕЙ ФРАНСУА ОЛЛАНДА И ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА)

Основной задачей лингвистического анализа политического дискурса является раскрытие механизма сложных отношений между властью и имущими политиками и управляемым ими обществом. Изучение политической лингвистики помогает разобраться в современных политических процессах и понять истинное значение выступлений политических лидеров и методы манипуляции общественным сознанием, которые они используют [1, с. 6].

Основная направленность политического дискурса заключается в том, чтобы изменить существующую политическую картину мира, осуществить своеобразные манипуляции с сознанием граждан с помощью пропаганды определенных идей. Особым инструментом для осуществления этих задач является политическая публичная речь. Задача политической публичной речи заключается в осуществлении воздействия на формирование общественного мнения, а также в «приобщении как можно большего числа граждан к общим ценностям» [10, с. 46].

Функциональная особенность политической речи заключается в способности влиять как на процесс рационального осмысления, так и на неосознанное восприятие. Выступление политика влияет на слушателей не только интеллектуально, но и эмоционально [4, с. 9].

А. П. Чудинов отмечает: «Специфика политической речи определяется её содержанием и проблематикой (распределение власти между государствами, в государстве и в его структурах), функциями (воздействие на политическую картину мира адресата, эмоциональное воздействие на адресата, склонение адресата к тем или иным действиям), идеологической обусловленностью при отборе и употреблении лексики и иных элементов, а также использованием характерных для этого вида деятельности коммуникативных стратегий и тактик» [8, с. 18].

Большинство исследователей политического дискурса (А. П. Чудинов, Е. Шейгал, Т. И. Никишина и др.) сходятся

во мнении, что основной функцией политического дискурса является борьба за власть и соответственно язык в данном случае выступает инструментом для завоевания и удержания власти и контроля над обществом.

Слушая выступления политических деятелей по тем или иным вопросам, мы видим языковое отражение авторской личности, сознания, позиции, индивидуальности. Категория «образ автора», с которой тесно связана категория субъективной модальности, подразумевает «авторское отношение к тому, о чем идет речь в высказывании, которое формирует реакцию оценочного характера читателя/слушателя» [3, с. 4].

Целью данной статьи является анализ публичных речей французских президентов Ф. Олланда (выступления Ф. Олланда после парижских терактов и по поводу миграционного кризиса) и Э. Макрона (выступление после теракта в Манчестере) и выявление лексико-грамматических средств французского языка, которые способствуют реализации категории субъективной модальности, а также различных функций политического франкоязычного дискурса.

Актуальной остаётся проблема функциональной направленности политического дискурса. Основными функциями публичных речей политических деятелей следует считать: *информационную* (передача информации), среди прочих указывая на *инструментальную* (взаимоотношения власти и СМИ), функцию *нормирования* (распределение ресурсов и право на применение силы), *легитимации и прогноза* («связь прошлого, настоящего и будущего для поддержки определенных отношений в обществе»), *убеждения* и *политической пропаганды* (формирование в обществе необходимых адресанту убеждений и ментальных установок) [6, с. 2].

Каждая из перечисленных функций в полной мере реализуется в текстах публичных речей Ф. Олланда и Э. Макрона.

Категория субъективной модальности является одной из основных при анализе политической ораторской речи как речевого произведения конкретного автора-политика. Эта категория изучается в тесной взаимосвязи с точкой зрения автора, поскольку её содержательным ядром является передача авторской идеи, личного видения изображаемых событий и в результате этого наблюдается максимальная открытость и приближенность к слушателю.

Вопрос о способах выражения субъективной модальности остается не до конца решенным, разные исследователи рассматривают и делают акценты на различных уровнях

(лексический, морфологический, синтаксический и пр.) проявления субъективной модальности.

Г. Я. Солганик в своей работе «Очерки модального синтаксиса» отмечает, что субъективная модальность присутствует на всех уровнях языка [7, с. 6]. Он указывает, что «в лексике это разветвленная система оценочных средств, в морфологии – вводно-модальные слова, наречия, местоимения и др». При этом главной сферой действия субъективной модальности он считает синтаксис: «субъективная модальность – компонент значения, составляющий важный слой общей синтаксической семантики предложения» [там же, с. 7].

И. Р. Гальперин утверждает, что отношение говорящего/пишущего к действительности, то есть модальность, «может быть выражено различными средствами – формально грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными, стилистическими» [2, с. 115]. Как средства реализации субъективной модальности ученый выделяет эпитет, а также сравнения, описательные обороты, косвенные характеристики, междометия, целостность текста [там же, с. 116].

Ю. Р. Тагильцева в работе, посвященной исследованию политического интернет-дискурса, предлагает разноразрядную классификацию языковых средств выражения категории субъективной модальности. Исследовательница анализирует языковые средства на следующих уровнях. *Морфологический*: личные местоимения; модальные слова; модальные глаголы; модальные частицы. *Лексический* уровень (представлен в основном тропами): метафора; ирония; сравнения. *Синтаксический* уровень: модальные фразы; вставные предложения; нарушенный словопорядок (инверсия); парцеллированные конструкции; синтаксические конструкции, в которых сочинительные союзы находятся после точки (так называемые разрывы); предложения с обособленными членами предложения; синтаксические конструкции с усилением отрицания; синтаксические повторы (анафора, эпифора); синтаксические конструкции с многоточием и др. [8, с. 15].

В нашем исследовании мы придерживаемся такой же классификации и обращаем внимание на языковые маркеры выражения категории субъективной модальности на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях реализации данной категории.

Анализ политических речей Ф. Олланда и Э. Макрона свидетельствует о наличии следующих языковых маркеров, выражающих категорию субъективной модальности.

На лексическом и морфологическом уровнях: личные местоимения; модальные слова и словосочетания; модальные глаголы; модальные местоимения; сослагательное наклонение (Subjonctif) глаголов-сказуемых; превосходная степень сравнения прилагательных и наречий в сочетании с детерминативом. На синтаксическом уровне: модальные фразы + вербальные выражения (*je considère que, il me semble que, il est certain que...*); вставные предложения; нарушенный словопорядок (инверсия); парцеллированные конструкции; риторические вопросы; предложения с обособленными членами предложения; синтаксические конструкции с усилением отрицания; синтаксические повторы (анафора, эпифора); ограничительные обороты *c'est... qui, c'est...que*; восклицательные и вопросительные предложения.

Рассмотрим на конкретном материале языковые средства реализации категории субъективной модальности.

(1) *Mais nous devons également faire preuve d'unité et de sang froid* [1].

(2) *Face à la terreur la France doit être forte, elle doit être grande et les autorités de l'Etat fermes, nous le serons* [11].

(3) *Nous serons déterminés et résolus aux côtés de l'ensemble de nos partenaires européens pour lutter contre le terrorisme partout sur notre continent* [13].

Употребляя в своих речах местоимение первого лица множественного числа «nous – мы», политики акцентируют внимание на их единстве со всей Францией и её народом, подчеркивая общность проблемы борьбы с терроризмом. Следует заметить, что местоимения «мы», «наш» употребляются в публичных речах политиков с целью указания сплоченности французского общества перед лицом данной угрозы, в то время как местоимения «я», «мой» используются политическими деятелями в основном для того, чтобы подчеркнуть значимость и скорость решений, принятых ими вследствие террористических атак:

(4) *Nous avons, sur ma décision, mobilisé toutes les forces possibles pour qu'il puisse y avoir une neutralisation des terroristes ...* [1].

(5) *La seconde décision que j'ai prise c'est la fermeture des frontières* [1].

Модальные глаголы (*falloir, devoir, savoir, vouloir, pouvoir*) представляют действие как обязательное, необходимое, определенное и рассматриваются как средства выражения отношения говорящего к действию. Например:

(6) *Nous devons nous assurer que personne ne pourra rentrer pour commettre quelque acte que ce soit* [1].

(7) *Je vous demande de garder ici toute votre confiance dans ce que nous pouvons faire avec les forces de sécurité pour préserver notre nation des actes terroristes* [1].

Данные высказывания демонстрируют убежденность говорящих в обязательности мер, которые предпринимаются, их необходимости для общества (*nous devons – мы должны*), а также в возможности и потенциале тех, кто их осуществляет (*nous pouvons – мы можем*).

Модально-временные наречия, выражающие отношение говорящего к предмету речи, представлены следующими лексическими единицами: *alors, donc, enfin, puisque*, а также их сочетаниями с другими языковыми маркерами: *et puis, mais enfin, mais enfin quoi, allons donc, et puis enfin*.

(8) *Enfin, je veux ici rappeler, que la mobilisation du gouvernement est entière dans la lutte contre le terrorisme* [3].

(9) *Et puis enfin il faudra répartir, ces demandeurs d'asile, ces réfugiés* [2].

В данном случае, политики, употребляя модальные наречия «наконец», «в конце концов», как бы подводят итог вышесказанному, логически выделяя этот важный и необходимый результат.

(10) *Demain nous tiendrons un nouveau Conseil de Défense ... sur la plus grande coordination de nos services de renseignement et de renforcement des moyens qui sont d'ores et déjà déployés* [3].

Превосходная степень сравнения прилагательного («наибольшая», «самая значимая») обращает внимание на особую значимость и важность общеевропейского сотрудничества.

На синтаксическом уровне субъективная модальность представлена, например, вербальными конструкциями, демонстрирующими возможность допущения, предположения. Используются вставные предложения, указывающие на тот факт, что определенное поведение со стороны определенных стран осуждается, но, тем не менее, принимается:

(11) *Je considère qu'aujourd'hui ce qui était engagé ne suffit plus et qu'il y a des pays, je ne vais pas ici les citer parce que nous devons travailler avec tous, mais qui ne répondent pas à leurs obligations morales ...* [2].

Политические деятели употребляют синтаксические повторы в своих публичных выступлениях для усиления эффекта высказывания и акцентирования внимания слушателей на важности принятых мер и их последствиях:

(12) *... parmi ces mesures il y a des centres d'enregistrement... pour que nous puissions aussi protéger nos frontières, c'est légitime. Pour que nous puissions également agir vers les pays d'origine.*

Pour que nous puissions endiguer les mouvements de population et traiter la cause même de ce qui l'a fait partir. Et puis pour que nous puissions agir sur les pays de transite, là où il y a effectivement des risques pour leurs vies [2].

С этой же целью употребляются ограничительные обороты *c'est... qui, c'est...que* (в данном случае подчеркивается особая жестокость и варварские действия террористов, направленные на уничтожение того, от чего зависит будущее страны – молодежи). Этот синтаксический оборот провоцирует эмоциональное возмущение адресата.

(13) *C'est la jeunesse européenne, britannique, qui a été attaquée en son coeur* [3].

Широко используются парцелированные конструкции, которые представляют собой разделение единого синтаксического предложения на самостоятельные единицы – фразы. При этом говорящий обращает свою мысль на новый предмет в новой фразе. В высказывании (14) говорящий указывает на цель террористов (напугать, вызвать страх) и в следующей фразе (парцелляте) соглашается с тем, что террористические атаки заставляют людей бояться и быть осторожными:

(14) *Ce que les terroristes veulent c'est nous faire peur, nous saisir des froids. Il y a effectivement de quoi avoir peur, il y a les froids* [1].

Восклицательные предложения – один из наиболее ярких примеров реализации эмотивной функции, они используются для убеждения слушающих в том, что террористам не победить Францию с её демократическими ценностями и она будет сохранена:

(15) *Vive la République et vive la France!* [1].

Таким образом, категория субъективной модальности в публичных речах президентов V Республики выражена разноуровневыми языковыми средствами: личными местоимениями, модально-временными наречиями, модальными глаголами, временными формами глаголов-сказуемых, степенью сравнения прилагательных и наречий, безличными оборотами, парцелированными конструкциями, ограничительными оборотами, восклицательными предложениями.

Использование широкого спектра лексико-грамматических средств выражения субъективной модальности позволяет реализовать основные функции политического дискурса. Так, реализуется информационная функция: политические деятели информируют общество о ситуации, предпринятых мерах и дальнейших действиях, указывая, в частности, на то, что правительство действует вместе с народом. Реализуется также функция нормирования (власть использует свое право

на применение силы и определенных методов отслеживания террористов и пресечения их деятельности). Реализацию эмотивной функции (убеждения и политической пропаганды), мы считаем одной из основных, поскольку политики в своих выступлениях стремятся повлиять на эмоциональное состояние масс, убедить их в правильности своих действий и склонить избирателей на свою сторону.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божеску М. Г. Сучасні дослідження політичного дискурсу [Электронный ресурс] / М. Г. Божеску // Актуальні проблеми когнітивної лінгвістики. Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – № 14 (273). – К. : КНЛУ, 2013. – Ч. I. – С. 6-11. – Режим доступа : dspace.ltsu.org.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин; отв. ред. Г. В. Степанова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
3. Гузак А. Модальні дієслова як засоби вираження суб'єктивної модальності в англomовному політичному дискурсі [Электронный ресурс] / А. Гузак. – 13 с. – Режим доступа : http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/Nvchnugf_2013_668_15.pdf
4. Комисарова Т. С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе (на материале речей Г. Шредера) [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Комисарова. – Воронеж, 2008. – 22 с. – Режим доступа : http://ogik.orel.ru/files/komisarova_ts.pdf.
5. Матько И. Д. Коммуникативные функции дискурсивных модальных частиц во французском языке : монография [Электронный ресурс] / И. Д. Матько. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 191 с. – Режим доступа : www.elib.grsu.by.
6. Никишина Т. И. Функции политического дискурса как основные пути манипуляции политическим сознанием [Электронный ресурс] / Т. И. Никишина // Межкультурная коммуникация в современном обществе : Материалы II Междунар. науч. конф. – Саранск, 2011. – С. 3-5. – Режим доступа : <http://yazik.info/2011-06.php>.
7. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса / Г. Я. Солганик. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 136 с.
8. Тагильцева Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе [Электронный ресурс] :

- автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Р. Тагильцева. – Екатеринбург, 2006. – 22 с. – Режим доступа : politlinguist.ru.
9. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) [Электронный ресурс] : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский гуманитар. ин-т, 2003. – 194 с. – Режим доступа : <http://romanbook.ru/book/10426177/?page=1>.
10. Aurélie Lamy La médialisation du discours politique : un facteur de mobilisation internationale. L'exemple des attentats du 11 septembre 2001 [Электронный ресурс] / Centre de recherches sur l'action politique en Europe (CRAPE). – Université Rennes 1. – P. 43-58. – Режим доступа : https://www.fssp.uaic.ro/argumentum/numarul%205/03_Lamy.pdf.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Allocution de François Hollande Attentats terroristes à Paris : Etat d'urgence décrété [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=-ZW6hpeKuD4>.
2. Réfugiés et migrants : Hollande et Merkel proposent un «mécanisme permanent et obligatoire» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=D23VJnCWcZ8>.
3. Attentats à Manchester : «C'est toute l'Europe qui a été attaquée» déclare Emmanuel Macron [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=fJX_OzLQQHg.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В.В., Гончарова Е.В. Лексико-грамматические средства выражения категории субъективной модальности в политическом дискурсе (на материале публичных речей Франсуа Олланда и Эммануэля Макрона)

В статье рассматриваются разноуровневые языковые маркеры выражения категории субъективной модальности, помогающие политическим деятелям менять существующую политическую картину мира, осуществлять влияние на общественное мнение, манипулировать сознанием отдельно взятого гражданина. Рассматривается классификация функций политического дискурса и анализируются лексико-грамматические элементы французского языка, способствующие реализации этих функций на примере публичных политических речей президентов Франции.

Ключевые слова: лексические и грамматические средства языка, публичная политическая речь, функции политического дискурса, субъективная модальность.

SUMMARY

Fefelova V.V., Goncharova E.V. Lexical and grammatical means expressing the category of subjective modality in the political discourse (on the basis of public speeches by François Olland and Emmanuel Macron)

The article deals with different-level language markers expressing the category of subjective modality, which help politicians to change the existing political picture of the world, influence public opinion, manipulate the consciousness of a single person. The authors considered and analyzed the classification of the functions of political discourse and the lexical-grammatical elements of the French language that facilitate the realization of these functions by the example of public political speeches of the presidents of France.

Key words: lexical and grammatical means of language, public political speech, functions of political discourse, subjective modality.

*В.В. Фефелова,
М.А. Косинова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'36/81'42:811.133.1

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в лингвистике недостаточно полно изучено понятие «гастрономический дискурс». Впервые данный термин рассматривался А. В. Оляничем в 2003 году в статье «Презентационная теория дискурса», в которой автор дает следующее определение: гастрономический дискурс – «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [13, с. 426]. Проанализировав мнения отечественных и зарубежных лингвистов, мы пришли к выводу, что понятие «гастрономический дискурс» можно определить как особый личностно- и статусно-ориентированный вид общения, объединяющий этнокультуру, лигвокультуру, потребность человека в еде, пищевые ресурсы, процессы их обработки и употребления, подразумевающий особую терминологию.

Цель статьи – проанализировать кулинарный дискурс с точки зрения эколлингвистического, этнолингвистического,

лингвокультурологического подходов, отражающих связь человека, языка и кулинарии. Гастрономический дискурс отображает культуру, традиции, пищевые ценности и веками сложившийся национальный менталитет. Именно поэтому следует рассматривать гастрономический дискурс при помощи таких наук, как лингвокультурология, эколингвистика и этнолингвистика. Язык – это часть культуры, следовательно, для его изучения важна межкультурная коммуникативная компетенция. Л. А. Городецкая считает, что «межкультурная компетентность представляет собой часть лингвокультурной компетентности, которая определяет эффективность общения с представителями иных культур» [6, с. 9].

Эколингвистика – одно из современных научных направлений в области языкознания, базирующихся на изучении языковой сферы обитания человека и общества, выявляет законы, принципы и правила, общие как для экологии, так и для лингвистики и исследует роль языка при возможном решении проблем окружающей среды [8, с. 34]. Данная наука охватывает очень широкий спектр направлений, поэтому её целью является исследование взаимоотношений языка и социума, использующего данный язык как средство коммуникации. В таком контексте язык очень зависим от человека, его окружающей среды, культуры и традиций, но в то же время он является неотделимой частью взаимоотношений человека с обществом и природой. Особое внимание привлекает один из аспектов эколингвистики – транслингвальный. Данный подход рассматривает единицы и реалии одного языка в контексте культуры и языка другого народа. К примеру, национальным блюдом Франции является круасан, но так как у этой страны на протяжении многих столетий было много колоний, аналогичные блюда появились и в других странах мира. В Марокко это кааб-эль-гзаль. Десерт является изюминкой марокканской кухни, однако начинен он не фруктовым джемом или шоколадом, как это принято во Франции, а миндальной пастой, что характерно для стран северной части Африки.

Этнолингвистика появилась в 40-х годах XX века. Отечественные учёные отмечают, что данная наука направлена на изучение «связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации в целом» [7, с. 228].

Целью этнолингвистики является «рассмотрение проблемы взаимодействия языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета» [4]. В основном, наука опирается на исторический базис и предшествует лингвокультурологии. Благодаря этнолингвистике мы можем выявить характерные черты одного народа и его отличие от других народов. Самая известная

в России школа этнолингвистики возглавляется Н. И. Толстым. По его мнению, целью науки является изучение фольклорной картины мира в рамках народа, а также народных стереотипов [17]. А. Хетцер рассматривает этнолингвистику как науку, изучающую связь языка с картиной мира [19, с. 229]. «Языковая картина мира – воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности» [1, с. 5]. Н. Ф. Алефиренко выделяет следующие системообразующие характеристики, которые мы применяем для анализа кулинарной картины мира:

- Целостность;
- Космологичность (глобальность образа мира);
- Внутренняя безусловность и достоверность;
- Стабильность и динамичность;
- Наглядность и конкретность [1, с. 9].

Однако изучать язык при помощи картины мира не так просто. В. Г. Гак делает акцент на том, что существуют два вида специфики: национальная и культурная. При этом национальная имеет субъективный и объективный факторы.

Субъективный фактор позволяет выбрать различные знакообозначения одной и той же реалии, которая будет отличаться в ментальности разных этноязыковых сообществ, а объективный включает в себя ценностно-смысловую значимость естественных и культурных реалий одного народа. Культурная специфика «предполагает соответствие слова определенному элементу менталитета или какому-либо объекту предметно-культурного пространства народа, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни» [3, с. 248]. Несмотря на такой подход к изучению слова, такие ученые, как Н. А. Бердяев [2] и В. Н. Телия [16], совмещают обе специфики и отдают предпочтение изучению национально-культурной специфике слова.

Кроме этнолингвистики, лингвокультурология тесно связана с этнопсихоллингвистикой, целью которой является установка процесса проявления в речи определенных традиций, анализ различий в вербальном и невербальном поведении носителей различных языков, исследование речевого этикета и «цветовой картины мира», лакуны в тексте в ходе межкультурного общения, изучает двуязычие и многоязычие как особенность речевого поведения различных народов и т.д. [12, с. 12].

Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [12, с. 10]. По мнению А. Т. Хроленко, цель данной науки – обобщение

всей информации, накопленной этнолингвистикой и входящими в неё дисциплинами; выявление механизмов взаимодействия языка и культуры [18]. А вот Е. О. Опарина изучает способы, которыми язык воплощается в своих единицах и транслирует культуру [13, с. 8].

Основной задачей лингвокультурологии является рассмотрение ментальности человека и культуры через призму языка, а также изучение культурно-языковой и национальной специфики. Лингвокультурология связана с такими науками, как антропологическая лингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, этносемантика, этнопсихоллингвистика, этнометодология и пр. Данная наука имеет тесную связь с этнолингвистикой, поэтому В. Н. Телия предпочитает называть лингвокультурологию разделом этнолингвистики [15, с. 118-137]. Более того, лингвокультурология – это самое молодое направление этнолингвистики. Однако ученые ещё не пришли к общему выводу, насколько тесно связаны лингвокультурология, этнолингвистика и социоллингвистика, какая из наук находится на вершине иерархии либо насколько их можно приравнивать друг к другу.

Впервые лингвокультурология возникла в 90-х гг. XX века. Среди отечественных ученых, работавших с этой дисциплиной, следует отметить Ю. С. Степанова, В. В. Воробьева, В. А. Маслову, А. Д. Арутюнову, М. В. Загидуллину и других.

Лингвокультурология тесно связана с лингвокогнитологией, т.к. обе науки являются направлениями лингвоконцептологии, где концепт «еда» может трактоваться как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [11, с. 90-92]. В концептах отражается культура, обычаи, стереотипы, легенды, реалии разных народов, культурное самосознание каждого человека. Одним из наиважнейших концептов для человека является концепт «еда». Мир кулинарии очень отличается в каждой стране, это обусловлено географическими данными, климатом, флорой, фауной, техникой обработки и приготовления пищи, традициями употребления еды. Эту тему изучали Н. П. Головницкая [5, с. 14-18] и Е. В. Пожидаева [14].

Одной из доминирующих тем отечественной лингвокультурологии является лингвокультура питания и питья. Эта тема важна, потому что она позволяет выявить

и понять особенности национального менталитета, постичь этнокультуру как целое. Н. А. Козько определяет лингвокультуру питания так: «национально специфическая система языковых знаков, репрезентирующих концептосферу еды в исторически меняющемся дискурсе» [10, с. 167].

Согласно исследованиям Н. А. Козько, можно проследить следующие контрастные соотношения в семиотике лингвокультуры питания и питья [10, с. 168]:

Одним из предметов изучения лингвокультурологии является понятие «языковая личность». Наиболее полное определение данному термину дает В. И. Карасик: «языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [9, с. 84]. В качестве языковой личности в кулинарном дискурсе выступают его участники, например, повара, официанты, домохозяйки, кулинарные блоггеры и другие. Более подробное изучение языковой личности дает представление о языковой картине мира изучаемого предмета; выявляет стереотипы, подтверждает их или опровергает.

Благодаря лингвокультурологическому подходу осуществляется выявление главных национальных гастрономических стереотипов, будь то восприятие пищи, вкусы или калорийность. Рассмотрение кулинарного дискурса в культурно-историческом разрезе помогает создать представление о кулинарных традициях и менталитете той или иной нации. К примеру, можно исследовать этимологию названия блюда и историю его создания либо проследить его заимствование и адаптацию согласно местному климату и обычаям. На данный момент меню ресторанов и кулинарные гиды являются показателем современных тенденций в кулинарном дискурсе.

Отдельным пластом выступают рецепты, которыми делятся хозяйки, блогеры, успешные повара на просторах интернет-сети. Данные рецепты относятся к домашней, бытовой сфере.

Проанализируем, каким образом вышеописанные характеристики гастрономического дискурса проявляются в тексте франкоязычного кулинарного рецепта.

SALADE DE POMMES DE TERRE, SAUMON CUIT DOUCEMENT ET ASPERGES VERTES SAUCE FROMAGE AU BLANC (1)

Préparation: 20 min. Cuisson: 30 min. Pour 4 personnes:

- 2 filets de saumon Label Rouge
- 12 asperges vertes

- 4 pommes de terre
- 1 oignon tige
- 200 g. de haricots verts
- Aneth
- 150 g. de fromage blanc battu
- 1 cuillère à soupe de moutarde
- Huile d'olive
- Sel, poivre.

Préchauffez le four th. 3 (90°).

Déposez les filets de saumon dans un plat à four. Salez, poivrez, arrosez d'un filet d'huile d'olive, éparpillez quelques brins d'aneth et enfournez pour 35 min.

Épluchez les pommes de terre, coupez-les en cubes.

Équeutez et lavez les haricots verts.

Faites-les cuire 15 min à la vapeur.

Éliminez l'extrémité blanche des asperges et faites-les cuire 10 min à l'eau bouillante salée.

Pelez et coupez l'oignon en fines rondelles.

Mélangez le fromage blanc avec la moutarde, salez, poivrez et ajoutez 1 cuillère à soupe d'aneth ciselé.

Répartissez les légumes et le saumon effeuillé dans les assiettes, ajoutez 1 cuillère de sauce au fromage blanc et ciselé un peu d'aneth. Servez le reste de la sauce à part.

С точки зрения эколоингвистики в данном рецепте использованы натуральные продукты высокого качества, с большим содержанием витаминов и микроэлементов. Достоинство рецепта в том, что синтетические продукты в нем не используются.

Этнолингвистические характеристики прослеживаются в том, что все ингредиенты типичны для французской кухни. Спаржа, лук, фасоль – одни из любимых продуктов во Франции. Географическая близость к морю и наличие рек объясняют

популярность лосося во французской кулинарии. А оливковое масло – это гордость французов, проживающих на побережье Средиземного моря.

Климат Франции располагает к легкой и натуральной пище, поэтому французы едят большое количество овощей и минимизируют время обработки пищи. Например, лосось Label Rouge идеально подходит для блюд с небольшой термической обработкой. С точки зрения эколоингвистики это блюдо в полной мере соответствует климатическим условиям проживания французов, является отображением культуры и традиций этого народа, гармонично отражает взаимоотношения человека и природы.

Культура питания французов веками опирается на климатические особенности, вот почему блюда имеют исторические названия. Чаще всего блюдам даются названия исходя из ингредиентов, например, «Camembert rôti au four aux pommes, miel et mélange de raisins et noix», «Filet mignon de porc farci au camembert», «Salade de pommes de terre, saumon cuit doucement et asperges vertes sauce fromage au blanc».

Таким образом, франкоязычный гастрономический дискурс изучается с позиций эколоингвистики, когда выявляется связь языковой сферы французского народа и окружающей среды. Этнолингвистический подход помогает анализировать кулинарные рецепты французских блюд с позиций взаимодействия языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета. Лингвокультурологический подход в изучении франкоязычного гастрономического дискурса способствует определению культурных и пищевых ценностей, веками сложившиеся традиций национальной французской кухни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – №14. – Вып. 4. – С. 5-9.
2. Бердяев Н. А. Русская Идея / Н. А. Бердяев; сост. вступ. статьи и прим. М. А. Блюмениранца. – М. : АСТ, 2004. – 615 с.
3. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры; под ред. В. Н. Телия. – М. : Просвещение, 1999. – С. 234-248.
4. Герасименко И. Е. Лингвокультурология как комплексная научная парадигма [Электронный ресурс] / И. Е. Герасименко // Ученые записки : Электронный научный

- журнал Курского государственного университета. – 2012. – №3 (23). – Т. 2. – Режим доступа : <http://www.scientific-notes.ru/pdf/026–004.pdf>.
5. Головницкая Н. П. Лингвокультурные концепты «пища» и «das Essen» в сопоставительном освещении (семантика русских и немецких глуттонических номинаций) / Н. П. Головницкая // Известия ВГПУ. – Волгоград : Перемена, 2007. – №2 (20). – С. 14-18.
  6. Городецкая Л. А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема : автореф. дис. ... д-ра культурол. наук / Л. А. Городецкая. – М., 2007. – 48 с.
  7. Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2 / В. А. Звегинцев. – Москва : Просвещение, 1965. – 496 с.
  8. Иванова Е. В. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем [Электронный ресурс] / Е. В. Иванова. – Режим доступа : https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=0ahUK EwjoiaPupaLYAhUqS5oKHZXDA2gQFgg-MAM&url=http%3A%2F%2Fcyberleninka.ru%2Farticle%2Fn%2Fekolingv istika-i-rol-metafory-pri-opisanii-ekologicheskikh-problem.pdf&usq=AOvVaw2uE_Bvbm5ndht6JzikRdyv
  9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Парадигма, 2004. – 477 с.
  10. Козько Н. А. Современный британский ресторанный дискурс: лингвокультура питания и питья / Н. А. Козько, Е. В. Пожидаева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – Серия Филология. – 2012. – №4. – Т. 1. – С. 166-175.
  11. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
  12. Маслова В. А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
  13. Олянич А. В. Потребности – дискурс – коммуникация. Монография / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
  14. Опарина Е. О. Язык и культура : Сб. обзоров / РАН. ИНИОН; [Ред. кол.: Опарина Е. О. (отв. ред.) и др.]. – М. : ИНИОН РАН, 1999. – 109 с.
  15. Пожидаева Е. В. Гастрономическая и вакхическая концептосферы как зеркало национального менталитета (лингвоконцептуальный подход) [Электронный ресурс] /

- Е. В. Пожидаева, Н. А. Козько // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 1. – 2017. – С. 348-356. – Режим доступа : <http://oaji.net/articles/2017/5364–1506491946.pdf>.
16. Телия В. Н. О методологических основаниях в лингвокультурологии / В. Н. Телия // Логика, методология, философия науки : Материалы Междунар. науч. конф. – М. : Просвещение, 1995. – С. 118-137.
17. Телия В. Н. Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
18. Толстой Н. И. Язык и народная культура : Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 509 с.
19. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – 4-е издание. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 184 с.
20. Karstedt (von) Lars Sprache und Kultur. Eine Geschichte der deutschsprachigen Ethnolinguistik : Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Doktors der Philosophie / Lars von Karstedt. – Hamburg, 2004. – 294 s.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Salade de pommes de terre, saumon cuit doucement et asperges vertes sauce fromage au blanc [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fr.mytaste.be/click/index/11844570/epicetoutlacuisinededany.fr>.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В.В., Косинова М.А. Отличительные характеристики франкоязычного гастрономического дискурса

В статье анализируется понятие «гастрономический дискурс» с позиций эколингвистики. На материале текстов традиционных французских блюд рассматривается связь французского языка с климатическими условиями проживания французского этноса. Методика этнолингвистического подхода способствует изучению франкоязычного кулинарного дискурса с точки зрения языка и истории, языка и народного менталитета. Лингвокультурологический подход помогает определить культурные и пищевые ценности, веками сложившиеся национальные традиции.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, эколингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, кулинарный дискурс.

SUMMARY

Fefelova V.V., Kosinova M.A. Distinctive characteristics of the French gastronomic discourse

The article analyzes the concept of «gastronomic discourse» from the point of view of ecolinguistics. On the material of the texts of traditional French dishes, the connection of the French language with the climatic conditions of the residence of the French ethnos is considered. The methodology of the ethnolinguistic approach contributes to the study of French culinary discourse in terms of the language and history, the language and people's mentality. The linguocultural approach helps to define cultural and nutritional values, the centuries-old national traditions.

Key words: gastronomic discourse, ecolinguistics, ethnolinguistics, linguoculturology, culinary discourse.

*Л.А. Штакина,
М.Л. Унгуриан
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42(811.111)

**МАРКЕРЫ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКЦИОННОГО ДИСКУРСА**

Современная лингвистика ориентирована на поиск механизмов актуализации когнитивной способности индивидуума, его речевой стратегии и тактики моделирования коммуникативной ситуации, отражающей фрагмент социального контекста.

Способность индивидуума осознавать свою позицию во взаимосвязи объектов проявляется в речевом континууме благодаря языковому ресурсу. Следовательно, использование дискурсивно-когнитивного подхода дает возможность описания коммуникативно-деятельностной ситуации, когнитивных структур, отражающих особенности порождения дискурса [8, с. 103]. В нашем понимании, когнитивно-коммуникативная ориентация индивидуума адекватно маркируется в различных жанрах дискурса.

Дискурсивная деятельность как способ межличностного вербального взаимодействия предполагает взаимную ответственность коммуникантов за поддержание коммуникативного баланса. Деятельность адресанта, в частности, имеет более отчетливую прагматическую перспективу, чем деятельность адресата: дискурсивная цель говорящего состоит в эффективном речевом воздействии на слушателя, в достижении

перлокутивного эффекта, в создании успешной коммуникации. Дискурсивные стратегии адресата, в свою очередь, направлены на декодирование поверхностной структуры речевого континуума, его компрессию с целью преобразования в ментальное представление, а в конечном счёте, на поиск адекватной интерпретации: как автор дискурса осуществляет в соответствии с поставленной дискурсивной целью отбор неязыковых и языковых средств, релевантных для данной ситуации, так и адресат оценивает собственные возможные выводы применительно к условиям коммуникации [6, с. 10].

Дискурс как макро-коммуникативная единица характеризуется универсальными и специфическими чертами. Так, главными универсальными характеристиками дискурса являются его *целостность* и *связность*. Целостность дискурса проявляется в непрерывной смысловой связанности его компонентов и складывается из некоторых содержательно-структурных элементов, опознаваемых в результате восприятия дискурсивного события как комплекса. Важно отметить следующее: структура дискурса (когерентная структура) имеет основанием личностность участника коммуникации. Отправитель речи, опираясь на собственные макро- и микропресуппозиции, всегда порождает когерентный дискурс [2].

Связность как категория дискурса проявляется в первую очередь в линейной последовательности знаков, начиная от объединяемых во внутренней речи компонентов пропозиции и кончая наборами речевых ходов, отражающих динамику смыслового развёртывания пространственно-временного континуума.

С точки зрения Т. В. Милевской, план выражения категории связности представлен просодическими, лексико-семантическими, морфологическими и синтаксическими средствами. Следует отметить, что специфика лексико-семантической связности, наряду с другими составляющими плана выражения этой категории, заключается в том, что глобальная связность дискурса опирается на соотносённость элементов лексической системы, совокупность сочетаний лексем, наиболее значимых для передачи содержания. Эта совокупность является своеобразной понятийной сетью, в которой существуют отношения различного порядка между элементами семантической структуры [6, с. 6].

Немаловажную роль в познании сущностных характеристик категории связности сыграла адаптация в рамках дискурсивного подхода базового для наук об интеллекте постулата о квантовом характере мышления, что приводит к представлению и о

дискретно-волновой природе дискурса. Но преобразование дискретного представления в представление связное-жесткое – норма порождения дискурса, необходимое условие успешности коммуникации. Таким образом, дискретность предопределяет в качестве доминантной стратегии говорящего установление связности порождаемого дискурса [6, с. 13].

В современной лингвистике различают глобальную и локальную связность. Локальная связность, в частности, представляет собой «связность линейных последовательностей (высказываний, сверхфразовых единств)» [3, с. 42, 43].

Как внешнее свойство дискурса связность проявляется при взаимодействии разноуровневых единиц вербального контекста. При этом семантические компоненты вербализации интенции производят известную сортировку личностных смыслов, их перекодирование и диктуют распределение ролей между членами формирующейся пропозиции. Следовательно, пропозиция находит свое отражение в конкретных единицах номинации [5, с. 98]. Связность как основной признак дискурса, который находит отражение в «межзнаковом взаимодействии, основанном на связи элементов, определяющих целостность речевого сообщения, обусловлена авторским замыслом и особенностями языковой системы» [1, с. 147].

Следует также обратить внимание на то, что номинативный процесс межличностной коммуникации отражает контекстуальные характеристики большого и малого синтаксиса. Малый синтаксис, к примеру, связан с характеристикой непредикативных типов отношений; в его компетенцию входят атрибутивные отношения между именем и его определителем [5, с. 108]. К числу специфических номинаторов речевого континуума относят специализированные невариативные и неспециализированные вариативные лексико-семантические маркеры когнитивной способности индивидуума, его ориентации в пространственно-временном континууме [10].

Наши наблюдения показывают, что к числу частотных моделей, маркирующих когнитивно-коммуникативный потенциал дискурса, относится дейксис, сигнализирующий особенности пропозиционального содержания. Наряду с этим целесообразно сосредоточить внимание на релевантных в этом отношении конструкциях субстантива с предлогом (*of-phrases*), представляющие собой номинативные блоки речевого континуума, которым свойственны ранговые соотношения компонентов и определённый семантический потенциал. В нашем понимании, дейксис, с одной стороны, с другой –

конструкции субстантива с предлогом как номинаторы ситуативного контекста – маркируют развитие топика дискурса.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий установлена связь референции с дейксисом, которая обусловлена тем, что последний соотносит объекты и ситуации и маркирует способность индивидуума осознавать свою позицию во взаимосвязи объектов. Иными словами, дейксис отражает когнитивную способность коммуниканта и отражает компоненты коммуникативной ситуации как фрагмента окружающей действительности. На наш взгляд, специфической функцией дейксиса является идентификация элемента референтной ситуации. К числу дейктических маркеров когнитивно-коммуникативной ориентации индивидуума относится личностный, локационный, темпоральный, социально-реляционный и дискурсивный дейксис.

Объектом нашего исследования является лекционный дискурс в жанре «публичная лекция» тематического поля «искусство». Публичная лекция – это устная речь, обращенная к многочисленной аудитории, направленная на убеждение, формирование или упрочение в сознании слушателей определенных установок [4, с. 63].

Универсальность дейксиса заключается в том, что речевой процесс невозможно представить без дейктических единиц: высказывание не может быть реализовано вне указания на пространство и время. Антропоцентрическая парадигма современного языкознания позволяет считать дейксис своеобразным естественным проявлением языкового эгоцентризма, так как любое высказывание – речевое «порождение» говорящего, продукт его коммуникативно-когнитивной практики [7, с. 73].

Результаты наших статистических подсчетов дают основания полагать, что наиболее частотным невариативным маркером ориентации говорящего является дискурсивный дейксис (39%).

Например: *We mark time in our minds by distinguishing the beginning and ending of musical events which act as signposts within the structure and our inner sense of tempo adapts to the specific flow within a piece of music* [9].

Особенности вербализации замысла лектора также проявляются в моделях социально-реляционного дейксиса (32%), что отражает роль фактора эксплицитного адресата в этих контекстуальных условиях.

Например: *Charles Ives was, in turn, greatly influenced by his father, George, a Civil War bandmaster* [9].

Количественные характеристики личностного дейксиса (20%) отражают его определенную роль в ситуативном контексте как маркера фактора адресанта. При этом следует отметить, что статистическая предпочтительность сохраняется за дискурсивным и социально-реляционным дейксисом.

Например: *However, I hope that if you are familiar with these pieces, the taster I offer may tempt you to investigate these composers further* [9].

Что касается вариативных маркеров ориентации – конструкций субстантива с предлогом (далее СКП), наши наблюдения позволяют классифицировать эти номинативные блоки как идентифицирующие и аддитивные. В идентифицирующих моделях адьюнкт (А) занимает инициальную позицию, т.е. находится в препозиции к ядерному (Я) элементу ситуации – *the mind of the composer* (А-Я). В аддитивных моделях ядро ситуации занимает инициальную позицию, а адьюнкт находится в постпозиции к ядру – *the ideas of musical space* (Я-А). Словоформа *'ideas'* эксплицирует стержневой элемент номинативной модели. Следует отметить, что идентифицирующие модели имеют больший функционально-семантический спектр номинации пространственно-временного континуума. Вербальные номинативные блоки СКП отражают качественные (Qu), экзистенциальные (Ex), пространственные (Cn), ментальные (Mn), экспрессивные (Fg) и социальные (Sc) характеристики вербализации коммуникативного замысла.

Анализ особенностей тематического поля «искусство» в контексте публичной лекции показывает, что идентифицирующие СКП имеют статистическую предпочтительность.

Например: *In mentioning the internal physical Dimensions of musical Structure^(Cn), we are of course referring to an illusion of reality, an imaginary World of Reconstruction^(Ex) which approaches a Level of Tangibility^(Qu) only in the external Realisation of Performance^(Mn), but even at this final Stage of the creative Process^(Cn), those seemingly palpable elements remain on the whole illusionary and take on the Form of an aural Mirage^(Qu). If a composer decides to manipulate musical space in performance by separating instrumental groups then of course the different points from which sounds originate will create a genuine Experience of Perspective^(Ex), but for now, I would like to consider the illusionary Aspects of musical Space^(Cn) as originated from a single unit, where although the number of elements may vary, the collective Aim of their Presence^(Qu) is to create a cohesive, unified aural experience* [9].

Этот отрывок лекционного дискурса является убедительным примером специфики номинации топикально-комментивной

реляции вербального контекста, отражающего топикальное единство и семантико-синтаксическую когезию фрагмента.

Следует также отметить, что по результатам наших статистических подсчетов наиболее частотными номинативными блоками СКП являются модели, отражающие качественные (Qu-28 %), экзистенциальные (Ex-24 %), пространственные (Cn-24 %) и ментальные (Mn-17 %) характеристики пространственно-временного континуума проанализированных аутентичных образцов англоязычной публичной лекции как специфического фрейма межличностной коммуникации. Чередование этих моделей (Cn-Ex-Qu-Mn-Cn-Qu-Ex-Cn-Qu) образует ритмический пласт номинативного процесса, отражающего сбалансированность смыслового развертывания вербального контекста.

Наши наблюдения показывают, что выделенные модели дейксиса и номинативные блоки, с одной стороны, отражают специфику процесса номинации лекционного дискурса, с другой – семантико-синтаксическую ритмизацию авторского замысла как маркеры локальной и глобальной связности. Перспективой дальнейшего исследования в этом направлении является изучение роли гендерного фактора в аспекте когнитивно-коммуникативной деятельности говорящего в ситуативном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
2. Бухарова Г. Х. Текст как единица дискурса // Лингвистический семинар – 2008: Материалы Международной интернет-конференции 14-16 октября 2008 г. Отв. ред. В. А. Шаймиев. – Уфа, УГНТУ, 2008. – С. 26-31.
3. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2004. – 280 с.
4. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста: учеб. пособие / Н. Н. Ивакина. – М. : Бек, 1997. – 348 с.
5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М. : Наука, 1986. – 156 с.
6. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) : автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : 10.02.19 и 10.02.01 / Милевская Татьяна Валентиновна. – Ростов н/Д., 2003. – 43 с.
7. Олешников М. Ю. Дейксис в институциональном дискурсе // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания / М. Ю. Олешников. – Уфа. : Изд-во БГПУ, 2008. – 112 с.

8. Потапенко С. І. Дискурсно-когнітивне вивчення словосполучень з прийменником *of* в англійській мові // Вісник Житомирського педагогічного університету. – 1999. – №3. – С. 99-103.
9. Jonathan Cole Music and Architecture: Confronting the Boundaries between Space and Sound [Электронный ресурс] / Cole Jonathan. – 2007. – Режим доступа : <https://www.gresham.ac.uk/lectures-and-events/music-and-architecture-confronting-the-boundaries-between-space-and-sound> – 28.03.2017.
10. Potapenko S. I. Orientational function of “*of-phrases*” in English // International Conference and Summer School / Cognitive / Communicative Aspects of English, Cherkasy, 1999. pp. 23-24.

АННОТАЦИЯ

Штакина Л.А., Унгурян М.Л. Маркеры когнитивно-коммуникативного потенциала лекционного дискурса

В статье рассматриваются лексико-семантические номинаторы когнитивно-коммуникативной ориентации в лекционном дискурсе. Исследование особенностей вербализации топика дискурса проводится с учётом невариативных моделей дейксиса и вариативных конструкций субстантива с предлогом. Установлена специфика актуализации коммуникативной ориентации в контексте публичной лекции. Выявлены модели дейксиса и субстантивных номинативных блоков, маркирующие топикальные циклы и семантико-синтаксическую когезию вербального контекста.

Ключевые слова: дискурс, дейксис, топик, конструкции субстантива с предлогом, когезия, когерентность.

SUMMARY

Shtakina L.A., Unguryan M.L. Markers of the lecture discourse cognitive communicative potentiality

The article highlights lexical-semantic nominators of cognitive communicative orientation in the lecture discourse. The focus of this research is primarily on the invariable deictic models and variable *of-phrases*. Peculiarities of the discourse topic cycles in terms of their verbalization are singled out through the network of deictic specialized markers and the substantive nomination blocks. Specification of the communicative orientation is considered within the framework of the public lecture topical unity and semantic-syntactic cohesion.

Key words: discourse, deixis, topic, *of-phrase*, cohesion, coherence.

*Н.А. Ясинецкая,
Д.И. Марченко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4:821.111+821.111(73)=161.1

СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЮМОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О. ГЕНРИ И ДЖ. К. ДЖЕРОМА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Воссоздание в переводе прагматического потенциала оригинального художественного произведения является сложным аспектом, требующим особого внимания со стороны практикующих переводчиков и теоретиков перевода. Одним из факторов, усложняющих передачу авторского замысла и воссоздание духа и атмосферы литературного произведения, является его юмористический подтекст. Проблема средств создания комического, в том числе в переводческом аспекте, продолжает привлекать внимание исследователей. Изучению шуток, пародии и иронии посвящены работы Ю. В. Щуриной, Т. М. Тимошенко, М. В. Вербицкой, Ю. Б. Ахметовой; семантику, структуру и прагматику англоязычного юмора исследуют М. А. Кулинич, А. В. Сафир, культурное своеобразие юмора – М. П. Карпенко, Е. Е. Жук, К. А. Емельянова, психологический аспект юмора – В. П. Шейнов. Л. М. Болдырева изучает роль фразеологических единиц в создании юмора, иронии и сатиры, а проблемы передачи комического в переводе рассматривают С. Я. Маршак и С. В. Яркина.

Юмор является одним из средств коммуникации, которое способствует общению, сближает собеседников или сглаживает неприятные ситуации. При этом мы сталкиваемся со следующей проблемой: понимание юмора представителями разных наций и культур имеет свои отличительные черты. В нашем исследовании мы рассматриваем специфику американского и британского юмора на примере художественных произведений О. Генри и Дж. К. Джерома, а также выделяем основные способы и средства передачи юмора. Актуальность нашего исследования определяется тем фактом, что художественный перевод юмора заключается в своеобразной методике передачи и нуждается в детальном и широком анализе. Объектом исследования является юмор в англоязычных художественных произведениях, а предметом исследования выступают средства создания комического эффекта в произведениях британского и американского писателей – Дж. К. Джерома и О. Генри – и их переводах на русский язык.

Согласно В. Н. Комиссарову, переводческие трансформации могут использоваться при переводе текста оригинала в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста [3, с. 74]. В зависимости от характера единиц языка оригинала, которые рассматриваются как исходные, и языкового уровня переводческих трансформаций подразделяются на лексические, грамматические (морфологические и синтаксические), лексико-грамматические, лексико-семантические, стилистические.

Хотя американский юмор родился в англоязычной среде, он отличается от английского. Американский юмор описывают в диапазоне от наглого и свободного до доброго, мрачного и тонкого. Благодаря телевидению, многие судят американцев по их комедиям. При этом мы забываем, что телевидение, в первую очередь, нацелено на массового зрителя, т.е. в комедиях не всегда чётко прослеживаются характеристики американского юмора. Иностранцами, в особенности благонамеренными англичанами, воспитанными на высоких литературных традициях, американский юмор в XIX веке воспринимался как странное, бурлескное нагромождение экстравагантностей, казался воплощением всего низкого и грубого. Так, к примеру, английский врач Томас Николс писал в 1850 году, что американский юмор состоит из огромного числа экстравагантностей, странных и необычных выражений, и многое из этого юмора покажется англичанам совершенно несмешным [4].

Рассмотрим несколько фрагментов из рассказа О. Генри «Пиментские блинчики» и их переводы, выполненные Михаилом Урновым, например: *When I want a stranger to know me I always introduce myself before the draw, for I never did like to shake hands with ghosts.* – *Когда я хочу представиться незнакомому человеку, я всегда представляюсь ему до выстрела, потому что терпеть не могу пожимать руку покойнику* [1, с. 25]. Юмористический эффект заложен в ироничной шутке, которую можно рассматривать как американский «чёрный юмор». В данном примере наблюдается трансформация семантической модуляции (*ghosts* – покойник), с экспрессивной конкретизацией (*I never did like* – *терпеть не могу*).

В своих переводах М. Урнов передаёт иронию с помощью лексических трансформаций, в частности, используя слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *чижик, дожидчик, пташка, пичужка, штучки*. Более того, обилие жаргонных слов и выражений и другой лексики сниженного стиля также является неизменной составляющей юмора О. Генри. М. Урнов добился сохранения необходимой экспрессивности и адекватности

перевода, используя просторечие: *That bronc of mine wept, in his way. He'd been raised a cow pony and he didn't care for snoozers.* – *Мой конь заплакал на свой лад. Это был ковбойский конь, и он не любил сопляков* [5, с. 110]. Характерной чертой перевода М. Урнова является преобладание лексико-семантических трансформаций (таких как целостное преобразование, экспрессивная конкретизация, дифференциация), позволяющих не только адекватно передать смысл и сохранить юмористический эффект, но часто и усилить его.

В свою очередь, английский юмор также может иметь несколько грубый характер, поскольку нередко шутки англичан проявляются в виде сарказма, иронии и язвительных фраз. Рассмотрим некоторые особенности английской иронии на примере перевода М. Салье произведения Дж. Джерома «Трое в лодке...»: *George and Harris and Montmorency are not poetic ideals, but things of flesh and blood – George, who weighs about twelve stones...* – *Джордж, Гаррис и Монморенси – не поэтический идеал, но существа вполне материальные, особенно Джордж, который весит около двенадцати стонов [стон – около 6,35 килограмма]* [2, с. 2]. Здесь наблюдается семантическая модуляция, но при этом переводчик стремился к дословному переводу, так как в данном примере комичность основывалась на иронии, которую следует передавать максимально приближенно к оригиналу.

С целью создания юмористического эффекта в своих произведениях Дж. К. Джером часто использует различные стилистические приёмы, в частности, комическое стилистическое сравнение, которое М. Салье сохраняет в тексте перевода: *You wave an airy adieu to the boys on shore, light your biggest pipe, and swagger about the deck as if you were Captain Cook, Sir Francis Drake, and Christofer Columbus all rolled into one.* – *Вы весело машете рукой друзьям, оставшимся на берегу, закуриваете самую длинную свою трубку и гордо разгуливаете по палубе с таким видом, словно вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрейк и Христофор Колумб в одном лице* [2, с. 9]. При этом мы видим, что сравнения лексически точно переводятся на русский язык.

Рассмотрим также пример гиперболизации как средства создания иронии: *Then he told us anecdotes of how he had gone across the Channel when it was so rough that the passengers had to be tired to their berths.* – *Потом он рассказал нам несколько случаев, когда он переплывал Ламани в такую бурю, что пассажиров приходилось привязывать к койкам* [2]. Как видно из примера, в переводе сохраняется гипербола, которая передаёт нужную атмосферу в описании и замысел автора. Рассмотрим ещё ситуацию, в которой ирония выражается при помощи гиперболы: *At last, an empty cab*

turned up (it is a street where, as a rule, and when they are not wanted, empty cabs pass at the rate of three a minute) – Наконец, оказался пустой кэб (на нашей улице пустые кэбы, когда они не нужны, попадают, как правило, по три в минуту [2]. Хотя в переводе этого эпизода производится перестановка членов предложения, четвёртый уровень эквивалентности и сохранение гиперболы способствуют наиболее полной передаче комического.

Английский юмор может основываться, в частности, на так называемом «эффекте обманутого ожидания». Например, после использования необходимых ярких и выразительных художественных приёмов для передачи атмосферы (*Slowly the golden memory of the dead sun fades from the hearts of the cold, sad clouds. Silent, like sorrowing children, the birds have crease their song, and only the moorhen's plaintive cry and the harsh croak of the corncrake stir the awed hush around the couch of waters, where the dying day breathes out her last* – Золотое воспоминание об умершем солнце медленно блекнет в сердце холодных, печальных облаков. Умолкнув, как загрузившие дети, птицы перестали петь, и только жалобы болотной курочки и резкий крик коростеля нарушают благоговейную тишину над пеленою вод, где умирающий день испускает последнее дыхание [2, с. 49]), Дж. Джером разрушает всю идиллическую картину одной фразой своего персонажа: *Harris said, "How about when it rained?"* – Гаррис спросил: «А как быть, если пойдёт дождь?» [2, с. 49]. В переводе данного отрывка (включая слова Гарриса) можно наблюдать такие грамматические трансформации, как замена одной части речи другой, а также изменение грамматического времени. При этом мы видим, что именно максимально эквивалентный перевод способен чётко и в полной мере передать настроение и замысел автора и, соответственно, отобразить его иронию.

Следующий пример, основанный на антитезе (*patronise – to chuck*, соответственно: *почтить своим посещением – вытолкать*), показывает, что переводчик передал иронию, используя лексические единицы (*доска* (в смысле «вывеска»), *кабачок*, *выпить рюмку*), которые смогут максимально приблизить читателей к смыслу: *I wonder now, supposing Harris, say, turned over a new leaf, and became a great and good man, and got to be Prime Minister, and died, if they would put up signs over the public houses that he had patronised: "Harris had a glass of bitter in this house;" "Harris was chucked from here in December, 1886."* No, there would be too many of them! It would be the houses that he had never entered that would become famous. "Only house in South London that Harris never had a drink in!" – Я часто спрашиваю себя: если, допустим, Гаррис начнет новую жизнь, станет достойным и знаменитым

человеком, попадет в премьер-министры и умрет, прибьют ли на трактирах, которые он почтил своим посещением, доски с надписью: «В этом доме Гаррис выпил стакан пива»; «Отсюда Гарриса вытолкали в декабре 1886 года»? Нет, таких досок было бы слишком много. Прославились бы скорее те трактиры, в которые Гаррис ни разу не заходил. «Единственный *кабачок* в южной части Лондона, где Гаррис не выпил ни одной *рюмки*» [2, с. 52]. Так, например, переводчик заменяет слово *house* на просторечное *кабачок*, таким образом, подчёркивая, что Гаррис посещал любые, а чаще всего простые и дешёвые, заведения, в которых подавалась выпивка.

Необходимо отметить, что американский и британский варианты английского языка имеют свои особенности на разных языковых уровнях, и различия в понимании смешного и комического порой достаточно глубоки. Как правило, английский юмор строится на недосказанности, побуждении подумать, заставляет включить воображение; американский же предельно конкретен и прост. Данные отличия могут влиять на восприятие и понимание текста читателями. Чтобы избежать данной проблемы, переводчику необходимо быть предельно осторожным и точно и метко использовать необходимые переводческие трансформации, в частности лексические.

Мы определили, что при передаче комического важным аспектом, который необходимо учитывать, являются межнациональные различия в культуре, реалиях, традициях и обычаях. Поэтому переводчику следует принимать во внимание все особенности как той культуры, частью которой является исходный текст, так и другой, которую он обогатит в качестве перевода. Также следует учитывать, что способы передачи юмора варьируются в зависимости от типа шутки (анекдот, каламбур, сарказм, ирония, пародия).

Исходя из нашего исследования, можем сделать вывод, что перевод художественных текстов, а именно юмористических, является сложным аспектом, который ещё недостаточно изучен. Основная проблема заключается в том, что для передачи комического переводчик задействует различные виды трансформаций (лексические, грамматические, стилистические), которые должны быть максимально уместны и способны воссоздать атмосферу и дух оригинального произведения. Тип шутки и выбор лексических и стилистических средств автором произведения определяют выбор способа перевода текста. Так, в случае игры слов, переводчику необходимо прибегнуть к большему числу трансформаций, возможно даже замене реалий или созданию собственного комичного образа, в то время как

юмор и иронию, созданные при помощи гиперболы, сравнения и/или просторечия, можно передавать на более высоком уровне переводческой эквивалентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генри О. Пимиентские блинчики // Параллельные переводы – 2007. – Режим доступа: <https://studyenglishwords.com/book/Пимиентские-блинчики/58?page=3> (дата обращения 20.01.2018).
2. Джером Дж. К. Трое в одной лодке, не считая собаки [Электронный ресурс] // Параллельные переводы – 2006. – Режим доступа: <https://studyenglishwords.com/book/Трое-в-одной-лодке-не-считая/215> (дата обращения 25.01.2018).
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Литературная история США. В 3-х томах / Ред. оригинал. изд.: У. Торп, Т. Н. Джонсон, Г. С. Кэнби. Ред. русскояз. изд.: М. Тугушева. – М.: Прогресс, 1977–1979. 601+525+639 с.
5. Орлов Р. О. Юмор фронта в рассказах О. Генри как переводческая проблема // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. – 2015. – № 4 (12). – С. 104-111.

АННОТАЦИЯ

Ясинецкая Н.А., Марченко Д.И. Средства передачи юмора (на материале переводов произведений О. Генри и Дж. К. Джерома на русский язык)

Цель работы – исследование стилистических и лексико-грамматических переводческих трансформаций, характерных для передачи юмора в литературных произведениях. В качестве иллюстративного материала выбраны произведения О. Генри и Дж. К. Джерома и их переводы на русский язык. Для исследования используются метод сплошной выборки, аналитический метод, метод комплексного анализа. Выявлены наиболее частотные в художественных текстах виды трансформаций и определены отличительные черты американского и английского юмора.

Ключевые слова: переводческие трансформации, английский юмор, американский юмор, стилистический приём, гипербола, сравнение.

SUMMARY

Yasinetskaya N.A., Marchenko D.I. Means of conveying humour (based on Russian translations of literary works by O. Henry and J. K. Jerome)

The article focuses on the examples of stylistic, lexical and grammatical transformations that are typically used to render humour in the translation of literary works. The transformations are illustrated by translations of the works by the American writer O. Henry and the English writer J. K. Jerome. For the study there were engaged the method of continuous sampling, the analytical method, and the method of complex analysis. The analysis has revealed the most common types of translation transformations and determined the distinctive features of American and British humour.

Key words: translation transformations, English humour, American humour, stylistic device, hyperbole, simile.

*О.В. Арцебашева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «THE DAILY TELEGRAPH» И «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»)

Мода в современном мире является объектом всеобщего внимания. Её рассматривают с точки зрения культурологии, истории, социологии и других наук. Однако с точки зрения лингвистики мода является малоизученным объектом. В отличие от зарубежного опыта, где феномен моды стал исследоваться ещё в середине XX века, интерес к изучению моды в российской лингвистике проявил себя лишь на рубеже XX-XXI ст. Именно в этот период формируется русскоязычный текст моды. Как отмечает Л.О. Чернейко, «цель когнитивных лингвистических исследований состоит в том, чтобы через многообразие реальных реализаций языка в речи выявить значимые для культуры смыслы (ценности), которые отражают всю область понятого и пережитого социумом и направляют его речи о мире» [1, с. 1]. При изучении моды как лингвистического объекта, анализируются особенности языковых средств. Это и является целью нашего исследования, выполненного на материале масс-медийных ресурсов «The Daily Telegraph» и «Российской газеты».

В ежедневной газете «The Daily Telegraph», нами были выявлены несколько групп синтаксических и лексико-стилистических средств выразительности, характеризующих англоязычный дискурс моды:

1. С точки зрения синтаксиса текстовый материал исследуемых англоязычных статей о моде содержит: а) сложноподчиненные и сложносочиненные конструкции: *The singer, 32, went all out for the ball, of which she is co-chair, wearing a custom-made Maison Margiela Artisanal dress designed by John Galliano (DT, 02.05.2017). Some of the world's most stylish celebrities including Julianne Moore, the Olsen twins, and Alexa Chung attended, along with fresh faces to the event like Frances Bean Cobain, Paris Jackson and Hailey Baldwin, who sported a ballet-inspired dress by Carolina Herrera (DT, 02.05.2017); б) простые распространенные предложения: *Supermodel Gigi Hadid wore fishnets with her Tommy Hilfiger dress (DT, 02.05.2017). It featured a mirrored head piece with illegible writing, apparently spelling out the word "witness", stitched across her forehead (DT, 02.05.2017); в) структуры с глаголами в форме повелительного наклонения, которые в англоязычных текстах о моде позволяют автору обратиться к адресату с призывом выполнить определенное действие: **Wear** your house as your sleeve. (DT, 22.02.2017). Meet Jan de Villeneuve, the fabulous 72 year-old model who ruled the London fashion week catwalks (DT, 24.02.2017); г) числительные, актуализирующие разные показатели, в том числе возраст модельеров и время событий: *by homespun rugs and throws and wall-hangings; white and black 50s-bombshell swimsuits; a 72 year-old veteran model; Ports 1961 was inspired.***

2. В англоязычный лексический пласт текстов о моде входят следующие группы слов: а) термины моды: *fashion week, catwalk, model, designer, knitted mini-skirts, fashion house, custom-made, haute couture, pleated skirts, show, casting; б) имена собственные, вербализирующие лиц, относящихся к миру моды: John Galliano, Julianne Moore, Olsen twins, Giambattista, Donatella Versace, Hailey Baldwin, Carolina Herrera, Katy Perry, Alexander Wang, Benedetta Barzini, Tommy Hilfiger; в) сравнения: Roland Mouret's silk roping detail looked like curtain pulls; Perry even jumped into the crowd, as yellow confetti rained down; г) эпитеты, оценочные прилагательные в превосходной степени, а также выражения, указывающие на высокую степень признака: *in a blood-red frock; some of the world's most stylish celebrities including Julianne Moore; Bella Hadid wore a sheer crystal-embroidered lace catsuit by Alexander Wang; Donatella Versace, who wore a canary yellow dress and bizarre yellow streaks in her hair; a fabulous chic silver bob; д) метафоры: She wore a design by Comme des Garçons (DT, 02.05.2017). Supermodel continued the red obsession (DT, 02.05.2017). She showed off a long train (DT, 02.05.2017). Karlie Kloss went back to basics (DT, 02.05.2017).**

В англоязычных текстах встречаются метафорические сочетания с ключевым словом *inspiration* "вдохновение" и его

дериватам: *a source of inspiration; a ballet-inspired dress by Carolina Herrera; showed off a punk-inspired blunt fringe; inspiration from English country houses; was inspired by homespun rugs and throws and wall-hangings.*

В русскоязычных текстах о моде, представленных в «Российской газете», синтаксис характеризуется доминирующим употреблением простых распространенных предложений, осложненных обособленными определениями, которые выражены причастными и деепричастными оборотами, а также однородными членами предложения. Например: *В рамках этой Недели моды с 2012 года проходит International Fashion Showcase. Этот проект дает возможность модельерам со всего мира познакомиться со своими работами международную аудиторию: байеров, журналистов и других профессионалов индустрии моды. Ведущие мировые эксперты в области моды выступают в качестве спикеров, проведут лекции, workshops и public talks, обсуждая актуальные вопросы, связанные с новыми паттернами потребления, новыми технологиями, производственными и образовательными моделями (РГ № 7203 от 20.02.2017).*

Также встречаются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения: *В Лондоне в эти дни проходит знаменитая Неделя Моды – London Fashion Week, которая сочетает в себе актуальные модные тенденции и современное искусство (РГ № 7203 от 20.02.2016). Большинство дизайнеров и брендов показывают традиционные коллекции сезона осень-зима, но есть и те, кто представляет коллекции текущего сезона или смешанные, следуя тренду see now buy now, что в вольном переводе означает «пришел, увидел и купил» (РГ № 7098 от 12.10.2016).*

Определяющими единицами русскоязычного текста являются слова и выражения информативного содержания. К ним относятся: а) термины моды: **Неделя Моды**, модельеры, дизайнеры, актуальные модные тенденции, модные коллекции, индустрия моды, гляцевые журналы; *прет-а-порте*; (русскоязычная терминология моды основывается, прежде всего, на англоязычных лексических средствах, что обусловлено более ранним появлением интереса к феномену моды в западноевропейской культуре); б) имена собственные: *Молодые русские дизайнеры Artem Shumov, NAIDAL, Lumier Garson, ZA_ZA, Saint-Tokyo, TURBO YULIA представляют свои коллекции. На конференцию в этом году приедут Карим Рашид (дизайнер, США), Паскаль Моранд (исполнительный президент Французской Федерации Высокой моды и прет-а-порте, Франция), Карлос Эспиноса де Лос Монтерос (вице-президент Inditex Group, Испания), Майкл Бурк (руководитель направления fashion, sports&toys, Google, США),*

Скотт Эммонс (руководитель направления инноваций, Neiman Marcus, США), **Данило Вентури** (декан Polimoda, Италия), **Ковадонга О'Ши** (основатель Модной бизнес-школы ISEM, автор бестселлера «Феномен Zara», Испания), **Аманда Паркс** (главный технический директор, Manufacture NY, США), **Марк Джарвис** (директор по стратегическому планированию, World Textile Information Network, Великобритания) и др.; в) количественные и порядковые числительные: более 450 дизайнеров из 57 стран мира; 16-17 марта более 30 мировых лидеров индустрии моды из 12 стран соберутся на Международную конференцию Fashion Futurum; первая часть коллекции; они существовали в 1950х-1960х; г) метафоры с ключевым словом вдохновение, которые встречаются в текстах «Российской газеты» реже, чем в англоязычных масс-медиа: отражающие **вдохновение** коллекции фильмами нуар; отражающей **вдохновение** а-ля Американа 1970х; для демонстрации **вдохновленной** свойствами бумажного листа коллекции Palmer Harding; **вдохновленная** идеей игры с интерпретацией текстур; **вдохновленные** растительными формами.

Использование метафор в исследуемых русскоязычных текстах характерно для актуализации воздействия на читателя: как обычно, «**звездь сезона**»; **глянцевые журналы**; **ключ успеха**; Но потом на подиуме появились наряды, от которых было **невозможно оторвать взгляд**. Костюмы-тройки и коктейльные платья были так хороши, что буквально **совершали переворот в сознании**. Платье невесты, как часто бывает у кутюрье, **переносило в русскую народную сказку**.

В русскоязычном дискурсе моды используются эпитеты и оценочные прилагательные (д): **изысканное сочетание**; **умные ткани**; **Самым ярким** событием Выпускной Недели Моды явилась церемония награждения и показ **наиболее выдающихся** коллекций нового поколения дизайнеров. Фаворитом «РГ» стало **темно-зеленое переливающееся** платье. Это мероприятие по праву считается одним из **наиболее интересных** в лондонском **модном календаре** (РГ № 7217 от 13.03.2017).

Следует отметить, что русскоязычные тексты о моде отличаются использованием большого количества заимствований из английского языка, основанных на калькировании: Ведущие мировые эксперты в области моды выступают в качестве **спикеров**, проведут лекции, **workshops** и **public talks**, обсуждая актуальные вопросы, связанные с новыми **паттернами** потребления; выставка победителей конкурса инновационных **стартап-проектов**; **IT-решения** для **ритейла**; познакомить со своими работами международную аудиторию **байеров**; Прямая

онлайн-трансляция, виртуальная и дополненная реальность, международная конференция Fashion Futurum, и яркий street style; фэшн-бизнес (РГ № 7217 от 13.03.2017).

Тенденция использования заимствований, с одной стороны, подчеркивает глобальное влияние английского языка, в том числе и в мире моды. С другой стороны, иллюстрирует тот факт, что терминология моды в русскоязычном пространстве не устоялась, она представляет собой открытую, постоянно пополняющуюся систему, так как русскоязычный дискурс моды продолжает свое формирование и является малоисследованной областью лингвистики.

Итак, в настоящей работе нами был предпринят сравнительный анализ языковых средств, используемых в текстах о моде. Нами были выделены основные группы синтаксических и лексико-стилистических средств актуализации моды. Эта проблема более углубленно будет рассмотрена в наших последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкатова Д. А. Современный русский дискурс моды: Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. А. Башкатова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 25 с.
2. Губина В. В. Современный русскоязычный дискурс моды: проблемы перевода / В. В. Губина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – № 4. – С. 112–120.
3. Окунева И. О. «Красивый» и «модный» в русском и английском языках / И. О. Окунев // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – № 4. – С. 153–165.
4. Полубиченко Л. В. Филологическая топология: этапы развития и научная проблематика / Л. В. Полубиченко // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – № 2. – С. 39–50.
5. Тер-Минасова Д. И. Об особенностях трактовки термина «имидж» в русском языке / Д. И. Тер-Минасова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – № 2. – С. 67–70.
6. Чернейко Л. О. Метафизика и поэтика в научном идиолекте / Л. О. Чернейко // Филологические науки. – № 3. – М., 2009.

АННОТАЦИЯ

Арцебашева О.В. Синтаксические и лексико-стилистические средства актуализации современной моды (на материале «The Daily Telegraph» и «Российской газеты»)

Статья посвящена анализу особенностей языковых средств и выявлению специфики современного русскоязычного дискурса моды в сравнении с англоязычным аналогом. Лингвистический анализ проводится на материале англоязычных и русскоязычных статей о моде в газете «The Daily Telegraph» и «Российской газете». В работе проводится сравнительный анализ языковых средств, используемых в текстах о моде. В результате анализа определяются основные группы синтаксических и лексико-стилистических средств актуализации моды. В заключении формулируются выводы о специфике и тенденции использования эмоционально-оценочных средств в русскоязычном дискурсе моды и его англоязычном аналоге.

Ключевые слова: дискурс моды, синтаксические и лексико-стилистические средства, актуализация моды, эпитеты, метафоры.

SUMMARY

Artsebasheva O.V. The syntactic and lexical-stylistic means of contemporary fashion actualization (on the material of «The Daily Telegraph» and «Rossiyskaya Gazeta»)

The article focuses on the analysis of peculiarities of contemporary Russian fashion discourse in comparison with its English version. The linguistic analysis is carried out on the material of English and Russian articles about fashion, taken from «The Daily Telegraph» and «Rossiyskaya Gazeta». The results of the comparative analysis of language means in the texts on fashion issues are presented in the work. Having analyzed the language of articles, the author distinguishes the main groups of syntactic and lexical-stylistic peculiarities of fashion actualization and comes to the conclusion about the features and tendencies of the use of emotional-evaluative means in Russian fashion discourse in comparison with its English version.

Key words: fashion discourse, fashion actualization, syntactic and lexical-stylistic peculiarities, epithets, metaphors.

С.Н. Лежнев
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.111:81

КОМПОЗИТЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

Словосложение, как морфологический способ образования композитов, играет важную роль в номинативном процессе в английском языке. Исследование процессов словосложения связано с решением проблем идентификации сложного слова, соотношения сложного слова и словосочетания, определения семантики сложного слова, отношений между его компонентами, классификации сложных слов, описания их словообразовательных моделей.

Целью данной статьи является изучение структурно-семантических особенностей композитов-неологизмов современного английского языка посредством решения следующих задач: 1) выделения структурных типов композитов; 2) анализа их семантики. *Объектом исследования* являются новые лексические единицы, образованные путем словосложения, зафиксированные англоязычными печатными и электронными информационными изданиями. *Предметом изучения* являются структурно-семантические особенности композитов-неологизмов.

Словосложение является одним из продуктивных способов словообразования, который действует в течение многих веков и продолжает сохранять свое значение в современном английском языке. Как отмечает Л. Ф. Омельченко, «словосложение достигло значительного развития в современное время, характеризующееся увеличением сложных понятий в разных сферах человеческого общения, социально-политической и экономической жизни, многогранной деятельности человека, его внутреннего мира, эмоциональных переживаний и рациональных оценок» [4, с. 7]. Языковеды отмечают, что словосложение по своей продуктивности становится главным способом английского словообразования в конце XX века.

Структурно-семантический анализ новых англоязычных лексических единиц начала XXI века свидетельствует о том, что большинство из них образованы путем словосложения. В значительной степени этот факт обусловлен действием принципа языковой экономии при создании новых номинаций.

Сложные лексические единицы образуются по определенным словообразовательным моделям. Результаты структурного

анализа свидетельствуют о том, что наиболее продуктивной моделью словосложения в общелитературном языке выступает сочетание основ существительных – модель $n + n > N$. При рассмотрении сложных слов, созданных по этой модели, возникает вопрос неопределенности их статуса, проблема соотношения сложного слова и словосочетания. Большинство исследователей руководствуются семантическим критерием и опираются на принцип «изоляции значения». К понятию семантической и морфологической изоляции сложного слова приближается предложенный А. И. Смирницким критерий целостности сложного слова, который противопоставляется раздельному оформлению словосочетания [6, с. 33].

Лексемы, построенные по модели $n + n > N$, рассматриваются как сложные слова такими лингвистами, как А. Дж. Томсон, А. В. Мартине, Л. Дж. Александер [8, с. 7]. Того же мнения придерживается А. Д. Мешков, который отмечает, что «любая последовательность двух существительных в общем падеже не может представлять собой синтаксической последовательности, то есть словосочетания, поэтому по принципу *tertium non datur* должна рассматриваться как сложное слово» [3, с. 19].

Другой подход к проблеме разграничения сложного слова и словосочетания заключается в том, что распределение проводится по трем классам, один из которых имеет характеристики переходного типа. Этот подход основывается на информативной структуре и характере номинации лингвистических инноваций. Он получил название ономаσιологического [2, с. 28]. Категориальными признаками сложного слова признаются: информативная структура, характеризующаяся сигнификативной (ингерентной) ремой, которая образует вместе с темой объем обозначаемого сигнификата; идиоматический характер номинации. К категориальным признакам словосочетания относятся: информативная структура, характеризующаяся денотативной (неингерентной) ремой и неидиоматическим характером номинации. Словосложение является промежуточной номинативной единицей, категориальным признаком которой является информативная структура, которая характеризуется полусигнификативной ремой, формально отдельным характером номинации, тяготеющим к идиоматической цельности [2, с. 73-74].

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения лингвистов, согласно которой считается, что сочетание $n + n$ должно трактоваться как сложное слово. Словообразовательная модель $n + n > N$ является доминирующей моделью образования новых сложных слов. Она создает существенные возможности для

номинации предметов и явлений действительности, характеризует их и соотносится одновременно с двумя предметами, признаки которых имеет тот предмет, который получает название [1]. Класс существительных является основным в пополнении словарного состава английского языка. Словообразовательная модель $n + n > N$ представлена несколькими типами, или вариантами:

1) $n + n > N$ (**rooftopper** – *someone who climbs onto the roof of a high building to take photographs, often putting themselves in physical danger*: «This is the heart stopping moment a daredevil rooftopper climbs a New York skyscraper. The dizzying snaps show stunning scenes across the Big Apple from high up on the top of the concrete jungle's landmark skyscrapers» [www.storytrender.com, 29 March 2017]; **guideshop** – *a shop where customers can see and try products then order them to be delivered to their home, but which does not stock them for sale*: «By letting customers try out products but not stocking apparel for sale, Bonobos can cut costs with smaller stores, offer a wider selection of styles and fits, and focus on customer service rather than inventory management, Dunn said. He declined to comment on the company's growth or revenues but said the guideshops are profitable» [Chicago Tribune, 20 April 2016]; **mixed reality** – *a set of images and sounds that combine virtual reality with the real world, allowing them to interact in real time*: «Microsoft's betting that 3D and mixed reality will be a big deal in the future, as computer-generated images move from the laptop, tablet and phone screens we're used to seeing, and into glasses or goggles that overlay them on the real world. Beyond laptops, Microsoft also showed off other mixed reality experiences using special headsets» [www.cnet.com, 2 May 2017]);

2) $(n + n) + n > N$ (**pork-chop island** – *a triangle-shaped area at an intersection between two roads*: «The idea behind the design is to allow pedestrians to use the north-, south-, and east-leg crosswalks without interrupting traffic making a westbound right turn. Once pedestrians reach the pork-chop island, they will be able to press a light signal that will make incoming traffic stop for a set amount of time» [www.independent.com, 15 July 2016]);

3) $n + (n + n) > N$ (**Chief Happiness Officer** – *someone whose job is to ensure that employees of a particular company are happy and fulfilled*: «Chief Happiness Officer is perhaps the most controversial job title in business. To some, it's a sign that employee engagement is finally being taken seriously. To others, it signals an unwelcome move towards employers tinkering with our emotions at work» [www.engageforsuccess.org, 13.10.2016]);

4) $n's + n > N$ (**bird's nest parenting** – *an arrangement where the children of a couple who have separated remain in the family home and their parents take it in turns to live with them there*: «Instead

of moving the children each weekend or each month, 'bird's nest parenting' sees the mother and father do the rotating in and out of the home – while the children remain the constants» [www.dailymail.co.uk 17 October 2016]).

5) **n + n (ing) > N** (*crowdspeaking* – *a marketing activity where each follower of a person or company on social media sends out an identical message at the same time: «Social media is an easy way to say something, but it's a difficult way to be heard. Thunderclap is the first-ever crowdspeaking platform that helps people be heard by saying something together. It allows a single message to be mass-shared, flash mob-style, so it rises above the noise of your social networks»* [help.thunderclap.it, 26 March 2017]).

При словосложении по модели **n + n > N** производное слово создается путем слияния двух самостоятельных слов (основ). Структурно-сложные существительные, построенные по схеме **n + n > N**, могут быть осложнены сочетанием трех или более оснований. Первый или второй компонент такого слова может иметь сложную основу. Продуктивным типом словообразовательной модели **n + n > N** является **n's + n > N**. В данном случае подчиненное существительное имеет форму родительного падежа. Первый элемент двучлена может быть представлен существительным, который обозначает живое существо (человека, животное или птицу, неодушевленный объект).

Существуют определенные семантические закономерности сочетания основ существительных в качестве компонентов сложного слова. Основная сложность установления таких закономерностей заключается в том, что сложное слово имеет большую информативность, чем простое. Вместе с тем, значение сложного слова не является простой суммой значений его мотиваторов. Его общее значение определяется сложными отношениями между ними.

Композиты рассматриваются в научной литературе как единицы, в которых значение второго компонента уточняется значением первого. Семантические связи составляющих композитов исследователи анализируют на основании различных критериев. Так, А. Томсон и А. Мартине предлагают классификацию двухкомпонентных лексических единиц по типу значения, на которое может указывать первый компонент структуры [8, с. 32]. В целом, новые лексические единицы, созданные путем словосложения и анализируемые нами, подчиняются принципам этой классификации, согласно которой первый компонент двучлена может обозначать: место нахождения второго компонента; принадлежность предмета или явления, выраженного вторым существительным, предмету

или явлению, выраженному первым; материал, из которого сделан предмет; время, когда должно состояться событие или явление, выраженное вторым компонентом; назначение объекта, выраженного вторым существительным; любая другая связь между элементами структуры.

Анализ семантических отношений между элементами модели **n + n > N**, по которой образуются лексические единицы, позволяет выделить также такие признаки, как форма и цвет предмета, выраженного вторым элементом, на которые указывает первый компонент двучлена.

Следовательно, значение композита богаче, чем значение его компонентов, поскольку через первый компонент выражается такой признак второго, который не исчерпывает видовых свойств. Семантические связи между составляющими композитов являются многогранными и зависят от значения составляющих и от предмета, который они обозначают.

Как правило, компоненты композитов употребляются в их прямом значении. Первое существительное конкретизирует и уточняет другое. Однако второй компонент может употребляться не только в прямом, но и в переносном смысле. Образность и экспрессивность композитов непосредственно связана с семантическим наполнением модели.

Среди новых сложных двухкомпонентных лексем распространенными являются лексические единицы, образованные по модели **adj + n > N**. Этот тип словосложения занимает второе место по количеству лексических инноваций.

Первый элемент слов, выраженный прилагательным, обозначает определенные характеристики субъекта, объекта или действия, передаваемого вторым компонентом (*uncanny valley* – *the uncanny valley effect occurs when something that looks human, such as a robot, causes a feeling of unease: «The uncanny valley is a well known problem in robotics. It is the moment when something not human closely resembles a real person, but just isn't quite there yet, which makes its unhuman elements stick out»* [www.digitalsignagetoday.com, 17 March 2017]; *clean meat* – *meat that has been grown in a laboratory from self-reproducing cells: «There are concerns about clean meat however. Some people wonder whether meat eaters will even want to eat it. They might be so stuck in their ways that the thought of eating animal products produced by a radical new method will seem weird and disgusting to them. Some meat eaters I've spoken to are repulsed by the idea of eating "meat grown in a lab", even after I remind them that all processed foods start in a lab before they are mass produced in a factory»* [The Guardian, 18 April 2017]).

Возникновение сложных понятий приводит к необходимости их обозначения композитами, компонентами которых являются ключевые лексемы, отражающие определенные понятия, и зависящие от них лексемы, которые называют признаки этих понятий. Следует отметить, что словосложение обусловлено определенными экстра- и интралингвистическими факторами. В частности, внутренняя структура сложных слов, уже функционирующих в языке, также способствует образованию новых композитов, например, *immersive hybrid reality – a set of images and sounds, produced by a computer, that seem to represent a workplace environment: «Experts in construction and computer technology at Heriot-Watt University have developed a groundbreaking immersive hybrid reality (iHR) system which aims to take the danger out of extreme working conditions»* [www.designingbuildings.co.uk 24 October 2016].

В процессе образования отдельных сложных слов используется звуковая фактура речи как средство повышения выразительности последней. Словосложение может сочетаться с инструментальной, подбором слов, которые имеют звуковую форму, способствующую усилению экспрессивного содержания данного отрезка речи. Лексические единицы являются определенной звуковой последовательностью, организацией звуков, что соответствует содержанию слова. Звуковые повторы (аллитерация, консонанс, ассонанс) играют значительную роль в создании эмоционального эффекта, способствуют закреплению в речи новых лексем.

Суть аллитерации состоит в симметричном повторе однородных согласных звуков в начале слов (*conversational commerce – direct conversations between people and companies or services using technology such as apps: «Echo is part of the new wave of conversational commerce technologies, where the use of messaging, digital assistants, chat apps, or question-and-answer dialogue makes it possible for people to simply ask for what they need»* [www.venturebeat.com 28 July 2016]). Это довольно распространенное средство фонетической организации речи связано с законом начального ударения в словах, что характерно для древнегерманских языков, и благодаря которому первые слоги слов произносятся наиболее четко.

Консонанс предусматривает повтор однородных согласных звуков в конце слов (*retailtainment – the use of sound, lighting and entertaining activities to encourage shoppers to buy things: «Chinese shoppers can expect to see more emphasis on retailtainment that falls into the health and fitness category, reflecting a growing consumer interest in healthy lifestyles. Not only does this mean malls are likely to make space for more sport facilities, but also that developers*

will set aside retail space for niche brands trying to make it into the China market» [www.luxurysociety.com, 3 February 2017]). Аллитерация, ассонанс и консонанс могут сочетаться, создавая новые разновидности звуковой организации речи (аллитерация и консонанс, аллитерация и ассонанс: *experience economy – an economic system that is based on people doing things, such as taking part in sporting activities and visiting places, rather than buying things: «A series of studies is revealing strange things about our spending habits. They call it the «experience economy», which gives it the sense of a grand theory. And there is science behind it, but it's also very simple: regardless of political uncertainty, austerity and inflation, we are spending more on doing stuff, choosing instead to cut back on buying stuff»* [The Guardian, 13 May 2017]).

Сложные слова, которые строятся на основе звуковых повторов, выделяются в речевом потоке и приобретают определенную интонационную значимость.

Проведенное исследование англоязычных композитов позволяет сделать следующие выводы:

- словосложение является главным способом образования новых лексических единиц, который остается доминирующим в начале XXI века;
- основной моделью новых сложных слов является модель сложения двух субстантивных основ – $n + n > N$;
- для новой лексики характерно наличие значительного количества многокомпонентных лексических единиц, образующихся по различным моделям;
- второй по значимости моделью словосложения является модель $adj + n > N$, что может объясняться экспрессивностью данной лексики.

Дальнейшее исследование композитов-неологизмов предусматривает изучение их прагматического компонента значения в возможных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карашук П. М., Жукова Л. К. О закономерностях словосложения в образовании английской морской терминологии / П. М. Карашук, Л. К. Жукова // Проблемы словообразования. – Владивосток : Дальневост. гос. ун-т, 1979. – Вып. 7. – С. 90-94.
2. Квеселевич Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке / Д. И. Квеселевич. – К. : Вища школа, 1983. – 84 с.
3. Мешков О. Д. Словосложение в современном английском языке / О. Д. Мешков. – М. : Высшая школа, 1985. – 186 с.

4. Омельченко Л. Ф. Английская композита: структура и семантика: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. – К., 1989. – 493 с.
5. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Наука, 1960. – С. 390-391.
6. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 260 с.
7. Alexander L. J. Longman English Grammar Practice for Intermediate Students / L. J. Alexander. – Addison Wesley Longman LTD., Longman Group UK LTD, 1990. – 348 p.
8. Thomson A., Martinet A. A Practical English Grammar / A. Thomson, A. Martinet. – Oxford University Press, 1986. – P. 32-33.

АННОТАЦИЯ

Лежнев С.Н. Композиты современного английского языка

Статья посвящена изучению словосложения, являющегося продуктивным способом словообразования в современном английском языке. Объектом исследования являются новые лексические единицы, образованные путем слияния двух основ, зафиксированные печатными и электронными информационными изданиями. В статье описываются структурно-семантические типы композитов, анализируются особенности их семантических связей. Отмечаются факторы, обуславливающие образование композитов: лингвистические, в частности, языковая экономия, и экстралингвистические, такие как привнесение элементов субъективного смысла (экспрессия, новизна). Приведенный в статье языковой материал иллюстрирует основные теоретические положения.

Ключевые слова: композиты, словосложение, словообразовательные модели, семантические связи.

SUMMARY

Lezhnyov S.N. Modern English Language Compound Words

The article is devoted to the study of composition, which is a productive way of word formation in modern English. It refers to the ability and means of language to form new words by combining or putting together words. The study is focused on new lexical units, formed by merging two or more words, fixed by printed and electronic sources of information. The article describes the structural and semantic types of compound words, and analyzes the features of their semantic relationships. The factors that determine the formation of

composites have been identified: linguistic sources, such as, linguistic economy, and extralinguistic ones, such as, the introduction of elements of subjective meaning (expression, novelty).

New words emerge as a direct response to the need to refer to new concepts, and one of the most straightforward ways of doing this is to simply combine existing words, which together make a sensible representation of a new idea. Many neologisms are therefore compound nouns. In recent decades English has displayed a noticeable trend towards increased use of compounds. A further investigation of compound words may involve studying of the pragmatic component of their meaning in possible contexts.

Key words: compound nouns, composition, word-formation models, semantic relationships.

*А.В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.111'373.612

ТИПИЧНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫХ СЛЕНГИЗМОВ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Лингвистика последних 20-25 лет переориентировалась с подробного изучения письменного языка на исследование непосредственно живого общения, естественной речи. В условиях интенсивного расширения сети языковых контактов одной из главных проблем стало масштабное изучение «пограничных зон» национального языка, дающее нам четкое представление о признаках социальной дифференциации языка. Иначе говоря, актуальность данного исследования обусловлена важностью детального изучения сленга, поскольку он находится в тесной связи с социокультурным контекстом в языке и часто используется в различных сферах общественной жизни.

К трём основным способам формирования новой лексики относятся семантический, морфологический и синтаксический. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Семантические способы словообразования основаны на переосмыслении исходного слова, в результате которого появляется новое значение. Слова, возникшие семантическим путем, нередко отличаются экспрессивно-стилистической окрашенностью, образностью в связи с тем, что они возникают в

результате метонимических и метафорических переносов путем ассоциативного и коннотативного мышления.

Специфика семантического способа образования сленгизмов, в отличие от общелитературного семантического словообразования, проявляется в том, что обычно семантические образования являются результатом длительной эволюции слова, завершающейся, как правило, образованием слов-омонимов. В образовании же сленгизмов происходит приспособление существующих слов за короткий срок.

Рассмотрим англоамериканские сленгизмы для обозначения лиц женского пола, образованные посредством видов семантического переноса.

Метафоризация, т. е. расширение смыслового объема слова за счет возникновения переносных значений и усиления значения, образует следующие субстандартные лексемы рассматриваемых нами лексико-семантических групп:

cracker (лакомый кусочек; девушка, являющаяся объектом желаний);

hot number (горячий номер, выигрышный билет лотереи. Представители американской картины мира считают, что надежная, привлекательная, очаровательная женщина – это большая редкость);

parentheses (женщина с кривыми ногами, буквально: круглые скобки).

Метафоризация является одним из наиболее распространенных и продуктивных способов образования сленгизмов, т. к. ассоциация по внешнему сходству наиболее простая и формирует большую часть сленговой лексики. Семантический перенос, в частности, метафоризация, очень продуктивен в английском языке, что некоторые исследователи, в частности Л. А. Чернышова [3], называют отражением характера данного национального языкового сознания.

Метонимия основывается на смежности значений, понятий или явлений, и в отличие от метафоры общий семантический элемент может отсутствовать. Метонимия создает различные категории отношений с реальной действительностью и ее отражением в человеческом сознании. Примером может служить следующее словосочетание: «*bedroom eyes*», которое является разновидностью метонимии, а именно синекдохой. При дословном переводе на русский язык оно будет звучать так: «бесстыжие глаза, томный взгляд, зовущий в спальню». В качестве сленгизма данное словосочетание следует переводить как «кокетка».

Морфологическое словообразование предполагает создание новых слов путем изменения формы уже существующих при

помощи различных формальных средств, по определенным словообразовательным моделям. К морфологическому типу словообразования относятся аффиксация и словосложение.

Аффиксация, в свою очередь, включает в себя суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы словообразования.

При суффиксации новое слово образуется путем присоединения к производящей основе суффикса: *schemestress* (профессиональная соблазнительница).

При префиксации новое слово образуется путем присоединения к имеющемуся слову приставки (префикса), например, префикса *well-* (хотя некоторые лингвисты относят его к первым компонентам сложных слов): *well-stack* (обладательница пышного бюста).

Суффиксально-префиксальный способ словообразования объединяет в себе два предыдущих: *bewitcher* (физически привлекательная молодая женщина, от «*witch*» – «чародейка», «ведьма», «колдунья» и «*bewitch*» – «околдовывать»).

Сложение – образование новых слов путем соединения двух или более основ или слов. По мнению некоторых ученых, например, С. В. Гринева-Гриневица [2], термины, образованные путём сложения, обязаны своей популярностью тому, что они в любом случае короче словосочетания, и поэтому их использование удобнее с грамматической точки зрения.

Выделяют классическое сложение, словослияние и образование сложносокращённых слов.

При классическом сложении складываются слова или основы, образовывая составные слова, которые пишутся через дефис. Например:

eye-candy (радующая глаз своей красотой);

double-bagger (настолько страшная, что нужно 2 сумки (bag): одну надеваешь ей на голову, а другую – себе);

prick-tease (динамщица);

mail-order bride (невеста, с которой знакомятся по Интернету в других странах, обычно имеются в виду девушки из Азии и России).

Словослияние (телескопия) представляет собой стяжение двух слов в одно, образование слова-слитка. Образуется простое по структуре слово, поскольку соединяемые части слов не являются морфемами: *fugly* (толстая и некрасивая < *fat* + *ugly*). Сумма слов служит исходным материалом, полученное в результате слово – единственное наименование данной реалии. Образованные в результате словослияния слова являются простыми по структуре. Морфемы в их составе не выделяются.

Образование сложносокращённых слов делится на аббревиации и усечения.

Аббревиации, в свою очередь, подразделяются на инициальные аббревиатуры и акронимы. Инициальные аббревиатуры в речи произносятся как последовательность алфавитных наименований букв: *BU (butt ugly)* – ужасно страшная).

Акронимы произносятся как последовательность звуков, т. е. прочитываются как обычные слова: *BOBFOC (Body off Baywatch, Face off Crimewatch)* – дословно: тело спасательницы Малибу, лицо как из передачи «Хроника происшествий», иначе говоря: «сзади – пионерка, спереди – пенсионерка»).

Усечение основы или безаффиксальное словообразование – образование новых слов посредством усечения производящей основы. Например, *beaut / booful* (красотка) ← *beautiful* (красота), *bloss* (проститутка) ← *blossom* (распустившийся бутон).

В качестве отдельного, специфического способа сложения выделяют также редупликацию – фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога, основы или слова. Предельным случаем редупликации является повтор – удвоение всего слова. В английском языке встречается три типа редупликации: полная редупликация, частичная редупликация, устойчивые словосочетания. Полная редупликация *wow-wow* (сексапильная женщина); частичная редупликация *ugly duckling* (гадкий утенок), *classis chassis* (сексапильная девушка) и устойчивые словосочетания *fair, fat and farty* (женщина в расцвете лет).

К морфологическим способам словообразования относят также **морфолого-синтаксический способ** – появление новых слов в результате перехода слов из одной части речи в другую. Согласно Л. Л. Нелюбину, морфолого-синтаксический способ словообразования или конверсия является одним из продуктивных способов терминообразования в английском языке. Данный факт «с типологической точки зрения вполне соответствует общей направленности современного английского языка, идущего по линии развития признаков языка изолирующего типа» [4, с. 105]. В качестве примеров можно привести: *hot* (горячая штучка), *fit* (привлекательная, хорошо сложенная девушка), *talent* (красивая женщина).

В образовании сленговых единиц достаточно активно действует способ **синтаксического образования**, при котором образуется устойчивое сочетание.

Обращаясь к двух- и более компонентным единицам субстандартной лексики, стоит отметить, что среди самых многочисленных групп выделяются атрибутивные сочетания

с прилагательным, выступающим в качестве препозитивного определения. Атрибутивная связь чаще всего характеризуется сочетанием – прилагательное + существительное, где в полном объеме представлены квалификативные отношения (т. е. отношения признак – определяемое слово), связанные посредством атрибуции. Например:

mardy cow (унылая девушка/женщина, дословно: надутая корова);

old bag / old cow (унылая пожилая женщина, старая корова);

good figure (хорошо сложенная молодая женщина).

Высокой степенью распространенности характеризуются также модели существительное + существительное, которые получают высокую распространенность и продуктивность благодаря семантической емкости и относительной компактности. Например:

gold digger (авантюристка, вымогательница);

trophy wife (статусная жена для знаменитостей; красотка, которая является частью имиджа);

coke frame (физически привлекательная девушка, чьи формы напоминают бутылку кока-колы).

Далее по численности идут лексемы, где определение выражено причастием, которые в английском языке можно разделить на две группы: 1) определение, выражено единицами на *-ing*; 2) определение, выражено единицами на *-ed*. Например: *babbling brook* (болтуня, сплетница), *full-bottomed* (толстозадая).

Следует отметить, что синтаксический способ образования сленгизмов первоначально базируется, в подавляющем большинстве случаев, на метафорическом переносе составляющих сложной лексики субстандартной лексики.

Таким образом, мы видим, что в сленге работают все характерные для языка модели словообразования. Однако удельный вес отдельных моделей в сленге значительно перераспределён. Это объясняется высокой ролью процессов неологизации в сленге, устойчивой тенденцией к сохранению экспрессивного потенциала, требующей постоянной замены становящихся привычными и теряющих свою образную функцию лексических форм высокоэкспрессивными дублетами.

Сленговая этимология предстаёт высокомотивированной, новые слова не отрываются семантически от слов-источников, т. е. представляют собой живые этимологические модели и обычно работают на то, чтобы актуализировать в сознании слушающего ассоциативную связь с этимологическим источником с целью создания экспрессивного эффекта. Именно поэтому наиболее

распространенным способом образования сленгизмов является семантический, а именно метафоризация.

Среди морфологических способов образования сленгизмов наиболее востребованным является сложение. Синтаксический способ словообразования характерен для многокомпонентных сленгизмов и является чрезвычайно продуктивным. Однако следует отметить, что синтаксический способ образования сленгизмов первоначально базируется, в подавляющем большинстве случаев, на метафорическом переносе составляющих сложной лексемы субстандартной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функции (лингвокультурологический аспект) / Ю. К. Волошин. – М. : Краснодар, 2000. – С. 34-40.
2. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
3. Кудрявцев А. Ю. Англо-русский словарь-справочник табуизированной лексики и эвфемизмов / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – М. : Комт, 1993. – 304 с.
4. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка. – Изд. 4-е, перераб. и доп. / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта, Наука, 2007. – 126 с.
5. Чернышова Л. А. Системные принципы исследования отраслевой терминологии железнодорожного транспорта. / Л. А. Чернышова // Вестник Поморского ун-та. – 2008. – № 11. – С. 229-234

АННОТАЦИЯ

Рочняк А.В. Типичные словообразовательные модели гендерно-маркированных сленгизмов англо-американского варианта, обозначающих лиц женского пола

Статья освещает вопрос словообразования в такой узкой области лексического богатства, как сленговое обозначение лиц женского пола в американском варианте английского языка. При этом рассматриваются не только типичные механизмы словообразования, но также и влияние этих механизмов на семантико-стилистический аспект.

Ключевые слова: гендер, сленгизм, американский вариант английского языка, лексикология, сленг.

SUMMARY

Rochnjak A.V. Typical word-building models of gender marked slang-units of American English, which determine females

The article considers the problem of word-building in such narrow aspect of lexical abundance as slang determination of females in American English. It is not only about typical word-building models, but also about the influence of such mechanisms upon semantic and stylistic aspect.

Key words: gender, slang units, American English, lexicology, slang.

*М.В. Яковенко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.2

АУТОНИМЫ, АНТРОПОНИМЫ, ТОПОНИМЫ: НОМИНАТИВНЫЕ СВЯЗИ

Наутонимы (собственные имена кораблей) являются неотъемлемой частью ономастического поля любого языка. Они относятся к периферии ономастического поля и редко становятся объектом ономастического анализа, хотя существует ряд статей и исследований, в которых затрагиваются проблемы формирования и функционирования единиц данного разряда. Источниками названий кораблей служат как нарицательные, так и собственные имена. Кроме того, сами названия кораблей могут выступать в качестве наименований топонимических объектов.

Цель данной статьи – рассмотреть наутонимы, образованные с помощью трансонимизации от других разрядов онимов, а также собственные имена, образованные от наутонимов.

Названия кораблей зависят от множества факторов: экстралингвистических (ранг и характеристики корабля), исторических (время и место спуска на воду), лингвокультурологических (национальные и языковые традиции наименования). Как отмечает Ю. С. Крючков, “названия военных кораблей регулярных флотов не являются абстрактными и случайными. Они знакомят нас с историей страны и народа, знаменитыми битвами, героическими подвигами моряков, местами, где происходили исторические события, историческими и государственными деятелями определенной эпохи” [2, с. 6].

Одним из главных способов образования наутонимов является трансонимизация (переход собственного имени из одного разряда в другой). В разряд наутонимов переходят антропонимы, топонимы, агионимы, хрононимы, мифонимы. Названия кораблей появляются в результате одновременного акта наречения, закрепляются юридически, имеют конкретное

номинатора. Большое значение играют в этом экстралингвальные факторы, а именно сложившиеся традиции на флоте. Так, в русском флоте до 1917 года существовала определенная система наименования судов, которая была связана с национальными обычаями, историческими событиями и боевыми достижениями России и призвана сохранять честь и престиж государства. Самым крупным кораблям давались имена христианских святых, библейских пророков: корабли «*Святой Иаков*», «*Святой Федор*», «*Святой Павел*», «*Михаил Архангел*», «*Святой Андрей*»; имена членов царской семьи: корабли «*Петр I*», «*Михаил*» (в честь сына Павла I); названия городов и мест, где были одержаны крупные победы русских армий и флота, завоеванных земель, стран: корабли «*Рига*», «*Выборг*», «*Полтава*», «*Нарва*», «*Шлиссельбург*», «*Ревель*», «*Гангут*», «*Дербент*» (в честь побед, одержанных Петром I на суше и море), «*Крым*», «*Борисфен*», «*Берислав*», «*Херсон*» (в честь завоевания крепостей, земель Г.А. Потемкиным); «*Кинбурн*», «*Измаил*» (связаны с заслугами А.В. Суворова), «*Кульм*», «*Бородино*», «*Смоленск*», «*Лейпциг*», «*Париж*» (связаны с наполеоновскими войнами и Отечественной войной 1812 года) [2, с. 41, 71, 95, 102, 110]. В XXI столетии давняя традиция русского флота давать боевым кораблям имена святых Русской православной церкви была восстановлена. В 2005 году подводной лодке было присвоено наименование «*Святой Николай Чудотворец*».

Кораблям присваивались мифологические имена: «*Меркурий*», «*Геркулес*», «*Юпитер*», «*Марс*», «*Ариадна*», «*Менелай*». Давались также названия частей света, стран, городов, рек: корабли «*Европа*», «*Азия*», «*Америка*», «*Колхида*», «*Бесарабия*», «*Россия*», «*Москва*», «*Петербург*», «*Тамань*», «*Туапсе*», «*Алупка*», «*Одесса*», «*Вологда*», «*Дунай*», «*Буг*», «*Ингул*», «*Нева*», «*Днепр*», «*Ладoga*».

После революции 1917 года на флот пришли новые имена. На бортах кораблей появились имена политических деятелей тех лет: «*М. Калинин*», «*В. Куйбышев*», «*Серго*», «*Артем*», «*Орджоникидзе*», «*Морис Торез*», «*Г. Димитров*», «*Пальмиро Тольятти*», «*Чапaeв*», «*Фрунзе*» [1, с. 143-144].

В настоящее время морские и речные суда носят названия государств, республик, городов, рек: «*Россия*», «*Кабардино-Балкария*», «*Калмыкия*», «*Чувашия*», «*Мордовия*», «*Карелия*», «*Москва*», «*Минск*», «*Калининград*», «*Выборг*», «*Новомосковск*», «*Воронеж*», «*Вятка*», «*Туапсе*», «*Одесса*», «*Ялта*», «*Магнитогорск*», «*Уссурийск*», «*Северодвинск*», «*Елец*», «*Омск*», «*Охотск*», «*Смоленск*», «*Ангарск*», «*Измаил*», «*Калуга*», «*Нева*», «*Обь*», «*Волга*», «*Енисей*», «*Днестр*», «*Байкал*», «*Дон*», «*Лена*»,

«*Ладoga*», «*Двина*». Традиция присваивать кораблям названия городов широко использовалась в середине 90-х гг. XX столетия, когда экономические проблемы России поставили флот на грань выживания, и моряки спасали корабли за счет шефства городов, названия которых присваивались кораблям. Так, появились подлодки «*Екатеринбург*», «*Тула*», «*Тамбов*». В наше время в системе названий военных кораблей существует несколько направлений, одним из которых является присвоение им имен крупных городов: «*Северодвинск*» (2013), «*Новороссийск*» (2014), «*Ростов-на-Дону*» (2014), «*Серпухов*» (2015), «*Старый Оскол*» (2015), «*Краснодар*» (2015), «*Великий Новгород*» (2016), «*Колпино*» (2016).

В качестве наутонимов используются антропонимы. Как правило, это мемориальные названия, данные в честь полководцев, политических деятелей, писателей, ученых, путешественников. Обычно они состоят из двух компонентов: «*Теодор Нетте*», «*Петр Великий*», «*Богдан Хмельницкий*», «*Александр Суворов*», «*Дмитрий Донской*», «*Михаил Кутузов*», «*А. Пушкин*», «*А. Чехов*», «*Николай Гоголь*», «*Шота Руставели*», «*Александр Грин*», «*Александр Довженко*», «*Иван Франко*», «*Тарас Шевченко*», «*Н.А. Некрасов*», «*Сергей Есенин*», «*Лев Толстой*», «*Федор Достоевский*», «*Михаил Ломоносов*», «*Николай Пирогов*», «*Ермак Тимофеевич*», «*С. Дежнев*», «*Федор Литке*», «*Отто Шмидт*», «*Иван Папанин*», «*Николай Пржевальский*». Современные противолодочные корабли, крейсера, авианосцы носят имена флотоводцев российского и советского флота, советских маршалов: «*Леонид Соболев*», «*Алексей Лебедев*», «*Сергей Колбасьев*», «*Александр Шабалин*», «*Евгений Кочешков*», «*Александр Обухов*». Одним из компонентов названия корабля может выступать нарицательное существительное, указывающее на звание полководца, в сочетании с фамилией: фрегаты «*Адмирал Григорович*», «*Адмирал Макаров*», «*Адмирал Эссен*», «*Адмирал Горишков*», малые тральщики «*Вице-адмирал Жуков*», «*Вице-адмирал Захарьин*», «*Лейтенант Ильин*». В последнее десятилетие появилась серия подводных лодок, названных именами русских князей: «*Дмитрий Донской*», «*Александр Невский*», «*Юрий Долгорукий*», «*Владимир Мономах*».

Хотя во флотах разных стран преобладают те или иные особенности наименования, в целом, они перекликаются с общемировыми закономерностями присвоения имен кораблям. В военно-морском флоте США существуют определенные правила наименования судов. Крупные корабли традиционно называют в честь президентов. Последние примеры такого рода – авианосцы «*Рональд Рейган*» («*Ronald Reagan*»), «*Джордж*

Буш» («George H.W. Bush»), «Джордж Вашингтон» («George Washington»), «Гарри Трумэн» («Harry S. Truman»). Эсминцы и фрегаты получают имена прославленных военных моряков и морских пехотинцев, авианосцы получают имена в честь особо значимых политических фигур Америки: «Дональд Кук» («Donald Cook»), «Лассен» («Lassen»), «Арли Берк» («Arleigh Burke»), «Стаут» («Stout»), «Карни» («Carney»). Крейсера именуют по названиям крупных битв, в которых участвовал ВМФ США, а также городов США: «Мобил Бей» («Mobile Bay»), «Принстон» («Princeton»), «Геттисберг» («Gettysburg»), «Порт Ройял» («Port Royal»), «Нью-Йорк» («New York»), «Сан-Диего» («San Diego»), «Арлингтон» («Arlington»), «Сомерсет» («Somerset»), «Портленд» («Portland»). Подводные лодки называют в честь штатов: «Алабама» («Alabama»), «Аляска» («Alaska»), «Невада» («Nevada»), «Теннесси» («Tennessee»), «Кентукки» («Kentucky»), «Калифорния» («California»), «Колумбия» («Columbia»).

В свою очередь, названия кораблей могут присваиваться различным географическим объектам. Это связано с открытием новых земель, островов. На карте мира насчитывается более сотни таких географических названий. В Тихом океане *залив Америка*, в Японском море *пролив и остров Аскольд*, в северной части острова Сахалин *бухта Байкал* даны в честь кораблей. В южной части острова Лайн *остров Восток* назван в честь корабля, на котором было совершено открытие. Возле берегов Америки *остров Св. Георгий* открыт штурманом судна «Св. Георгий». Название дано по названию этого корабля. *Бухта Слава России* (остров Танаха на Алеутских островах) названа в честь судна «Слава России» в 1791 г. во время плавания экспедиции И.И. Биллинга и Г.А. Сарычева. *Пролив Москва* в арктических островах Корсаковских назван по имени ледокола «Москва». *Мыс Охотск* (Анадырский залив) назван в честь брига «Охотск» во время экспедиции в 1848 г. *Остров Белуха* назван в память о шхуне «Белуха», разбившейся в 1933 г. у этого острова (Карское море, берег Лаптева). В честь канонерской лодки, неоднократно участвовавшей в исследованиях заливов Японского моря, одна из бухт носит название *Горностай*. Скала в гряде Курильских островов наименована *Авось* по имени тендера, на котором русский моряк Г.И. Давыдов плавал в 1806-1807 гг. к Сахалину, Хоккайдо, Курилам. Мыс на острове Беринга (Командорские острова) был назван экипажем в честь своего крейсера «Забияка». На полуострове Камчатка гора и мыс *Африка* названы исследователями в честь крейсера «Африка». В 1817 г. русский мореплаватель О.Е. Коцебу открыл в водах Южной Полинезии немало островов-атоллов, один из них получил имя *Рюрик* – в

честь его брига. *Мыс Вайгач* на острове Большевик в архипелаге Северная Земля назван гидрографической экспедицией в честь ледокольного парохода «Вайгач», экипаж которого открыл этот мыс в 1914 г. Традиция называть открытые новые географические объекты на планете именами кораблей присуща не только исследователям русского флота. *Река Колумбия (Columbia River)* на северо-западе Северной Америки названа Робертом Греем в честь его судна «Columbia Rediviva», на котором он исследовал ее устье в 1792 г. *Вулканы Эребус и Террор* в Антарктиде получили свои названия по имени кораблей «Эребус» и «Террор», на которых английская экспедиция под руководством Джеймса Росса в 1841 г. их открыла.

Переходы собственных имен с одного объекта на другой, как видим, могут быть многочисленными. «Трансонимизация может быть как одноступенчатой, так и многоступенчатой. Онимообразовательная цепочка в последнем случае может иметь в себе собственные имена различных разрядов (межвидовая трансонимизация) или же состоять из онимов, принадлежащих одному виду (внутривидовая трансонимизация)» [3, с. 46]. Топоним или антропоним становится именем корабля. Впоследствии имя корабля дает название географическому объекту. Происходит двухступенчатый перенос названий: Америка (топоним) → корабль «Америка» (наутоним) → залив Америка (топоним), Аскольд (антропоним) → корабль «Аскольд» (наутоним) → пролив Аскольд (топоним), Москва (топоним) → ледокол «Москва» (наутоним) → пролив Москва (топоним).

Таким образом, антропонимы и топонимы активно используются для именования кораблей. Процесс присвоения имен кораблям имеет свою стройную систему с присущими ей правилами. Это яркая иллюстрация взаимодействия многовековых традиций и современности. С другой стороны, наутонимы являются источником для номинации географических объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильенко В.В., Ткачук В.И. Имена морских и речных судов в русском языке советской эпохи / В.В. Ильенко, В.И. Ткачук // Исследования по русскому языку: Сб. науч. работ. Вып. 3. – Днепропетровск, 1973. – С. 139-151.
2. Крючков Ю.С. Имя на борту / Ю.С. Крючков. – М.: Транспорт, 1989. – 160 с.
3. Отин Е.С. Из заметок к лекциям по топонимике / Е.С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 6. – Донецк: Донеччина, 2000. – С. 37-54.

4. Супрун В.И. Порейонимы в ономастическом поле / В.И. Супрун. – Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Сб. науч. статей [материалы междунар. науч. конференции. Витебск, 18 февраля 2016 г.]. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – С. 332-335.
5. Традиции выбора имен для кораблей российского флота. – Режим доступа: <http://www.Flot.com/history/interesting/naming-traditions.htm>. – Дата обращения: 14.07.2017.
6. List of current United States Navy Ships. – Режим доступа: <http://www.United States ship naming conventions.htm>. – Дата обращения: 14.07.2017.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М.В. Наутонимы, антропонимы, топонимы: номинативные связи

В статье рассматриваются названия кораблей, образованные от топонимов и антропонимов. Процесс присвоения имен кораблям имеет свою систему с присущими ей правилами, отображает связь традиций и современности. В статье также анализируются переходы наутонимов в топонимы.

Ключевые слова: наутоним, топоним, антропоним, трансонимизация, ономастическое поле.

SUMMARY

Yakovenko M.V. Ships names, anthroponyms, toponyms: nominating connections

This article deals with the analysis of the ships names that are formed from personal names and place-names. The process of the ship naming has its own system. It shows the connection of the traditions and modern times. The author also analyses toponyms that are formed from the names of the ships.

Key words: ship name, toponym, anthroponym, transonymisation, onomastic field.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

Уважаемые коллеги,

приглашаем вас принять участие в создании очередных выпусков сборника научных трудов «Восточнославянская филология» – «East Slavic Philology» (серии «Литературоведение» и «Языкознание»).

Проблематика сборника включает историко-литературные и теоретические аспекты развития восточнославянских и европейских литератур в контексте функционирования мирового литературного процесса, а также синхронические и диахронические параметры существования восточнославянских и европейских языков. Сборник посвящён исследованию актуальных проблем филологии и предназначен для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей литературы и языков в школе.

Научные направления издания:

10 Филологические науки

10.01 Литературоведение

10.02 Языкознание

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания

Рабочие языки сборника – русский, украинский, белорусский, польский, английский, французский, немецкий, испанский.

Главный редактор сборника – д. филол. н., проф. Кочетова Светлана Александровна.

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Издание основано в 2002 году.

Периодичность издания – 4 раза в год: два раза в год выпуск каждой серии (выпуски формируются до 1 июня и до 1 декабря).

Международный стандартный номер сериального издания: ISSN 1992-9196.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР: ААА № 000059 от 28.10.2016.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Адрес страницы в сети Интернет, где размещена бесплатная полнотекстовая версия научного издания: <http://gifl1949.ru/otdelnauchnoj-raboty/nauchnye-izdaniya/sborniki>

Электронная почта редакции научного издания:

GIFL1949ESPh@yandex.ru

Юридический адрес ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»: ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25.

Редакция будет благодарна тем, кто придерживается следующих правил оформления статей:

- объём – 6-12 страниц через 1,5 интервал (формат А4);
- шрифт Times New Roman, кегль 14;
- абзац – 1,25 см; все поля – 2 см (страницы не нумеруются);
- сноски оформляются: [4, с. 124], где первая цифра – номер источника из списка используемой литературы, составленного по алфавиту, а вторая – номер страницы; автоматические сноски не допускаются. После текста статьи подаются аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков) с названием статьи и ключевыми словами;

- примеры подаются курсивом;
- текст печатается без переносов.

Материалы, оформленные без учёта требований, не принимаются.

В редколлегию подаются: 1) по электронной почте высылаются текст статьи с аннотациями, данными об авторе на русском и английском языках (ФИО, место работы, должность, учёные степень, звание, контактная информация: e-mail), сохранёнными в RTF; 2) для тех, кто не имеет учёной степени, необходима отсканированная рецензия научного руководителя или консультанта.

Редакционная коллегия сборника осуществляет рецензирование научных работ. На основании выводов рецензентов редакция вправе принять к опубликованию, направить на доработку или отклонить присланные авторами материалы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА:

*А.Р. Сидорова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Текст статьи [1, с. 418].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 91-92.

АННОТАЦИЯ

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (до 500 печатных знаков)

Ключевые слова:

SUMMARY

Автор. Название статьи (на английском языке)

Текст аннотации на английском языке (до 500 печатных знаков)

Key words:

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арцебашева Ольга Викторовна** – преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Волкова Наталья Валериевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Герасименко Ирина Анатольевна** – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Гончарова Екатерина Васильевна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Дмитриева Юлия Леонидовна** – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Емельяненко Альбина Руслановна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Жихарева Наталия Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, декан филологического факультета ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Иванова Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Косинова Мария Андреевна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Котлярова Марина Витальевна** – студентка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Лежнев Сергей Николаевич** – старший преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Марченко Дарья Игоревна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Наливайко Юлия Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Пономарева Анастасия Александровна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Рочняк Алексей Владимирович** – ассистент кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Елена Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рыжков Дмитрий Леонидович** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рязанова Виктория Эдуардовна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Стеценко Надежда Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и украинского языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Сытенко Ольга Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Унгурян Мария Леонидовна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Фефелова Виктория Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Штакина Людмила Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Яковенко Марина Викторовна** – преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ясинецкая Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Artsebasheva Olga Viktorovna** – instructor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Volkova Natalia Valerievna** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Gerasimenko Irina Anatolievna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Goncharova Ekaterina Vasilievna** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Dmutrieva Julia Leonidovna** – Candidate of Philology, lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Emelianenko Albina Ruslanovna** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhikhareva Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Second Foreign Language Department, Dean of Philological Faculty of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivanova Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Kosinova Maria Andreyevna** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Kotliarova Marina Vitalievna** – student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Nalyvaiko Iulia Iurievna** – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Journalism of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;
- Ponomareva Anastasiya Aleksandrovna** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Lezhnyov Sergey Nikolayevich** – senior lecturer of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Marchenko Daria Igorevna** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rochniak Aleksey Vladimirovich** – instructor of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rochniak Elena Vladimirovna** – Candidate of Philosophy, associate professor, associate professor of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ryzhkov Dmitriy Leonidovich** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Riazanova Viktoriia Eduardovna** – Master's student of the 2nd year of Educational Organization of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Stetsenko Nadezhda Mikhailovna** – Candidate of Philology, associate professor, professor of the Department of the Russian and Ukrainian Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Donetsk National Technical University»;
- Sytenko Olga Aleksandrovna** – PhD, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Unguryan Mariya Leonidovna** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Fefelova Victoria Valentinovna** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shtakina Lyudmila Aleksandrovna** – Candidate of Philology, associate professor, professor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yakovenko Marina Victorovna** – the lecturer of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yasinetskaya Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

СОДЕРЖАНИЕ

- И.А. Герасименко*
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛОГАНЫ
СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА 3
- Н.В. Волкова*
АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ
‘СМЕЛОСТЬ’ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 9
- Ю.Л. Дмитриева*
ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ VS ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ.....16
- Н.А. Жихарева, А.Р. Емельяненко*
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОСВЕННЫХ
ДИРЕКТИВОВ В ДИАЛОГЕ-КОНФЛИКТЕ.....25
- Н.А. Жихарева, В.Э. Рязанова*
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА-
ЭПИТАФИИ 32
- Н.А. Иванова*
МОДУЛЯЦИЯ КАК ТИП ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗАМЕНЫ
ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ
ОРИГИНАЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ) 37
- Ю.Ю. Наливайко*
СИНКРЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОБЪЕКТНО-
ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО ТИПА В СИСТЕМЕ
ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 45
- Е.В. Рочняк, А.А. Пономарева*
НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С ТОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ-
ОЙКОНИМОМ.....53
- Е.В. Рочняк, Д.Л. Рыжков*
КОЛОРАТИВЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА 60
- Н.М. Стеценко*
ТИПЫ ЛИДОВ НОВОСТНОГО МЕДИЙНОГО ТЕКСТА
В КОНТЕКСТЕ ФАКТОРОВ НОВОСТНОЙ ЦЕННОСТИ.....66
- О.А. Сытенко, М.В. Котлярова*
СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНОЙ КОННОТАЦИИ
В РОМАНЕ Д. СЕТТЕРФИЛД «ТРИНАДЦАТАЯ
СКАЗКА» 75

В.В. Фелелова, Е.В. Гончарова ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ РЕЧЕЙ ФРАНСУА ОЛЛАНДА И ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА)	81
В.В. Фелелова, М.А. Косинова ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	89
Л.А. Штакина, М.Л. Унгурия МАРКЕРЫ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКЦИОННОГО ДИСКУРСА	98
Н.А. Ясинецкая, Д.И. Марченко СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЮМОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О. ГЕНРИ И ДЖ. К. ДЖЕРОМА НА РУССКИЙ ЯЗЫК).....	105
О.В. Арцебашева СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «THE DAILY TELEGRAPH» И «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»).....	111
С.Н. Лежнев КОМПОЗИТЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	117
А.В. Рочняк ТИПИЧНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫХ СЛЕНГИЗМОВ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА	125
М.В. Яковенко АУТОНИМЫ, АНТРОПОНИМЫ, ТОПОНИМЫ: НОМИНАТИВНЫЕ СВЯЗИ	131
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»	137
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	140
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	142

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск пятый (тридцать первый)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор А. М. Калашников
Компьютерная вёрстка и макетирование
Е. С. Шалыгиной
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 31.01.2018.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 8,23. Уч.-изд. л. – 9,25.
Усл.-изд. л. – 8,60.
Тираж 300 экз. Зак. № 16/1.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта
издательского дела ДК № 1342 от 29.04.2003
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25